

1000
5-1-12

ИЗДАНИЯ

Общества Археологическаго, Историческаго и Этнографическаго

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

- 1) Череписа, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1889. 212 стран. 8°. Цѣна 2 руб.
- 2) Вотьяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.
- 3) Пермьки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1891. 289 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- 4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- 5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Вескесъ. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.
- 6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стран. 8°. Цѣна 2 руб.
- 7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II 1884 и 1891 по 3 руб.; хронологич. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.
- 8) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть 1, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- 9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8°. Цѣна 75 коп.
- 10) Краткій очеркъ восемнадцатилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12°. Цѣна 10 коп.
- 11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.
- 12) О запискахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Щипялевскаго, и Записки о названіяхъ. Булгарь, Биляръ и Моркваши, Н. И. Золотницкаго. 1884. 36 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическаго съѣзда. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.
- 15) Духовные стихи и разговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка. А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.
- 16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1899. 12 стран. Цѣна 5 коп.
- 17) О древнемъ поселеніи около г. Спасска. А. Обрятековъ. 1899.

П 22

1983

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XV.

ВЫПУСКИ I — ²/₈

1899.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1899.

1700

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества В. Борисовъ.

**ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАВАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ IX.

ОГЛАВЛЕНИЕ

XV тома „Извѣстій“.

Статьи и изслѣдованія.

	Стран.
Быть казимировъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. <i>Я. П. Дубровскіи</i>	1—239.
Погребальные и поминальные обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. <i>С. М. Матвѣева</i>	241—272.
Историческія пѣсни казанскихъ татаръ. <i>Н. Ѳ. Катанова</i>	273—306.
Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и ученыхъ трудахъ: <i>А. С. Архангельскаю</i>	361—435.

Матеріалы историческіе.

Городъ Ланшевъ въ XVI—XVII вв. <i>В. Л. Борисова</i>	344—349.
Тяжба города Царевкоковшайска съ окольнымъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли. <i>Его же</i>	350—355.
Семейное письмо первой половины XVIII в. Доставлено <i>И. Н. Юркинымъ</i>	356.

**ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XV, вып. 1—2.

**БЫТЬ КАЛМЫКОВЪ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.**

Дѣйствительнаго члена

Я. П. Дубровы.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1899.

Матеріали етнографическіе.

	Стр.
Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Баксы, какъ лекарь и колдунъ. <i>Д. А. Дюссая</i>	307—341.
Дополненіе редакціи къ этой статьѣ.	341—344.

Хроника.

Протоколы Общихъ Собраній Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи за 1895—1897 г.	436—485.
---	----------

Библиографія.

Отзывъ о книгѣ А. Н. Микха „Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I. Вып. I.“ <i>С. Б.</i>	357—360.
---	----------

Приложенія.

Отчетъ Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи за 1898 годъ и списокъ членовъ Общества. <i>Н. М. Петровскаго</i> (при 4-мъ выпускѣ)	1—24.
Очерки юридическаго быта якутовъ. <i>Д. А. Кошова</i>	1—177.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества *Н. Петровский*.

Быть калмыковъ Ставропольской губерніи

до изданія закона 15 марта 1892 года ¹⁾.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Часть обширѣйшаго въ Европейской Россіи степного пространства, имѣвшаго своими границами—съ юга устье р. Волги, побережье Каспійскаго моря и р. Куму, съ востока р. Волгу, съ сѣвера Землю Войска Донскаго и съ запада отроги Кавказскихъ горъ—съ 1630 года занята была кочевьями вышедшаго изъ Монголіи калмыцкаго народа и по имени этого народа называлась *калмыцкой степью*.

Вмѣстѣ съ калмыками на той же степи кочевали и покоренные ими народцы: *татары, ногайцы, эдикилуцы, эдисанцы, туркмены и джембулакцы*. Составляя господствующее племя, калмыки—сначала въ лицѣ своихъ *хановъ*, а затѣмъ *ноёновъ*—владѣльцевъ улусовъ,—по отношенію къ Россіи обязывались только *вѣрноподданствомъ* какъ за себя,

---

¹⁾ Сообщеніе, сдѣланное въ Общихъ Собраніяхъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Кавказскомъ Университетѣ 28 ноября и 20 декабря 1897 и 27 января 1898 годовъ.

такъ равно и за подпавшіе подъ ихъ власть народцы¹⁾. При такомъ, чисто внѣшнемъ, обязательствѣ по отношенію къ нашему правительству калмыки долго сохраняли полную неприкосновенность строя своей жизни и гражданскихъ порядковъ.

Оставляя, пока, въ сторонѣ рассказъ о постепенномъ подчиненіи калмыцкаго народа нашей администраціи и объ уничтоженіи многихъ, весьма существенныхъ, ихъ правовыхъ привилегій, съ потерей которыхъ калмыки сдѣлались вполне подвластными намъ и начали управляться не своими *нононами* и *зайсанами*, а русской администраціей,—мы только скажемъ, что до 1860 года весь калмыцкій народъ, жившій въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ дѣлахъ административнаго управленія имъ составлялъ одно цѣлое и входилъ въ составъ Астраханской губерніи. Съ этого же года, то есть 1860-го, незначительная часть калмыковъ, именно принадлежащая къ *Больше-Дербетскому улусу*, отчислена была отъ Астраханской губерніи и вошла въ черту Ставропольской, чѣмъ и округлились границы послѣдней.

Громадная полоса земли, считавшая въ своихъ границахъ до двухъ милліоновъ десятинъ,—сплошь степная, только мѣстами слегка холмистая, въ общемъ пустынная, но въ былую пору изобилующая травой и камышами,—служила весьма удобнымъ мѣстомъ для привольныхъ кочевыхъ номадовъ, вошедшихъ въ составъ Ставропольской губерніи; своею же незаселенностью привлекала въ черту кочевій массу выходцевъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній. Выходцы эти, какъ увидимъ ниже, постепенно, шагъ за шагомъ, безъ помощи администраціи, ватискомъ, вопреки всякимъ писаннымъ законамъ, разнымъ циркулярамъ и „строжайшимъ предписаніямъ“, завоевывали подъ свои поселенія „стенные клочки“, все болѣе

---

¹⁾ Полн. Собр. Закон. Т. 1-й ст. 145, 316, 540; Т. 2-й ст. 672, 990; Т. IV-й ст. 2,207; Т. 22 ст. 16194.

И болѣе скучивали калмыковъ, притискивали ихъ къ бесплоднымъ прибрежьямъ р. Маныча, изобилующимъ не только солончаками, но и довольно значительными по пространству соляными озерами (какъ напр. *Джалтинское, Яшалтинское, Царыкское* и многія другія). Съ этой стороны дѣла, т. е. по исторіи своего заселенія, калмыцкая степь весьма чревата довольно интересными и оригинальными событіями, ждущими своего изслѣдователя. Но и помимо этого, крайне важнаго и обильнаго этнографическаго матеріала, сами по себѣ калмыки во многихъ и многихъ отношеніяхъ представляютъ изъ себя большой и дѣянный историко-этнографическій интересъ. Къ сожалѣнію, вообще калмыцкая степь съ ея населеніемъ—калмыками—свободно, привольно, богато и въ очень недалекомъ прошломъ даже грозно (до семидесятыхъ годовъ) для сосѣдей (русскихъ) кочевавшими, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь въ проявленіи своихъ разбойническихъ инстинктовъ,—до сихъ поръ является непочатымъ изслѣдователями уголкомъ Россіи. Историческихъ—въ самомъ широконъ смыслѣ этого слова—и этнографическихъ изслѣдованій упоминаемаго нами края и его обитателей въ нашей литературѣ почти нѣтъ. Земля же этого края обильно полита человѣческою кровью, борьба за обладаніе имъ ожесточенно велась и только недавно вступила на сравнительно мирный культурный путь (мы разумѣемъ ту борьбу, какую русское населеніе неподоволь, но упорно ведетъ съ калмыками за обладаніе правами на землю), упорно продолжается до сихъ поръ и, по видимому, долго еще будетъ продолжаться.

Оставляя въ сторонѣ прошлое этой борьбы, замѣтимъ, что въ настоящее время она изъ самовольной, чисто народной, сохранивъ ожесточенность, перешла уже въ бумажную. Поле дѣятельности ея ускользнуло изъ рукъ народа и перенесено въ разныя канцеляріи и ведется она не плугомъ и косой, какъ то было до семидесятыхъ, даже почти до восьмидесятыхъ годовъ, а стальными перьями, конецъ же борьбы, въ смыслѣ упорядоченія калмыцкихъ поселеній, едва ли скоро наступитъ.

Одно только ясно и несомненно, что беспорядочность или, вѣрнѣе, полная безтолковщина въ устройствѣ экономическаго быта калмыковъ, равно и претензіи крестьянскаго населенія на захватъ калмыцкихъ земель служатъ теперь нескончаемой и очень выгодной темой для писанія всевозможнаго рода и вида проектовъ „переустройства быта калмыцкаго народа“, конни съ неподражаемымъ рвениемъ и заняты мѣстные вершители судебъ кочевниковъ.

Будучи отчасти знакомымъ съ руководящей идеей многихъ *главныхъ проектовъ* и отдавая имъ должное, позволяю себѣ замѣтить, что практическіе результаты ихъ сомнительнаго, чтобы не сказать болѣе, свойства, говорятъ скорѣе о богатствѣ административныхъ соображеній, чѣмъ о знаніи нуждъ народа и его способностей къ воспріятію въ томъ или другомъ видѣ русскихъ бытовыхъ формъ и земледѣльческой культуры, что въ своемъ мѣстѣ и постараюсь уяснить. Здѣсь же ограничусь однимъ короткимъ замѣчаніемъ, что едва ли нужны доказательства для подтвержденія той общезвѣстной истины, что гдѣ основой сужденій и выводовъ, въ особенности съ цѣлью пракческаго принесенія ихъ въ сферу народной жизни, служатъ не результаты научныхъ изслѣдованій, а традиціонное: „а посему—ниѣ въ виду и принимая во вниманіе“....—пользы для народа не всегда много; вреда же и вреда съ нежелательными послѣдствіями въ будущемъ—не мало.

Разумѣется было бы съ полагора, если бы пронумерованные и скрѣпленные надлежащей подписью проекты о переустройствѣ народной жизни подвергались предварительной, болѣе или менѣе тщательной провѣркѣ. Но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ эфемерныя по своей практической пригодности попытки „измышлять пути для блага“—упорно, какъ нѣчто и въ самомъ дѣлѣ будто бы пригодное, насаждаются „въ видѣ опыта“ на совершенно чуждой почвѣ, чѣмъ и подрываются бытовые и экономическіе устои, ставится все вверхъ дномъ и создается крайне тяжелое социальное-экономическое

положеніе народа, попавшаго въ передѣлку творцовъ „проектныхъ положеній“. Нежелательныя послѣдствія еще болѣе увеличиваются отъ того, что у калмыковъ, какъ у народа долго стоявшаго вдаль отъ общаго теченія нашей народной жизни, собственные социальна-экономическіе и бытовые устои, въ силу неоднородности культуры, съ втиснувшимися въ его жизнь выходцами изъ внутреннихъ нашихъ губерній, что называется въ корень разшатаны. Къ тому же у кочевниковъ не было и нѣтъ въ наличности—ни умѣнья, ни силъ—не только для борьбы съ всепоглощающимъ вліяніемъ на нихъ чуждаго имъ народа.—но даже и для самозащиты. При полномъ же отсутствіи у калмыковъ точекъ сближенія съ чуждой укладу ихъ жизни культурой нашего крестьянина, въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ другъ къ другу и тѣмъ презрѣніемъ, какимъ вообще русскіе дарятъ инородцевъ, называя ихъ „*лозаною тварью*“,—якъ, т. е. калмыкамъ, нѣтъ возможности мирно, безъ страха и сожалѣнія о потерѣ своихъ національныхъ особенностей, постепенно приспособляться къ условіямъ крестьянскаго быта и тѣмъ безъ потерь, кажущихся тяжкими, найти дорогу для привнесенія въ свой бытъ иныхъ жизненныхъ условій и приспособиться къ нимъ, приспособившись же—избавиться отъ положенія жалкаго парія, напоромъ иныхъ жизненныхъ условій и требованій выбитаго пѣзъ колеи обычнаго своего существованія и поставленнаго въ безвыходную необходимость—не жить, а прозябать безъ просвѣта и надежды на лучшее будущее, съ тупой апатіей смотрѣть на экономическій ростъ захватывателей степи и сознавать, что близко уже то время, когда,—путемъ ли естественнаго вымиранія, или же по инымъ, не менѣе сильнымъ, причинамъ—и самое имя „калмыкъ“ сохранится только на страницахъ книгъ. Послѣднее, разумѣется, не бѣда при условіи воспріятія нашими калмыками нашихъ социальна-экономическихъ условій и нашей культуры. Тогда, если бы они и слились съ крестьянскимъ населеніемъ, то тѣмъ самымъ избѣжали бы тяготящаго уже надъ ними закона, по которому замѣнуты въ своей крайне ветхой

и гнилой скорлупѣ, къ тому же и обнищавше, калмыки должны будутъ вымереть—какъ вѣчто вполне не приспособленное для борьбы за сохраненіе обособленности своего существованія. Такое же положеніе калмыковъ, забытыхъ изслѣдователями народной жизни и очутившихся на распутьи, настоятельно требуетъ, чтобы о нихъ вспомнили.

Со времени своего подчиненія Россіи, что случилось, какъ уже отмѣчено, въ 1630 году, калмыцкій народъ, пользуясь исключительной привилегированностью своего положенія, стоялъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ общаго теченія нашей народной жизни, составлялъ какъ бы царство въ царствѣ. И мы бы его совсѣмъ, кажется, продремали, если бы народъ этотъ, отъ поры до времени, довольно таки назойливо, самъ не напоминалъ о себѣ.

Вотъ, между прочимъ, бѣглый ретроспективный взглядъ на прошлое нашихъ заботъ о калмыкахъ.

Начали калмыки при ханѣ *Хо-Урмукъ* правильно организованнымъ войскомъ громить наши окраины, разорили г. Астрахань; стали при *Аюкъ-ханѣ* подчинять себѣ подвластныхъ намъ кочевниковъ и грабить ихъ; вздумали при намѣстникѣ калмыцкаго ханства *Убаши* бѣжать въ предѣлы Китайской имперіи, — правительство наше встрепенулось, усмирило калмыковъ, лишило хановъ ихъ правъ самодержавной власти, раздѣлило *калмыцкую орду* на отдѣльныя владѣльческія княжества, поставило во главѣ ихъ полновластныхъ владѣльцевъ—*нойоновъ*, царившихъ до изданія закона 15 марта 1892 года, и... успокоилось.... Начались въ царствованіе Екатерины II-й грабежи, разбои и „прочія непотребства“ включительно до разгрома крѣпостей и городовъ вмѣстѣ съ пугачевцами, — опять вспомнили про калмыковъ: послали въ улусы русскихъ администраторовъ контролировать дѣйствія нойоновъ и власть своихъ агентовъ подкрѣпили воинскими командами. Затѣмъ въ концѣ уже восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія додумались, что воинская команда служить плохимъ насадителемъ культуры среди калмыковъ и написали проектъ „о замѣнѣ

командъ отъ войскъ вольнонаемными стражниками, но съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе были при воинскомъ оружіи.... Хлынуло въ началѣ текущаго столѣтія широкой, всезахватывающей волной русское населеніе въ свободныя калмыцкія степи, пришло кочевниковъ, оттиснуло ихъ въ глубь степи, построило (безъ разрѣшенія на то, самовольно) массу селъ и деревень, составляющихъ теперь два уѣзда—Медвѣженскій и Новогеоргіевскій— вновь мы пробудились. Въ видахъ удобства административнаго управленія выдѣлили часть калмыцкаго народа,— именно *Больше-Дербетскій улусъ*, изъ вѣдѣнія астраханской администраціи, привели въ извѣстность оставшееся отъ захвата количество земли, дали кочевникамъ душевой надѣлъ (тридцать десятинъ на душу), оставили частичку степи про запасъ, поставили болѣе или менѣе серьезную преграду поступательному движенію русскихъ переселенцевъ въ степь и... опять успокоились... Издали 23 апрѣля 1847 года не имѣющіе внутренней связи между собой жалкіе обрывки, именующіеся „*положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ*“, дали этому „положенію“ силу закона и... почли.... Натолкнулись на безобразнѣйшее изъ явленій народной жизни,—именно, что въ нашемъ отечествѣ, и даже не на окраинѣ, процвѣтаетъ еще вѣрнопостное право и существуютъ чуть ли не владѣтельные князья среди калмыковъ—встрепенулись и закономъ 15 марта 1892 г. уничтожили вѣрнопостничество среди калмыковъ, фивтивно пристегнули ихъ „по правамъ къ свободному сельскому населенію“ и—только. Но тутъ уже не успокоились и какъ будто бы не шутя задумали поставить калмыковъ на ноги, изъ полуномадовъ сдѣлать осѣдлыхъ земледѣльцевъ, изъ традиціонныхъ конокрадовъ—полезныхъ „сельскихъ обывателей“.

Да и нельзя было успокоиться, ибо каждому соприскающемуся съ жизнью калмыковъ до очевидности понятнымъ стало, что законъ 15 марта въ сущности почти ничего не измѣнилъ въ строѣ быта этого народа. И послѣ „закона“, какъ увидимъ ниже, калмыки по прежнему остались такимъ же безправнымъ народомъ, съ крайне неупорядоченнымъ

соціально-экономическимъ строемъ, съ тѣмъ же чуждымъ всякой системы и практической пригодности „положеніемъ“ 1847 г.,—словомъ въ состояніи, довольно правдиво и характерно опредѣленномъ мѣстными жителями фразой: „*ми оз силъ, ми оз тьлѣ*“. „Свободные сельскіе обыватели“ не имѣютъ правъ на общественныя сходы безъ предварительнаго на то разрѣшенія, не имѣютъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію отведенной въ нихъ пользованіе землей и доходностію съ нея, состоятъ подъ полной чиновничьей опекой и пользуются своими средствами и землей—не по праву и свободно, а съ *разрѣшенія*, получаютъ свои собственныя деньги—не тогда, когда нужно, а когда признается *благовременнымъ*, когда строго канцелярскимъ путемъ рѣшится вопросъ, что и калмыкъ за свои же деньги имѣетъ право покупать хлѣбъ и одежду. Благодаря же такой неупорядоченности правъ народа калмыкамъ сплошь и рядомъ приходится, по пословицѣ, спустя лѣто ходить въ лѣсъ по малину. А такъ какъ малины зимой нѣтъ, деньги же у нихъ отобрааны, то они вмѣстѣ со своимъ скотомъ и мрутъ съ голоду (*sic*), мрутъ, несмотря на то, что имѣютъ громаднѣйшій общественный капиталъ (до четырехъ сотъ тысячъ) и родовня сумми. Выраженіе же: „*свободные сельскіе обыватели*“ остается, хотя и громкимъ, но мало содержательнымъ звукомъ. Свободно калмыки только нищенствуютъ, вымираютъ и лишаются послѣдней своей скотины—этой единственной безконтрольной статьи ихъ дохода. Общее число калмыковъ въ 1893 году было 11,812 душъ, въ томъ же году *родилось 254 д., а умерло 312*; въ зиму же 189³/₄ годовъ *отъ безкормицы поибло тысяча пятьсотъ пятьдесятъ одна штука разнаго скота*. Цифры эти не требуютъ комментаріевъ.

Отъ такой, слишкомъ рѣзко бьющей въ глаза, дѣйствительности почувствовалась неловкость, къ тому же и правды скрыть нельзя... Заговорили о „преобразованіяхъ управленія калмыцкимъ народомъ“, принялись за „проекты“ и „доклады“. Вмѣстѣ же съ этимъ, въ видѣ „экспериментальнаго опыта“,

начали практически примѣнять „способы улучшения экономическаго быта калмыковъ и выведенія ихъ на торную дорогу земледѣльческой культуры“, рѣшительно не прислушиваясь къ дѣйствительнымъ нуждамъ народа и не отыскивая въ немъ самомъ тѣхъ средствъ, направляя которыя дѣйствительно безъ вреда можно вывести калмыковъ на эту дорогу.—Положимъ *приказъ*, въ особенности мѣстный, „дѣло великое“, но все же и онъ не исключаетъ необходимости прислушиваться къ нуждамъ народа, изучать его потребности, правоспособность и пригодность къ воспріятію нововведеній....

Изъ этого, хотя и слишкомъ поверхностнаго, обзора нашихъ заботъ о калмыцкомъ народѣ, видно, что болѣе двухъ сотъ съ половиною лѣтъ мы, какъ бы съ просонокъ, обращали свое вниманіе на этотъ народъ, дѣйствовали спорадически, урывками, судорожно и ощупью, соблюдая почему то крайнюю осторожность. Этой то несплѣдовательностію и безсистемностію отчасти, если не главнымъ образомъ объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что калмыки и до настоящаго времени остаются какимъ то отчужденнымъ отъ нашей жизни народомъ, со своими, нигуда негодными „особенными правами и привилегіями“ и представляютъ изъ себя какую то на первый взглядъ мало понятную аномалію среди окружающаго ихъ степь осѣдлаго русскаго населенія. И только теперь, когда калмыки стали уже походить на разлагающійся трупъ, мы начали серьезно заботиться о ихъ будущей судьбѣ и, повидимому, задались цѣлью одухотворить этотъ трупъ, впрячь его въ бороу и плугъ и заставить его перейти изъ кибитки, въ которой онъ молча умираетъ, въ крестьянскую избу съ запустыни огородами, а дабы вознаграить прежнюю забывчивость и небрежность отношеній къ калмыкамъ, лихорадочно суетимся и дѣйствуемъ, какъ кому Богъ на душу положитъ...

Въ виду только что сказаннаго позволяю себѣ поставить открытый вопросъ о крайней необходимости именно теперь пополнить пробѣлъ въ дѣлѣ изученія быта калмыковъ во всѣхъ его проявленіяхъ и тѣмъ такъ или иначе прийти на помощь

администраціи, занятой въ настоящее время вопросомъ о коренномъ переустройствѣ экономическаго и правового положенія этого народа. Особенно же это необходимо *теперь* потому, что многіе непосредственно соприкасающіеся съ калмыками дѣятели, не въ обиду будь имъ сказано, не знакомые (какъ это ни кажется страннымъ) ни съ бытомъ народа, ни съ характеромъ его, ни съ прошлымъ, ни съ условиями, соблюдая которыя дѣйствительно можно улучшить экономическое положеніе полуномадовъ. — начали уже „экспериментировать“. Безпочвенность же экспериментовъ успѣла уже показать свои крайне нежелательные результаты, благодаря которымъ калмыки, не понимая, что съ ними дѣлаютъ и сдѣлаютъ, форсированнымъ маршемъ и притомъ по слишкомъ наклонной плоскости идутъ къ полному экономическому истощенію и деморализаціи. И это вполнѣ естественно—ибо былые жизненные устои расшатаны, подгнили и рушатся, въ замѣвъ же ихъ, пока, ничего положительнаго, практически пригоднаго и отвѣчающаго духу и потребностямъ калмыцкаго народа—не дано. Ломка же, безъ навыка къ дѣлу и нужной осмотрительности, производится.

Сказанное нами можетъ быть на первый взглядъ покажется и рѣзкимъ, и страннымъ—тѣмъ не менѣе все это неоспоримый фактъ, — и только близорукость и склонность благодушно относиться ко всему мѣшали и, вѣроятно, долго еще будутъ мѣшать вынырнуть многимъ фактамъ изъ прошлой жизни калмыковъ.

Не претендуя на всесторонность рассмотрѣнія вопроса о современномъ намъ социальномъ-экономическомъ положеніи калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, постараюсь, по мѣрѣ умѣнья, съ возможной полнотой, опираясь на факты, изложить въ этомъ очеркѣ все то, что добыто было мной въ теченіи шести лѣтъ почти безвыѣздной жизни среди калмыковъ. Быть можетъ, мнѣ и удастся дать матеріалъ для болѣе серьезнаго изслѣдованія, а можетъ быть и заинтересовать кого либо изображеніемъ дѣйствительно непригляднаго, чтобы не сказать

болѣе, положенія калмыковъ и тѣмъ самымъ прійти на помощь кому либо дѣйствительно желающему добра калмыцкому народу. Вопросъ о переустройствѣ быта калмыковъ имѣетъ весьма важное значеніе, ибо рѣчь идетъ не о горсти людей, а о десяткахъ тысячъ,—не о десяткахъ и сотняхъ тысячъ десятинъ земли, а о милліонахъ, такъ какъ предполагаемое преобразование должно коснуться не однихъ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, но и ихъ сородичей, живущихъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи; по официальнымъ же свѣдѣніямъ за 1860 годъ всей земли, находившейся въ пользованіи калмыковъ Астраханской и Ставропольской губерній, числилось 10,297,587 десятинъ... Есть чѣмъ распорядиться и есть что упорядочить!

Начнемъ съ прошлаго, хотя и недалекаго, калмыковъ собственно *Больше-Дербетскаго улуса*, укажемъ, по возможности, на ихъ социально-экономическое положеніе до изданія закона 15 марта 1892 г. и послѣ него, познакомимся, хотя въ краткихъ и общихъ чертахъ, съ ихъ правами, обычаями, бытомъ... Попытаемся опредѣлять отношенія народа къ нойону—владѣльцу улуса и къ русской администраціи и обратно. Коснемся юридическихъ правъ калмыковъ на занимаемую ими землю, способовъ пользованія ею и укажемъ на вліяніе русскаго народа на бытъ и экономическое положеніе номадовъ.

Что касается историческихъ свѣдѣній, то таковыя нами заимствованы частію изъ полнаго собранія нашихъ законовъ и частію изъ невзданныхъ рукописныхъ лѣтописей Бакши хуроловъ Больше-Дербетскаго улуса Саидже Яванова (главное духовное лицо въ улусѣ), умершаго въ 1894 г., уже послѣ моего выѣзда изъ улуса. Упоминаю о послѣднемъ обстоятельстве потому, что интересно было бы знать объ участи весьма важныхъ историческихъ документовъ, бывшихъ у Бакши Яванова. Не мало помогъ мнѣ и уважаемый записангъ *Бадма Далиновичъ Опонновъ*. И да проститъ мнѣ его скромность,

если я съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости своихъ словъ скажу, что онъ лучшій человекъ въ улусѣ и весьма жаль, что его оттолкнули отъ управленія калмыками, хотя онъ и занималъ очень скромную должность—*выборнаго старшины Икитуктунова рода*.

I.

Несмотря на то, что калмыки живутъ не за тридевять земель и не въ тридесатомъ покоренномъ нами царствѣ, а тутъ же, въ Европейской Россіи, на берегу р. Волги, по которой массою движется всякій не интеллигентный и интеллигентный людъ, разносящій во все углы свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ,—намъ не разъ, даже и среди интеллигентовъ, приходилось сталкиваться съ полнымъ непониманіемъ значенія: „калмыцкій улусъ“. Поэтому, прежде чѣмъ говорить что либо о калмыкахъ, считаю далеко не лишнимъ высказать, что называется калмыцкимъ улусомъ.

Калмыки—съ 1630 года, т. е. со времени прихода своего въ Россію и до 1771 года, когда значительная часть ихъ бѣжала обратно въ предѣлы Китайской имперіи—управлялись своими полновластными ханами и официально носили названіе „калмыцкой орды“ безъ подраздѣленія ея на болѣе или менѣе дробныя административныя единицы съ особенными названіями таковыхъ. Точно также и мѣста, занятія кочевьями этого народа, по имени послѣдняго носили одно общее названіе „калмыцкой степи“.

Затѣмъ съ 1771 года, когда ханство окончательно было уничтожено, весь калмыцкій народъ раздѣленъ былъ на семь отдѣльныхъ (впослѣдствіи образовано было восьмое) владѣній. Основаніемъ для такого раздѣленія калмыцкой орды послужило число старшихъ въ родѣ *ноёоновъ*, кои происходили, какъ прямые потомки, изъ ханскихъ родовъ и за кони нашими

правительствомъ признано было право владѣть калмыками—простолюдинами на правахъ полнаго подчиненія послѣднихъ первымъ—не только въ экономическомъ, но и въ судебно-административномъ отношеніи, даже съ правомъ, какъ увидимъ ниже, собирать въ свою непосредственную пользу „албамъ“, т. е. подать. Вотъ эти то отдѣльныя владѣнія войоновъ, со своимъ обособленнымъ управленіемъ и зависимостью народа только отъ войоновъ—владѣльцевъ и получили отъ нашего правительства оффиціальное названіе „улусовъ“. Слово улусъ монгольское, происходитъ отъ „олдъсъ“ (тоже флусъ), что значитъ народъ вообще. Такимъ образомъ „калмыцкіи улусы“ представляетъ изъ себя отдѣльную, самостоятельную въ административномъ отношеніи единицу изъ общаго калмыцкаго народа, со своими отдѣльными правами на извѣстное пространство степи, даже съ точно обозначенными границами земельныхъ дачъ—какъ то есть въ *Больше-Дербетскомъ улусѣ*. Въ Астраханской же губерніи земельныя владѣнія улусовъ еще не разграничены между собой.

Посмотримъ теперь, какъ образовался *Больше-Дербетскій улусъ*.

Еще въ царствованіе Екатерины второй, въ семьѣ владѣльца громаднѣйшаго по пространству и многочисленнаго по населенію *Дербетскаго улуса*, послѣ смерти главы, произошли раздоры между родными братьями за право владѣнія калмыками. Раздоры эти, какъ говоритъ калмыцкое преданіе, сопровождался „междоусобной войной“, т. е. въ споръ братьевъ втянуты были и „простолюдины“. Нерѣшимый же междоусобицей споръ доведенъ былъ наконецъ до свѣдѣнія нашей высшей власти, гдѣ спорившіе о наслѣдіи братья и добились того, что, вопреки основному закону о правахъ наслѣдства войоновъ, приказано было рѣшить споръ раздѣломъ улуса на двѣ части, калмыкамъ же простолюдинамъ, какъ участникамъ въ спорѣ, предоставлено было право *свободно* выбрать себѣ владѣльцемъ одного изъ двухъ братьевъ и остаться его под-

данными. Пользуясь такимъ правомъ, большая часть сторонниковъ *меньшаго* брата приняла зависимость отъ него и образовала *Мало-Дербетскій улусъ*, меньшая же часть отдала свою шею подъ яро *старшаго* брата и составила *Большо-Дербетскій улусъ*, границей же владѣній обоихъ братьевъ положено было считать р. *Мангача*.

Такой раздѣлъ калмыковъ на два улуса разрѣшенъ былъ—не только вопреки существовавшему на то прямому закону о наследствѣ, но и въ прямой ущербъ интересамъ нашей казны, да и самого народа. По точно и ясно выраженному смыслу Высочайшаго повелѣнія, наследствомъ и сопряженными съ нимъ правами на владѣніе калмыцкимъ народомъ могъ пользоваться исключительно только старшій сынъ по прямой линіи. Послѣ смерти его наследство и права умершаго могли переходить опять таки только къ старшему сыну его, но отнюдь не къ братьямъ перваго, даже и въ томъ случаѣ, если у умершаго владѣльца не было сына. Въ послѣднемъ случаѣ *улусъ* *безспорно* *дѣлился* *казеннымъ*, т. е. калмыки обращались въ государственныхъ крестьянъ и вносили „*албанъ*“ уже не наследникамъ умершаго нойона, а въ обще-государственную казну. Братья же умершаго владѣльца обращались во „*владѣльческіхъ родственниковъ*“ и для „*кормленія*“ давался имъ только самая незначительная часть калмыковъ. Но эти „*владѣльческіе родственники*“ юридически не имѣли уже никакихъ административныхъ правъ надъ своими крѣпостными калмыками. Напротивъ сами они, какъ и ихъ крестьяне, во владѣльческихъ улусахъ подчинялись во всемъ *нойону*—*владѣльцу улуса*,— въ казенныхъ же улусахъ,— *управляющему улусомъ* по выбору калмыковъ, а также и представителямъ русской администраціи въ лицѣ „*попечителей улуса*“, обязанность коихъ сводилась къ контролю надъ дѣйствіями нойоновъ и управляющихъ улусами, равно и полицейскому надзору за населеніемъ ¹⁾. А такъ какъ у вла-

¹⁾ См. Зак. Т. IX. Ч. II-я ст. 1350.

дѣльца Дербетскаго улуса не было прямого, законнаго наследника, то, послѣ смерти его, правительство, не посягая ни на чьи права, свободно могло бы причислить улусъ къ „казеннымъ“, чѣмъ соблюдена бы была и справедливость и общій съ народомъ интересъ казны. Случилось же не такъ и случилось, очевидно, потому, что въ силу соблюденія нашими властями личныхъ интересовъ сторонъ, претендующихъ на незаконное наследство, былъ поправъ законъ и вопреки прямому его требованію вмѣсто одной азвы—явилось двѣ, кои и уничтожены только закономъ 15 марта 1892 г.

Оба эти улуса, т. е. *Больше-Дербетскій* и *Мало-Дербетскій*, по дѣламъ своего административнаго управленія входили въ составъ Астраханской губерніи. Затѣмъ въ 1860 году, когда Ставропольская губернія вздумала округиться въ своихъ владѣніяхъ, Больше-Дербетскій улусъ, какъ врѣзавшійся своей землей почти въ самую средину ея, изъятъ былъ изъ вѣдѣнія астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ, вошелъ въ составъ Ставропольской губерніи и образовалъ изъ себя отдѣльную административную единицу, со своимъ совершенно обособленнымъ отъ общаго положенія объ управленіи губерніей административнымъ строемъ и ждетъ теперь реорганизациі.

Любопытно отмѣтить, что вопросъ о выдѣленіи Больше-Дербетскаго улуса танулся нѣсколько лѣтъ и даже возведенъ былъ чуть ли не на степень государственной важности, причиною чему было то, что астраханская администрація, задабриваемая казыцкими поёвами и зайсангами, видѣвшими въ выдѣленіи улуса посягательство на свои національныя права и единство народа, несмотря на всю очевидность необходимости выдѣленія, упорно настаивала на неудобствахъ его, настаивая же—пускала въ ходъ всевозможнаго рода и вида натяжки и подтасовки; такъ, между прочимъ, выставлялось на видъ правительству и то, что „отъ предполагаемаго раздѣла можетъ случиться—не только разореніе народа, но даже и бунтъ“. Последнее предположеніе рѣшился высказать

астраханскій губернаторъ, какъ самый вѣскій доводъ въ пользу невѣдѣнія улуса. Въ докладѣ г. министру онъ выразился, „что хотя управление Больше-дербетскимъ улусомъ, по отдѣльности его кочевій (триста верстъ отъ г. Астрахана) крайне затруднительно для астраханскаго начальства (еще бы не сознаться въ этомъ), но передача калмыковъ въ другое вѣдомство можетъ нарушить единство калмыцкаго народа и произвести по всей вѣроятности непріятное впечатлѣніе съ гибельными послѣдствіями для народа“¹⁾. Между тѣмъ выдѣленіе улуса вызывалось дѣйствительной нуждой и являлось единственно-разумнымъ средствомъ прекратить обострившіеся споры и недоразумѣнія, постоянно возникавшіе между астраханскимъ и ставропольскимъ губерскимъ начальствомъ по дѣламъ завѣдованія калмыцкимъ народомъ. Недоразумѣнія же эти возникали въ силу неизбежной путаницы, происшедшей отъ двойственности положенія калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса. Въ географическомъ отношеніи земля кочевій больше-дербетцевъ находилась, какъ мы уже знаемъ, въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и числилась въ ея планѣ, въ административномъ же отношеніи владѣльцы ея подчинялись астраханскому начальству—это во первыхъ. Во вторыхъ же между калмыками Больше-Дербетскаго улуса и кочевавшимъ совмѣстно съ нимъ „магометанскимъ населеніемъ“—эдиш-кульцами, эдисанцами, джембулакцами и туркменами—земля не была раздѣлена и находилась въ ихъ общемъ совмѣстномъ пользованіи. Въслѣдствіе этого „магометане“ имѣли юридическое право кочевать по слѣдамъ своихъ совладѣльцевъ—калмыковъ даже въ предѣлахъ Астраханской губерніи. Такимъ образомъ одни и тѣ же калмыки подчинены были двумъ одинаковымъ начальствамъ—въ земельномъ отношеніи ставро-

---

¹⁾ Цитата въ докладѣ Ставропольскаго губернатора, г. Бричанинова, въ Министерство Государственныхъ Имуществъ по вопросу о причисленіи Больше-Дербетскаго улуса къ Ставропольской губерніи.

польскому, а въ административномъ астраханскомъ, — „магометане“ же наоборотъ.

Естественно, что отъ такой двойственной административной зависимости одного и того же народа должна была происходить масса недоразумѣній, особенно въ судебноплицейскомъ отношеніи. Недоразумѣнія же неизбежно влекли за собой „ослабу узъ“. Совершая преступленія—грабежи и разбои, кони такъ богато прошлое калмыковъ—последніе рѣдко подвергались отвѣтственности, ибо астраханская администрація, въ лицѣ попечителей улусовъ и главнаго попечителя калмыцкаго народа, ревниво оберегала свои права судить и рѣдить калмыцкія дѣла и не допускала въ тому ставропольскую администрацію, защищавшую интересы своего русскаго населенія. Благодаря этому большинство преступленій оставалось нераскрытыми, что хищникамъ и придавало особенную смѣлость и дерзость въ совершеніи разбоевъ и грабежей даже среди бѣла дня и не въ одиночку, а правильно организованными и значительными по числу шайками. Терпѣвшее же отъ разбоевъ и грабежей русское населеніе, не находя себѣ защиты, вынуждалось само, своимъ судомъ разправляться съ хищниками.

Присходившій отъ всего этого вредъ ясно понималъ ставропольскій губернаторъ, г. Брянчанниковъ; понимая же, вполне основательно упрекалъ не безкорыстно отставившихъ фиктивные интересы „единства калмыцкаго народа“ и убедительно доказывалъ необходимость причисленія Большо-Дербетскаго улуса къ составу Ставропольской губерніи, что, уничтоживъ „двойственность“ власти, дало бы возможность мѣстной администраціи принять болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію „вопиющихъ злоупотребленій“—какъ со стороны астраханской администраціи, такъ равно и со стороны калмыковъ, съ успѣхомъ пользовавшихся выгодами двойственнаго своего положенія. А что калмыки понимали эти выгоды и умѣло пользовались ими—видно, между прочимъ, изъ того, что они, въ случаяхъ преслѣдованія ставропольской

администраціей, смѣло шли подъ испытанно-надежную защиту астраханской, гдѣ и находили полное покровительство. Случалось и наоборот.—Въ такихъ случаяхъ—не преступленія разслѣдовались, а со всей чиновничьей страстью разбирался принципиальный вопросъ: кто въ данномъ дѣлѣ имѣетъ юридическія права „чинить судъ“ надъ калмыками и въ острогъ какой губерніи ихъ пужно сажать. Покуда же рѣшалась эта сказка про бѣлаго быча, калмыки привольно продолжали „чинить грабежи и разбои“. Только разумная настойчивость г. Брянчаннинова, основанная на неоспоримыхъ и слишкомъ рѣзкихъ фактахъ, убѣдила, наконецъ, высшую администрацію положить предѣлъ весьма вреднымъ для народа чиновничьимъ предрасудкамъ. Убѣжденный доводами г. Брянчаннинова и не обращая вниманія на угрозы астраханскаго губернатора относительно „могущихъ быть народныхъ волненій“, министръ государственныхъ имуществъ, въ своемъ докладѣ на Высочайшее имя, рѣшительно высказался за необходимость „нарушенія единства калмыцкаго народа“. Онъ, между прочимъ, писалъ, что „отдѣленіе къ Ставропольской губерніи части калмыцкой степи... не можетъ—ни нарушить правъ калмыковъ, ни потрясти основъ ихъ быта, ибо вся земля, отведенная калмыкамъ для кочевья въ ихъ общее съ магометанами пользованіе, находится въ географическихъ границахъ Ставропольской губерніи. Передача земель калмыцкихъ въ вѣдѣніе на мѣстника кавказскаго не можетъ также измѣнить и экономическаго быта калмыковъ, ибо, переходя вмѣстѣ съ землями въ завѣдованіе иного начальства, калмыки остаются на тѣхъ же земляхъ, которыя они и пользовались и которыя постоянно были заняты чуждыми имъ кочевниками (эдишкульцами и др.)“¹⁾. Въ силу такого доклада министра государственныхъ имуществъ, наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ

---

¹⁾ Копія съ доклада г. министра государственныхъ имуществъ, равно и копія съ доклада г. Брянчаннинова случайно были въ моихъ рукахъ.

отчисленія Больше-Дербетскаго улуса въ вѣдѣніе ставропольской администраціи, что и исполнилось въ 1860 году.

Вслѣдъ за такимъ повелѣніемъ, вопреки увѣреніямъ астраханскаго губернатора, не послѣдовало никакихъ народныхъ волненій, равно никто изъ калмыковъ не потерялъ и экономическаго разстройства. Да иначе и не могло случиться, такъ какъ пугливыя предположенія были чистѣйшей, ни на чемъ, кромѣ „корысти“, не основанной выдумкой астраханскихъ властей, тормозившихъ дѣло въ угоду нойонамъ-владѣльцамъ улусовъ, видѣвшимъ въ отдѣленіи части отъ цѣлаго а) косагательство на вѣковыя права народа и б) опасность причисленія калмыковъ къ крестьянскому сословію, слѣдовательно потерю прерогативъ своей власти.

Площадь, занятая кочевьями калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, залегала на громаднѣйшемъ степномъ пространствѣ, начиная отъ р. Сѣверной Кугульги до р. Маныча и отъ р. Ягурлыка до рр. Кумы и Калауса ¹⁾ и исчислялась милліонами десятинъ земли; численность же кочевниковъ-калмыковъ не превышала четырехъ тысячъ душъ обоюга пола. Такъ, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1860 году, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ значилось 812 кибитокъ, земли 2,100,000 десятинъ и 145,650 головъ рогатаго скота и лошадей. Свѣдѣнія эти, особенно относительно численности кибитокъ (отдѣльное жилое помѣщеніе), можно считать вполне вѣрными, потому что каждая отдѣльная кибитка, иначе „дымъ“, считалась тогда, какъ считается и по настоящее время, платной единицей по взносу *албана*—тогда въ пользу нойона, а теперь въ пользу обще-государственной казны; въ вѣрности же исчисления кибитокъ былъ заинтересованъ самъ нойонъ, владѣлецъ улуса, такъ какъ съ каждой кибитки онъ получалъ до семи рублей въ годъ албана; слѣдовательно, при передачѣ калмыковъ въ вѣдѣніе ставрополь-

---

¹⁾ § 25 Положенія объ упр. калмыками 19 мая 1806 г.

ской администраціи, всякая не попавшая въ счетъ кибитка, оставаясь въ Астраханской губерніи, принесла бы его интересамъ явный и значительный ущербъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ можно вѣрить тогдашней официальной статистикѣ.

Если мы предположимъ, что каждая кибитка состояла изъ трехъ душъ мужского пола, то все населеніе калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса выразится въ цифрѣ 2436 душъ. Естественно, что такое крайне ограниченное число населенія кочевниковъ на пространствѣ двухъ слишкомъ миллионныхъ десятинъ земли являлось слишкомъ незначительнымъ, такъ что относительно населенія степь должна была представлять изъ себя почти пустынное мѣсто съ кое гдѣ едва примѣтно торчащими на ней калмыцкими кибитками; къ тому же кибитки, какъ походныя войлочные палатки, не имѣли вокругъ себя ни загородей, ни другихъ какихъ либо хозяйственныхъ пристроекъ, въ которыхъ кочевникъ рѣшительно не нуждался. Впечатлѣніе пустынности степи особенно сильно увеличивалось еще и отъ того, что на всемъ обширномъ пространствѣ равнины, исключая транзитной дороги, идущей отъ г. Царицына и Астрахани на г. Ставрополь-Кавказскій, не было другихъ—не только дорогъ, но даже и проѣзжихъ тропинокъ, потому что обитатели степи—калмыки ѣздили исключительно верхомъ и безъ дорогъ, на глазъ, по прямому направленію и не по развѣченному слѣду, а „съ кургана на курганъ“. Даже и теперь, когда степь изрѣзана уже множествомъ проѣзжихъ колесныхъ дорогъ, калмыки не бросаютъ своей прежней привычки ѣздить не дорогой, а по прямому направленію.

Что же касается населенныхъ мѣстъ, то, при постоянномъ передвиженіи кочевниковъ, ихъ съ трудомъ можно было и примѣтить и отыскать, если случайно кто либо не наталкивался на ту или другую кучку кибитокъ. Словомъ раздолье и приволье было полное; дѣвственная степь, совершенно нетронутая рукой человѣка, изобиловала тучными пастбищами

и казалась богатѣйшей по своему плодородію. Даже и теперь, когда почва калмыцкой степи крайне уже истощена, благодаря хищническому способу распашки ея,—все таки весной и осенью, начиная съ сентября мѣсяца, она богато покрывается густой сочной травой,—только среди лѣта кажется точно выжженной. А такъ какъ бродячій людъ хорошо зналъ о привольѣ калмыцкихъ кочевій, то естественно, что онъ при первомъ же удобномъ случаѣ и хлынулъ въ нихъ массой, особенно послѣ того, какъ дѣло заселенія Таврической степи было окончательно урегулировано и прекратилась возможность произвольнаго захвата ея.

Дѣйствительно—по мѣрѣ успѣховъ нашихъ завсезаній на сѣверномъ Кавказѣ, вслѣдъ за войсками изъ внутреннихъ губерній Россіи шла масса гулевого народа, почему либо не ужившагося на мѣстахъ своей родины и искавшаго свободныхъ и привольныхъ пристанищъ для осѣлости, поселившись на которыхъ можно было бы окончательно порвать счеты со всѣмъ своимъ прошлымъ, устроиться и жить такъ, какъ хочется, а не какъ велеть.

Миновавъ Землю Войска Донского, выходя изъ Россіи прямо и сразу попадали въ безбрежныя калмыцкія степи, съ отсутствующимъ почти населеніемъ, если не считать за таковое кое гдѣ одиноко торчавшія кибитки кочевниковъ. Владѣльцы степи и кибитокъ—калмыки, при появленіи русскихъ, трусливо снимались со своихъ стойбищъ и уходили въ глубь степи—благо было куда уходить. По разсказамъ старожиловъ, номады никогда, особенно въ первое время захвата степи (конецъ прошлаго и особенно двадцатые годы текущаго столѣтія), активно не отстаивали своихъ правъ на землю. Такимъ, совершенно пассивнымъ отношеніемъ кочевниковъ къ отстаиванію своихъ интересовъ въ дѣлѣ захвата ихъ земли, не имѣвшей, положимъ, тогда въ ихъ глазахъ цѣнности, только и можно объяснить, какъ объясняютъ и сами калмыки, тотъ фактъ, что русскіе переселенцы, сами, безъ чьей бы то ни было посторонней помощи, только въ крайне рѣдкихъ случа-

ихъ вступая въ борьбу съ номадами, выгнали послѣднихъ изъ ихъ кочевій, самовольно поселились въ степи, сначала хуторами, а затѣмъ и цѣлыми многолюдными, растянувшимися на нѣсколько верстъ, селами и захватывали въ свое пользованіе столько земли, сколько хотѣлось, а не сколько нужно было.

Какъ уже отмѣчено, началомъ массоваго движенія въ калмыцкую степь и, такъ сказать, лихорадочно торопливаго заселенія ея слѣдуетъ признать двадцатые годы текущаго столѣтія. Всезахватывающему этому напору пришлыхъ людей саки калмыки въ первое время не хотѣли, а потомъ не смогли и не сумѣли положить преградъ, по необходимости тѣснились къ р. Маньчу, гдѣ и находили сравнительный покой, потому что сплошные тамъ солончаки не представляли удобствъ для земледѣльческихъ поселеній. Лучшія же мѣста своихъ кочевій калмыки безъ активнаго протеста уступали чуждымъ ихъ жизни пришельцамъ. Задабриваемое начальство русскаго и калмыцкаго толка, игнорируя интересы калмыковъ, смотрѣло сквозь слишкомъ темныя очки на поступательное движеніе переселенцевъ и, послѣ совершившагося факта заселенія той или другой степной мѣстности, какъ бы вынужденное къ тому „экономическими соображеніями“, закрѣпляло земли за поселенцами, официально оправдываясь тѣмъ, что „нельзя же цѣлыми массами семействъ выгонять, разрушать постройки и тѣмъ приводить въ окончательное разореніе захватывателей калмыцкихъ степей“. Суть дѣла заключалась, разумѣется, не въ этихъ, отчасти справедливыхъ и, во всякомъ случаѣ, гуманныхъ соображеніяхъ, а въ „сотельныхъ“. Дѣло теперь прошлое, хотя и не особенно далекое по времени, крестьяне уже „крѣпко и нерушимо сидятъ“ на захваченныхъ ими мѣстахъ, почему, вспоминая старину, и не стѣсняются рассказывать со всѣми подробностями дѣла—тому и въ какихъ палатахъ и канцеляріяхъ и сколько было „отвалено сотельныхъ“ (сторублевныхъ) дабы „зажать рты твари“ т. е. заставить калмыковъ молчать и безпрепятственно селиться на ихъ земляхъ. „Сотельныя“

были такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ переселенцевъ, что даже Высочайшія повелѣнія оставались „втухе“ и не имѣли желательнаго воздѣйствія на лакомыхъ къ „сотельнымъ“ ставропольскимъ и астраханскимъ заправилъ калмыками и ихъ кочевьями. Распоряженія же, ограждающія земельные интересы калмыковъ, были весьма опредѣленны и, повидному, очень строгы.

Въ виду того, что заселеніе калмыцкой степи еще не окончено, прежнія же распоряженія по этому поводу не отменены и имѣютъ силу закона, мы остановимся на нихъ и рассмотримъ ихъ нѣсколько подробнѣе.

Статьями 228 и 229 Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1847 года „*Положенія объ управленіи калмыцкимъ народомъ*“, между прочимъ, категорически требуется, чтобы улусныя управленія имѣли попеченіе, дабы предоставленныя въ пользованіе калмыцкому народу казенныя земли и угодья не подвергались неправильному пользованію постороннихъ лицъ. Неприкосновенность владѣнія калмыками земель должна быть провѣряема осмотрами границъ ежегодно въ началѣ весны и при наступленіи осени чрезъ зайсанговъ и старшинъ, о чемъ улусныя управленія и обязаны дѣлать донесенія палатѣ для включенія въ отчетъ Министра Государственныхъ Имуществъ. Въ свою очередь палата наблюдаетъ, чтобы люди посторонняго вѣдомства не селились самовольно на калмыцкихъ земляхъ, не пасли бы на нихъ своего скота и не оставляли купленнаго у калмыковъ на прокормленія у нихъ же, кромѣ времени, нужнаго для прогона чрезъ улусы, для чего и полагается не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Мало этого—строгость охраны и заботливость о неприкосновенности калмыцкихъ земель простиралась, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, до того, что 81-й статьей того же „положенія“ требовалось, чтобы лица посторонняго вѣдомства, желающія ѣхать въ улусы, обязывались взять для себя изъ палаты государственныхъ имуществъ (въ г. Астрахани) билетъ, безъ чего воспрещалось имъ даже кратковременное пребываніе въ

улусахъ. Статьей же 11-й, какъ бы въ подтвержденіе 229 ст., воспрещается „людямъ посторонняго вѣдомства *безъ дозволенія правительства* селиться на отведенныхъ казѣнкамъ земляхъ, впускать для пастбы свой скотъ и оставлять оный для прокормленія у калмыковъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, *отобранія заведенныхъ строеній и скота и продажи оныхъ въ пользу калмыкаго общественнаго капитала*“.

Ранѣе же изданія упомянутого выше „положенія“—именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 28 мая 1839 года, объявленнымъ предсѣдателю государственнаго совѣта чрезъ военнаго министра—„строжайше воспрещалось поселеніе на казѣнскихъ земляхъ казеннымъ крестьянамъ и вообще выходцамъ изъ внутреннихъ губерній, какому бы вѣдомству они не принадлежали“ ¹⁾. Но повелѣніе это, равно какъ и ранѣе отмѣченныя нами статьи „положенія“, какъ показали послѣдствія, только *приминались добросовѣстно къ дѣлу*, рѣшительно не исполнялись и практически примѣнялись—не тогда, когда нужно было и слѣдовало ихъ примѣнять, а напротивъ—когда выгодно было и *нужно* для цѣлей „нажима“ пригрозить ни гуго раскошелявавшимся переселенцамъ; затѣмъ, получивъ чрезъ посредство „строжайшихъ“ должную мзду, ихъ опять прятали до новаго случая. Захватъ же земель продолжался даже въ большемъ размѣрѣ и съ большей беззастѣнчивостію, чѣмъ до „повелѣнія“ и изданія „положенія“. Торопились и крестьяне-выходцы, пока есть возможность, захватить и „*съсѣсть на волыныя земли*“, торопились и ставропольская и астраханская администрація воспользоваться случаемъ безнаказаннаго собиранія весьма и весьма обильной дани за безмолвную, хотя и вполнѣ незаконную, уступку чужой земли. Обѣимъ сторонамъ было выгодно и обѣ стороны со всѣми усліями взаимно поддерживали другъ друга и не выносили соръ изъ избы, напротивъ—старались и преуспѣвали въ этомъ—облечь

¹⁾ Пол. Собр. Зак. изд. 1839. Томъ XIV, № 13384.

все въ благовидную и, путемъ подтасовокъ фактовъ, законную форму. Интересы же калмыковъ ни въ грошъ не ставились. Напротивъ, послѣднихъ всячески жали и вынуждали „третейно молчать“.

И вѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго, что дѣатели по отчужденію калмыцкихъ земель въ пользу переселенцевъ не только наживали „солидные состоянія“, но даже прославились среди крестьянскаго населенія, и не только въ ставропольской губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Ихъ знали и въ Курской, и въ Орловской, и въ Тамбовской, и во всѣхъ южныхъ губерніяхъ. Съ ними велась „откровенная“ переписка, чрезъ посредство которой составлялись „сдѣлки“, къ нимъ посылали ходоконъ и затѣмъ, сторговавшись, переселенцы уже „навѣрняка“ такъ или иначе снимались съ насиженныхъ мѣстъ и шли „отъ калмычкиму“.

Между многими другими дѣателями на этомъ поприщѣ особенно широкую извѣстность своей „тороватостью“ имѣлъ Б. Впослѣдствіи этотъ „историческій“ дѣатель, положимъ, попалъ таки подъ судъ. Но надъ такимъ своимъ положеніемъ „устроитель земельныхъ дѣлъ края“ благодушно подсмѣивался, ибо капиталы свои и „благопріобрѣтенное“ онъ такъ умѣло „обставилъ“, что никакой судъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ „подкопаться“ подъ него.

Но, кромѣ пассивнаго участія калмыковъ въ дѣлѣ захвата ихъ земель и алчности лицъ, „конимъ о семъ вѣдать надлежало“, по справедливому и очень характерному призванію одного изъ официальныхъ документовъ, составленныхъ губернаторомъ Брянчаниновымъ, быстрота, съ какой заселилась калмыцкая степь, объясняется, между прочимъ, еще и тѣмъ, что кочевья калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса долго служили яблокомъ раздора между астраханскимъ и ставропольскимъ начальствомъ, какъ о томъ мы уже упоминали. Касаясь объясненія причинъ этой стороны дѣла, г. Брянчаниновъ писалъ: „что пользуясь неопредѣленностію правъ калмыцкаго начальства, казенные крестьяне разныхъ внутреннихъ губер-

вій и люди вовсе: безъ письменнаго вида, привлеченные слухомъ о свободномъ заселеніи калмыцкой степи, водворились на ней безъ всякаго начальническаго на то разрѣшенія, захвативъ распашками значительныя пространства земель. Калмыцкое начальство, сосредоточенное въ г. Астрахани, не успѣвъ склонить этихъ самовольныхъ поселенцевъ къ удаленію, обращалось къ здѣшнему (ставропольскому) начальству съ требованіемъ заставить ихъ рѣшительными мѣрами возвратиться въ свои мѣста жительства или же перейти на другое мѣсто (жула?). Но ставропольское начальство, имѣя въ виду, что поселенія образуются на земляхъ, принадлежащихъ неподвѣдомственному ему населенію, считало себя не въ правѣ входить въ какія либо распоряженія въ предѣлахъ калмыцкаго управленія, имѣющаго по улусамъ свою полицію. Такимъ образомъ время проходило въ безплодной перепискѣ, а своеволіе разрасталось все болѣе и болѣе. Поселенцы оставались несведенными и число ихъ увеличивалось неудержимо¹⁾.

Въ такомъ, крайне беспорядочномъ, видѣ шло весьма важное для края дѣло заселенія калмыцкой степи Больше-Дербетскаго улуса до начала шестидесятыхъ годовъ, т. е. до времени, когда—не въ силу закона и разныхъ распоряженій, а по неволѣ—пришлось сузить кругъ произвола и обратить, наконецъ, серьезное вниманіе на то, что калмыкамъ, въ случаѣ продолженія захвата ихъ степи, вскорѣ пришлось бы остаться совсѣмъ безъ земли. Итакъ—не предписанія и распоряженія, а сама жизнь заставляла оглянуться, положить предѣлъ „самовольному“ переселенію въ калмыцкія степи, принудила фактически взяться за охрану послѣдней и такъ или иначе, но уже не только на бумагѣ урегулировать вопросъ объ отводѣ площадей подъ новыя поселенія выходцевъ. Тѣмъ болѣе нужно было, хотя бы и помимо желанія, упорядочить

---

¹⁾ Неопубликованныя записка г. Бричанинова отъ 17 дек. 1857 г. о необходимости размежеванія Астраханской и Ставропольской губ.

этотъ вопросъ, что на ряду съ значительной убылью свободной калмыцкой земли, поступательное движеніе переселенцевъ не только не прекращалось, но даже увеличивалось. Шло оно съ двухъ сторонъ: первоначально съ сѣверозапада, чрезъ Воронежскую и Екатеринославскую губерніи и Землю Войска Донского, а затѣмъ, въ позднѣйшее время, чрезъ г. Царицынъ прямой линіей на г. Ставрополь-Кавказскій, когда открыто было правильное и безопасное торговое сношеніе Приволжья съ Кавказомъ. Съ этихъ двухъ сторонъ постепенно и возникали на калмыцкой степи громадныя и многочисленныя по населенію „русскія села“ выходцевъ по преимуществу изъ Полтавской, Черниговской, Кіевской, Курской, Орловской, Тамбовской, Рязанской и др. губерній. Впослѣдствіи села эти, объединившись, образовали изъ себя два богатѣйшихъ въ Ставропольской губерніи уѣзда, а именно: Медвѣженскій и Новогеоргіевскій.

Въ настоящее время въ Медвѣженскомъ и Новогеоргіевскомъ уѣздахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія многолюдныя и богатыя села, о какихъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, если не считать фабричныхъ, и понятія не имѣютъ. Напримѣръ с. *Бѣлая Глина*, болѣе чѣмъ съ десятитысячнымъ населеніемъ, по богатству своихъ построекъ выглядит лучше многихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Въ этомъ селѣ есть даже „клубъ“. Таково не одно это село: мало чѣмъ уступаютъ ему и прочія села, въ особенности Медвѣженскаго уѣзда; перечислять ихъ и долго, и нѣтъ нужды.

Русскія села, захвативъ „чужую“ землю ¹⁾, не только плотно прижались къ калмыцкимъ кочевьямъ, но сумѣли врѣзаться, что называется, въ самое сердце ихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся: с. Яшалта, Хагинка и Эстонка,

---

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ я не касаюсь вопроса о полезности или вредѣ захвата калмыцкихъ степей. Это особая статья. Не высказывая же своего взгляда въ надеждѣ коснуться въ особой статьѣ исторіи заселенія Ставропольской губерніи.

населенныя сплошь вѣдями, Разсипянскіе и Николаевскіе хутора. Такимъ образомъ въ настоящее время калмыцкая степь осталась открытой только съ двухъ сторонъ — именно со стороны р. Маныча и прилегающихъ къ ней соляныхъ озеръ (потому что сплошные солончаки рѣшительно непригодны для земледѣлія, къ тому же въ этой части степи очень трудно, а въ иныхъ мѣстахъ и невозможно, добыть прѣсную воду—слѣдовательно прибрежья р. Маныча не представляли и не представляютъ изъ себя ничего заманчиваго), затѣмъ со стороны Ставропольскаго уѣзда, собственно той части его, съ которой къ улусу примыкають земли частныхъ владѣльцевъ, когда то щедрою рукою розданныя разнымъ, выражаясь мѣстнымъ жаргономъ, „бритымъ и небритымъ“ кавказскимъ дѣятелямъ, т. е. военнымъ и статскимъ.

Пользуясь случаемъ, тутъ же замѣтимъ, что получившіе въ даръ земельные участки, въ большинствѣ, давно уже успѣли промотать ихъ, благодаря чему около ста тысячъ десятинъ этой дарственной земли перешло въ собственность „тавричанъ“-овцеводовъ, т. е. выходцевъ изъ Таврической губерніи. Тавричане, смѣнивъ прежнихъ владѣльцевъ, живутъ теперь настоящими помѣщиками, создали образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ хозяйства и отлично обстроили свои усадьбы. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что тавричане, купивъ землю въ собственность (отъ шести до пятнадцати руб. за десятину), уничтожили всѣ слѣды пребыванія на нихъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Между прочимъ въ „жалованномъ“ имѣніи „статскаго генерала“ И. была собрана богатѣйшая библиотека, доставшаяся тавричанину Б. послѣ покупки имъ имѣнія И. Отъ библиотеки этой въ настоящее время остались одни лишь жалкіе клочки разрозненныхъ томовъ романовъ и повѣстей. Все же лучшее, серьезное, какъ незамысловатое, въ особенности книги на иностранныхъ языкахъ,—уничтожено и пошло „на подклейки и обертки“, частію же расхищено писарями и другими деревенскими интеллигентами. Книги же съ картинками, какъ и самый портретъ г. И.,

обращены въ игрушки для дѣтей. Мнѣ лично приходилось видѣть, какъ довольно художественно написанный масляными красками портретъ г. И. таскала дѣти по полу и забавлялись имъ, точно какой нибудь игрушкой... Достойная участь портрета лица, игравшаго когда то въ свою очередь судьбой края.

Какъ быстро размножались русскія поселенія на калмыцкой степи, можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ официальнымъ даннымъ.

Въ 1846 году, 30 декабря, изданъ былъ Высочайшій указъ, коимъ, въ видахъ обезпеченія пути сообщенія съ Приволжьемъ и г. Астраханью и оживленія—скажемъ въ скобкахъ: несуществовавшей и несуществующей среди калмыковъ,—промышленной дѣятельности среди кочевниковъ, разрѣшалось, по тракту, идущему изъ г. Астраханя на г. Ставрополь, устроить русскія *станицы* изъ государственныхъ крестьянъ. Такихъ станицъ на калмыцкой степи въ чертѣ Ставропольской губерніи въ 1849 г. устроено было восемь: 1) *Дюная* съ 93 семействами; 2) *Дербетовка* (Сладкія Копани тожъ) 33 сем.; 3) *Винодѣльное* (Чемрекъ тожъ) 16 сем.; 4) *Предтеченская* (Кубурла) 70 сем.; 5) *Величавая* 65 сем.; 6) *Урожайная* 94 сем.; 7) *Розули* 78 сем. и 8) *Пробитый Колодець* 21 сем. Въ этихъ станицахъ, впоследствии (въ шестидесятыхъ годахъ) переименованныхъ въ села, вскорѣ дворы начали считаться сотнями. Затѣмъ, съ первыхъ же годовъ своего существованія, онѣ успѣли обратиться въ многолюднѣйшія и богатѣйшія поселенія, считавшія свои дворы уже не сотнями, а тысячами. Ко всему этому если добавить, что, какъ утверждаютъ ставропольскіе старожилы, на разрѣшенныхъ для поселенія мѣстахъ выходцы селились не съ такою лихорадочною поспѣшностію и не такъ охотно, какъ на самовольно захваченныхъ дачахъ ¹⁾, то намъ вполне понятно будетъ, что если

¹⁾ Причина «не охоты» селиться на отведенныхъ мѣстахъ объясняется тѣмъ, что «на вольныхъ мѣстахъ» никто не спрашивалъ «документовъ», а это имѣло громадное значеніе для переселенцевъ.

бы не подоспѣла фактически энергичная забота о калмыцкихъ земляхъ, то отъ кочевій калмыковъ не осталось бы и слѣда и сами калмыки остались бы совсѣмъ безъ земли, какъ то и случилось съ ихъ родичами, попавшими въ Терскую область и не позаботившимися о приобрѣтеніи правъ на землю.

Началомъ настойчиво проводимыхъ въ жизнь мѣръ послужилъ Высочайше утвержденный въ 1862 году докладъ министра государственныхъ имуществъ объ отводѣ земли уже *не переселенцамъ, а калмыкамъ подѣ осыдлов изъ поселеніе.* Съ этого времени приступлено было къ генеральному измѣренію и обмежеванію собственно оставшейся въ пользованіи калмыковъ земли, которое и окончилось въ 1873 году.

Слишкомъ длинная и скорбная исторія — рассказъ о томъ, какъ производилось это размежеваніе. Достаточно будетъ воспроизвести одинъ изъ самыхъ мелкихъ фактовъ, чтобы общее было понятно. Вотъ этотъ фактъ.

Землемѣръ К. (давно уже умершій), обмежовывая прѣрѣзку земли жителямъ сс. Разсипянского и Николаевского, остановился съ плугомъ у начала питательной балки, единственной (въ той мѣстности) обладающей прѣсной водой. Причина остановки не была понята представителями Николаевского общества, разсипянце же поплы „фортель“, переговоры съ землемѣромъ, переговоры надлежаще закрѣпили и плугъ, къ удивленію николаевцевъ, пошелъ не прямо, какъ бы то слѣдовало по условіямъ мѣстности, а зигзагами—въ обходъ балки... Въ результатѣ николаевцы, совершенно неожиданно для себя, получили сухой безводный бугоръ... Повторяемъ, что это одинъ изъ *блѣднѣйшихъ* фактовъ размежевочной эпохи...

Не нужно забывать, что во время размежеванія земель, хотя и „втихомолку“, и не въ большомъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ, но всетаки продолжался захватъ калмыцкихъ дачъ. И только въ 1873 году, когда уже окончена была разверстка участковъ земли между калмыками, переселенцы безвозвратно лишились возможности массами самовольно

селиться на калмыцкой степи безъ взноса за то арендной платы. Случай же захвата земли въ собственность, исключая одного, совершенно прекратился.

Въ свою очередь и сами калмыки, вслѣдъ за разверсткой между ними дачъ, потеряли возможность и право перекочевывать по своему произволу по степи, должны были „объосѣдаться“ на отведенныхъ каждому роду ¹⁾ отдѣльныхъ участкахъ и забыть о прежнемъ привольѣ своей кочевой жизни. Имъ, по разверсткѣ степи, нарѣзано было на каждую наличную душу мужского пола по тридцати десятинъ „въ пользованіе“, да кромѣ того оставлено по шести десятинъ въ запасъ на случай увеличенія народонаселенія. Слагаемое этихъ шести десятинъ и образовало такъ называемую свободно калмыцкую степь, вполне изъятую изъ вѣдѣнія народа; сдается она въ аренду улуснымъ управленіемъ и вся получаемая арендная плата причисляется къ калмыцкому общественному капиталу. Но объ этомъ послѣ.

Такимъ образомъ изъ *двухъ милліоновъ ста тысячъ десятинъ калмыцкой степи*, бывшей въ пользованіи калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса къ 1873 году, по точному землемѣрскому измѣренію, *осталось только около пятисотъ тысячъ десятинъ земли*; остальные же полтора милліона расхищены. Мало этого—и оставшіяся пятьсотъ тысячъ десятинъ далеко не всѣ поступили *въ пользованіе собственно калмыковъ простонародныхъ*. Львиная доля удѣлилась крестьянскимъ обществамъ въ видѣ *прирѣзокъ* къ раньше захваченнымъ участкамъ, а также и *приислуживанному калмыцкому сословію* т. е. зайсангамъ, владѣльческимъ родственникамъ, духовенству и пойнору-владѣльцу улуса.

Вотъ статистическій перечень этихъ *прирѣзокъ* и *наѣловъ*:

---

¹⁾ Калмыки, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не пережили родового быта и каждая ихъ родъ обособлена отъ другого.

- 1) Нойону—владѣльцу улуса г. Гахаеву 1775 десятинъ. По „положенію“ ему слѣдовало только 1400 д.; 350 же десятинъ прибавлено въ видѣ неудобной земли, будто бы находящейся въ его участкѣ.
  - 2) Сестрѣ владѣльца улуса 1000 десятинъ.
  - 3) Женѣ полковника Эсаулова, урожденной Хапчуковой, въ пожизненное владѣніе 1521 десятина.
  - 4) Калмыцкому ламайскому духовенству 3765 д.
  - 5) Зайсангамъ и владѣльческимъ родственникамъ 11,000 десятинъ.
  - 6) Крестьянскимъ обществамъ разныхъ селеній Медвѣженскаго и Новогеоргіевскаго уѣздовъ 174,087 д.
  - 7) Подъ соляныя озера 8196 д.
  - 8) Въ запасъ 83,878 д.
  - 9) На предметъ Высочайшаго пожалованія 2521 д.
- Въ пользованіе же калмыковъ просторядиносѣ 212,058 десятинамъ.*

Цифры эти сами за себя говорятъ. Иллюстрировать ихъ здѣсь не у мѣста. Вопросъ же о томъ, что вызвало наръзку земли привилегированному калмыцкому сословію и насколько она вызывалась дѣйствительною потребностію и справедливостію, рассмотримъ, когда коснемся вопроса о способахъ пользованія калмыками земель. Здѣсь же упомянемъ только о 8196 десятинахъ, прирѣзанныхъ къ солянымъ озерамъ, кои изъяты изъ пользованія калмыками.

Какъ извѣстно, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, близъ р. Маньча, есть соляныя озера: Джалгинское (самое большое), Яшалтинское, Красное, Царикъ, Шитинуръ и другія—незначительныя. До уничтоженія акциза на соль озера эти эксплуатировались непосредственно казною, затѣмъ онѣ сдавались въ аренду частнымъ лицамъ. Такъ вотъ прирѣзка къ нимъ земли и мотивировалась тѣмъ, что *при озерахъ будто бы необходимо имѣть свободное мѣсто для выпаса быковъ и лошадей, принадлежащихъ лицамъ, прилегающимъ за солью ...* Это восемь то тысячъ десятинъ для погаса быковъ и лошадей прирѣ-

жающих за солью! Суть дѣла, разумѣется, не въ чужихъ быкахъ и лошадяхъ, а вотъ въ чемъ. Арендныя деньги платились въ казну только за озера, земля же шла даромъ въ придачу къ нимъ и ничуть не увеличивала стоимости аренды. Между тѣмъ она то и была главной статьей дохода. И только въ 1893 году додумались до сути дѣла, отдѣлили выпасную землю отъ озеръ и начали сдавать въ аренду озера особо, а землю особо, чѣмъ сразу чуть ли не удесятирили доходность съ нея.

Итакъ, по окончаніи „раздѣла“ калмыцкой степи, почти легендарныя сказанія о ея привольѣ начали мало по малу переходить въ область преданій. Массовый наплывъ желающихъ поселиться на ней постепенно прекратился и перешелъ въ единичные случаи, единичныхъ лицъ, рѣшавшихся, хотя временно, селиться хуторомъ на той или другой калмыцкой дачѣ, да и то всегда съ разрѣшенія калмыковъ.

Стѣсненный въ свободѣ выбора мѣста для жительства въ калмыцкой степи, весь пришлый людъ, поневолѣ, началъ ютиться въ русскихъ селахъ и оттуда уже дѣлать вылазки въ „калмычнину“. Въ настоящее время этотъ пришлый безземельный людъ успѣлъ образовать изъ себя довольно многочисленный такъ называемый „инопородный элементъ“. Есть села, въ которыхъ „инопородные“ составляютъ чуть ли не половину населенія. Въ Ставропольской губерніи, равно и въ Кубанской области съ ними ведется уже ожесточенная борьба, ихъ выживаютъ всяческими мѣрами, но пока безуспѣшно, потому что инопородные успѣли обзавестись и усадьбами, и очень не бѣдными хозяйствами, къ тому же упорно отстаиваютъ свое право „жить по билету иди выгодно“ въ чемъ юридически и неуязвимы ¹⁾.

¹⁾ Недавно правительство надало распоряженіе, по которому мѣстнымъ жителямъ предоставлено право облагать въ свою пользу налогомъ инопородныхъ.

Последними мероприятиями въ дѣлѣ самовольнаго захвата калмыцкой земли, уже послѣ окончательной разверстки ея, были крестьяне изъ Таганрогскаго округа. Крестьяне эти, въ числѣ около пятидесяти семействъ, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ пріѣхали въ калмычнину со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, даже съ лѣснымъ матеріаломъ для построекъ, стали таборомъ близъ р. Джалги, не далеко отъ впаденія ея въ р. Мангычъ, въ одну ночь вырыли себѣ землянки и такъ прочно, точно въ траншеяхъ, засѣли въ нихъ, что полицейское оружіе не могло выбить ихъ оттуда. Пошедшія на „хлопоты“ (выраженіе Яшалтынь) три тысячи рублей сдѣлали то, что крестьяне эти—*ослушники улусной полиціи*—не только остались на захваченномъ ими мѣстѣ и образовали поселокъ, называющійся теперь официально *Яшалтой* и неофициально—*Дурноселовской*, но, совершенно уже на законномъ основаніи, получили въ надѣлъ изъ свободной калмыцкой земли двѣ с лишномъ тысячи десятинъ и не въ далекомъ будущемъ ожидаютъ получить еще около шести тысячъ десятинъ, о чемъ усиленно и ходатайствуютъ.

Въ настоящее время Яшалтыне уже обстроились, имѣютъ свое сельское управленіе, церковь, школу, два кабака и двѣ лавки; населеніе же возрасло до ста двадцати дворовъ.

Но и послѣ потери возможности такъ или иначе селиться на калмыцкой степи крестьянское населеніе, особенно иногородніе, и до сихъ поръ еще не успокоилось и глубоко вѣрять, что, рано или поздно, а непременно должно наступить время, когда земля все таки будетъ отобрана отъ „*жари*“, т. е. калмыковъ, и распределится между безземельными русскими. Такая рѣшительно ни на чемъ, пока, не основанная увѣренность

за усадьбы, скотъ и пр. Право это слишкомъ вредно отразилось на экономическомъ благосостояніи иногороднихъ и дало могучее орудіе для прижизна ихъ. Газета «Сѣверный Кавказъ» переполнена корреспонденціями изъ разныхъ мѣстъ о неурядицахъ между иногородними и мѣстными жителями. Вообще населеніе Ставропольской губ. и до сихъ поръ еще не утратило въ себѣ и представляетъ обширный матеріалъ для изслѣдователя.

заставляет русских чутко прислушиваться ко всему, что дѣлается въ улусѣ, съ завистью смотрѣть на калмыцкія дачи и съ ненавистью относиться къ самимъ калмыкамъ, видя въ лицѣ ихъ виновниковъ „оттяжки“ времени раздѣла степи. Въ свою очередь и калмыки боятся крестьянъ и вѣрять, что они отымутъ у нихъ землю.

Въ продолженіе пяти слишкомъ лѣтъ моего пребыванія въ калмыцкой степи мнѣ сплошь и рядомъ приходилось сталкиваться не только съ „иностранцами“, проживающими въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и постоянно „ширящими“ по степи съ цѣлью развѣдки, нѣтъ ли гдѣ нибудь какой либо возможности поселиться на ней, но даже и съ крестьянами, нарочито для той же цѣли пришедшими изъ отдаленнѣйшихъ отъ Кавказа губерній, крестьянами, „обивавшими пороги“ всѣхъ властей вмущихъ съ докучливой по своей недовѣрчивости просьбой указать, какъ и „какимъ способомъ можно приписаться на калмычинѣ“, т. е. получить усадьбу и землю. При этомъ ищущіе земли всегда до того глубоко увѣрены въ своемъ „прагнѣ на землю“, равно и въ томъ, что отъ нихъ *скрываютъ правду*, что не обинуясь высказываютъ свое недовѣріе въ справедливости разувѣреній и разъясненій относительно отсутствія въ калмыцкой степи свободныхъ для нихъ поселеній дачъ. Когда же въ 1891/2 году нарядово было по Высочайшему повелѣнію семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ двѣ десятины для образованія поселка изъ крещеныхъ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, то, по поводу права селиться на этой землѣ и *крестьянамъ*, между послѣдними началось настоящее волненіе.

Фактъ этотъ весьма важенъ и въ жизни калмыковъ, и для характеристики отношеній крестьянъ къ ивородческой землѣ, почему мы и воспроизведемъ его съ возможной подробностію.

По точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, на отведенной подъ поселеніе крещеныхъ калмыковъ землѣ могутъ селиться исключительно только *выкрестившіеся* калмыки Большо-

Дербетскаго улуса. Этимъ правомъ не пользуются даже выкрестившіеся изъ сородичи другихъ улусовъ—по той простой причинѣ, что земля вырѣзана изъ дачъ душевого надѣла больше-дербетцевъ, а не изъ запаса. Если же таково ограниченіе для калмыковъ, то тѣмъ болѣе крестьяне ни подъ какимъ предлогомъ не могли и не могутъ рассчитывать на возможность „примоститься къ крещенымъ калмыкамъ“. Относительно обхода этого вопроса не оставлено никакой лазейки въ точно и ясно выраженномъ правительственномъ распоряженіи объ образованіи „поселка крещеныхъ калмыковъ“, названнаго „*Князе-Михайловскимъ*“. Не смотря на это „слухъ“ объ образованіи Князе-Михайловскаго поселка и о поселеніи въ немъ крестьянъ съ быстротой телеграфныхъ сообщеній разнесся—не только въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и Донской области—гдѣ также много „многороднихъ“,—но даже и по отдаленнымъ губерніямъ. Такой „слухъ“, какъ и всякій чисто народный слухъ о возможности получить землю, будучи далекимъ отъ истины, варіировался на разные лады и правда въ немъ всказалась до невѣроятныхъ, но въ то же время вполне отвѣчающихъ надеждамъ народа, предположеній, которыя поэтому и получили силу увѣренности въ справедливости „извѣстій“ и двинули въ *Калмычнину* массу безземельнаго люда, торопившагося захватить „*участочки*“.

Жалѣю, что здѣсь не у мѣста говорить о подробностяхъ этого движенія. Мнѣ же оно многими интимными своими сторонами извѣстно потому, что мнѣ пришлось близко стоять къ дѣлу устройства Князе-Михайловскаго поселка. Скажу только, что гораздо раньше фактическаго осуществленія распоряженія о нарѣзкѣ земли для предполагаемаго поселка—народъ ежедневно, чуть не сотнями, „валилъ“ въ Икичунусовъ родъ, изъ дачъ котораго рѣшено было выдѣлать участки земли для поселенія будущихъ князе-михайловцевъ. Въ теченіе же весны 1891 года тамъ перебивали тысячи ищущихъ „осадьбы“, т. е. возможности поселиться; приходили даже и изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Курская, Орловская и др. губерніи.

исполнить русские чужды прислушиваться во время, что
дѣлается въ улусѣ, съ наивысшимъ вниманіемъ на казачьи дачи
и съ наивысшимъ отношеніемъ къ самимъ казачьямъ, или въ
лучшій изъ возможныхъ „оттеки“ времени раздѣла степи.
Изъ самаго опыта и казачьи боится крестьянъ и вѣрять, что
они осунутъ у нихъ землю.

Въ казачьи дачи степи казачьяго дѣла моего пребы-
вѣнія въ казачьей степи мнѣ случалось и рядомъ приходилось
справляться не только съ „позогородниками“, проживающими
въ окрѣпкахъ Ставропольской губерніи и постоянно „ширя-
щими“ во степи съ цѣлью раздѣла, но и гдѣ набудъ ка-
кой либо восточности поселиться на ней, но даже и съ крестья-
нами, нарочито для той же цѣли пришедшими изъ отла-
женнѣйшихъ отъ Кавказа губерній, крестьянами, „обивавши-
ми ворота“ всѣхъ вѣстий съ докучливой по своей
недоуверливости просьбой указать, какъ и „какими способами
можно привилегіи на казачьи земли“, т. е. получить усадьбу
и земли. При этомъ ищущіе земли всегда до того глубоко увѣ-
рени въ своей „правотѣ на землю“, равно и въ томъ, что отъ
нихъ скрытныя проходу, что не обинуясь высказываютъ
свое недоуверіе въ справедливости разубѣреній и разъясненій
относительно отсутствія къ казачьей степи свободныхъ для
нихъ поселеній дачъ. Когда же въ 1891/2 году нарізано было
по Высочайшему повелѣнію семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ
двѣ десятины для образованія поселка изъ крещеныхъ каза-
ковъ Большо-Дербетскаго улуса, то, по поводу права селиться
на этой землѣ и крестьянамъ, между послѣдними началось
настоящее волненіе.

Фактъ этотъ весьма важенъ и въ немъ
для характеристики отношеній крещеныхъ казаковъ
къ землѣ, почему мы и воспроизведемъ
робностию.

По точному смыслу Высочайшаго
повелѣнія о поселеніи крещеныхъ казаковъ
на этой землѣ исключительно только выкро-

Дербетскаго улуса. Этихъ крестьянъ не выгнали изъ
выкрестившіеся изъ сородичи другихъ улусовъ — в то же вре-
мя той причинѣ, что земля принадлежала не имъ, а больше-дербетцамъ,
а не имъ самимъ. Если бы земля принадлежала имъ, то
какимъ предлогомъ не могли бы выгнать ихъ изъ ихъ
земель. Возможность „примоститься въ крепостныя хозяйства“
счительно обхода этого вопроса не оставила имъ
въ точно и ясно выраженномъ протестномъ
женіи объ образованіи „после крестьянъ“
званнаго „Князь-Митрополитомъ“. Не смотря на
объ образованіи Князь-Митрополита
въ немъ крестьянъ съ быстротою
разнесся — не только въ пределах
и Донской области — но даже и по отдаленнымъ губерніямъ.
даже и по отдаленнымъ губерніямъ. Тамъ
всякій чисто народный саранча-жестъ
будучи далекимъ отъ истины, не
правда въ немъ истинно и
время вполне отбрасываетъ
ній, которая
справки
бываю
не держат
мъ, обиднымъ
доброжелатель
уже прозрач
ланіе „сорвать“ а
обидникахъ, скажемъ
безконечно сожалѣтъ
въ прошломъ калмыцко
лись правда и не легально

Все торопилось прибыть въ Калмычнину пораньше, первыми, и тамъ не упустить случая „захватить“ свободное мѣсто. Всѣ твердили, что гдѣ то тутъ, въ Калмычнинѣ, отведена земля „для поселенія православныхъ за то, что они будутъ обучать нехристь“,— „мы же православные; дайте намъ пожалованную землю“!.. „Пора православнымъ смѣнить негодную тварь и образовать ее на крестьянскій манеръ“. Для образованія же „твари“ и „велико православнымъ селиться на ея землѣ“. „Что ужъ тутъ! Дѣло видное! Нечего морочить и скрывать правду!“... „Мы эвона гдѣ, говорятъ другіе, прослншали“. „Небойсь—какъ-бы не такъ—не было-бы слуху межъ православными. Ну слажа—отводятъ землю крещенымъ.“ „Отводить“... „Значить, нечего и толковать.. Самъ говоришь, что отводить, да, видно, не договариваешь.“ „Мы тоже, поди, крещеніе—что ужъ тутъ кривить душой!“... И прочее въ этомъ родѣ твердили съ ожесточеніемъ видимо озлобленные словами разочарованія бѣдняки, забывшіеся въ калмыцкую степь не только за сотни, но даже и за тысячу верстъ—въ чалніа „заполучить землю“, отведенную „православнымъ“. И нѣтъ ничего удивительнаго, что ожесточеніе и озлобленность болѣзненно вызывалась наружу несогласными съ ихъ упованіями и надеждами, но совершенно искренними и справедливыми, разъясненіями—неосновательности вѣры „въ слухи“, заставившіе бѣдняковъ напрасно забиваться въ такую даль, какъ калмыцкая степь. Надежды же и упованія были настолько сильны, увѣренность въ правѣ и возможности получить землю—такъ непоколебима, что не только слова и разъясненія, идущія въ разрѣзъ съ упованіями, не принимались въ резонъ и считались *лукаво-корыстными*, но даже показываіе „бумаги за надлежащими подписями“, разъясняющей суть дѣла, рѣшительно не имѣло никакого вліянія въ смыслѣ разувѣренія „православныхъ“ въ сбнточности ихъ надеждъ, а напротивъ въ „бумагѣ“ даже и хорошо грамотные изъ ходоковъ отнеслись особенно проницательно—недовѣрчиво.

„Что ты намъ суѣшь бумагу“, слышалось всегда, „она,

внись, бумага!.. Знаемъ мы это сами. Поди не сегодня родилась. Ну скажи намъ—можешь ты самъ ее написать?.. Можешь другому дать написать?.. Можешь!.. Ну.. то-то... Такъ ты и не суй её намъ... А коли по душамъ говорить... Гмъ... Можетъ ты при народѣ стѣсняешься?... Такъ пойдемъ въ сторонку... Мы ежели что... во какъ ублагоустроимъ... только скажи правду... а бумагу то брось... Что ужъ дурачишь?..

Правдивое и въ этомъ случаѣ, къ тому же совершенно доброжелательное, отклоненіе „переговоровъ на сторонкѣ“ только еще болѣе раздражало глубоко увѣренныхъ въ своемъ правѣ крестьянъ.

„Такъ вы тутъ, значить, всё за одно. Небось съ другихъ заплучили, а отъ васъ хотите скрыть правду!.. Гляди... и на васъ найдемъ управу!“

И съ нескрываемой злобой противъ разрушающихъ завѣтныя мечты, съ увѣренностію въ користи людской, съ ропотомъ противъ неказителей правды,—одна толпа уходила сегодня; на смѣну ей завтра же шла другая, на другой день опять новая... и такъ въ продолженіе почти всего лѣта. Нѣкоторые вновь раза по два и по три навѣдывались въ поселокъ съ самыми соблазнительными предложеніями *открыть или правду... одну только правду...*

Глядя на этихъ людей, соблазненныхъ искаженнымъ слухомъ о казначницѣ, гонимыхъ нуждой за тысячи верстъ искать „осадбы“ и земли, гдѣ можно было бы не держать „курей на привязи“; сталкиваясь съ ихъ тупымъ, обиднымъ подчасъ недоумѣніемъ къ словамъ искреннаго доброжелательства,—стыдно было сердиться на слишкомъ уже прозрачныя намеки на лукавство, подвохи и желаніе „сорвать“ за *открытіе правды*. Напротивъ, объ этихъ бѣднякахъ, скажемъ безъ жеманства, приходилось только безконечно сожалѣть и въ то же время задумываться надъ прошлымъ казначницей степи и о той цѣнѣ, какой покупалась правда и не легальное

право селиться на ней... да еще о тѣхъ чувствахъ враждебности и послѣдствіяхъ ея, какія испытывали калмыки при видѣ налетѣвшихъ на нихъ землю хищниковъ (съ точки зрѣнія калмыковъ)... Оставляя же поселокъ, движимая надеждой поселиться въ немъ толпа шла въ г. Ставрополь-Кавказскій и тамъ сотнями подавала прошенія о причисленіи въ „крещеный поселокъ“. Просьбы подавались не только губернатору и приставу кочующихъ народовъ, но даже архіерею и ректору духовной семинаріи. И все это въ надеждѣ: „авось, молъ, если не тамъ, такъ здѣсь вышлыветъ наружу страстно желаемая правда объ „осадыбахъ на калмычьи““. Лично мнѣ совершенно неожиданно и отъ совершенно невѣдомыхъ мнѣ крестьянъ приходилось получать письма изъ Курской и Воронежской губерній со „слезной просьбой“ и „припаданіемъ къ стопамъ ногъ“ „не оставитъ несчастныя семьи“ и увѣдомить, куда и къ кому слѣдуетъ обращаться съ просьбой о принискѣ къ „крещеному поселку“...

Увѣренность въ полной возможности приписаться къ крещеному поселку еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ поселкѣ была уже выстроена церковь. Видъ ея безконечно смущалъ преисполненныя надеждъ сердца и умы крестьянъ...

„Чтой-то!“ слышалось отъ всѣхъ, „неужели это для твари? Гляди—вѣдь она, тварь, и ходитъ то въ церковь въ своей поганой одѣжѣ... Бабы въ шапкахъ... въ штанахъ... съ трубками... Одна скверность... Нѣтъ—тутъ безъ хрестьянъ дѣло не обойдется...! Что же, что крещеныя! Видимость одна, больше ничего! Помѣшать ихъ нужно съ православными... Тогда, може, и выйдетъ толкъ... Такъ оно и будетъ... И караулить ее, матушку, некому...“

Съ надеждой на „мъманьку“, т. е. на поселеніе „исовни православныхъ“ съ „выкрестами“,—вновь, и съ новой силой и упорствомъ первые принимались хлопотать и, разумѣется, все напрасно!... Иные изъ пришлецовъ просили принять ихъ за обязательство всю жизнь служить даромъ сторожами при церкви; другіе—церковными старостами; тѣ—безвозмездно обу-

чать калмыков огородничеству, земледѣлію, мастерствамъ .. были и такіе, что соглашались даромъ кормить вдовъ, сиротъ; хотѣли жениться на калмычкахъ или же отдавать своихъ дочерей за выкрестовъ... Словомъ, готовы были на всевозможныя жертвы, лишь бы „получить осадбу и оѣсть“... И пусть извинитъ меня миссіонеръ Бязе-Михайловскаго поселка іеромонахъ Меодій за невольный съ моей стороны упрекъ по его адресу за то, что онъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права и основанія, рѣшился смутить нѣкоторыхъ крестьянъ, подавъ имъ надежду, даже увѣренность, въ осуществленіи несбыточной мечты о причисленіи ихъ къ Бязе-Михайловскому поселку. Упоминаю объ этомъ потому, что случилось это въ 1893 году, когда страсти уже улеглись было, отецъ же іеромонахъ вновь пробудилъ къ жизни задремавшія мечты о правахъ на поселеніе среди новокрещенныхъ... Но не онъ одинъ льстилъ завѣтнымъ желаніямъ крестьянъ... Бывшій волостной старшина с. Большой-Джалги (Ставр. губ.) сумѣлъ воспользоваться слѣпой вѣрой ищущихъ земли и безъ стѣсненія эксплуатировалъ ихъ. Онъ успѣлъ и сумѣлъ увѣрить простецовъ въ своемъ знаніи, какъ направить ихъ на путь, которымъ можно добыть землю на калмычинѣ, за написаніе же безграмотныхъ прошеній бралъ „по рублю съ семьи“... Вообще очень жаль, что наплывъ „крестьянства“ въ крещеный поселокъ не получилъ въ свое время должной огласки... Имъ многое можно было бы освѣтить изъ прошлаго захвата калмыцкихъ земель и отчасти уяснить причины существующей ненависти и презрѣнія крестьянъ къ калмыкамъ и наоборотъ...

Такъ по 1894 годъ окончилось дѣло разверстки калмыцкой земли и заселенія ея въ таково, въ общихъ чертахъ, неприглядное прошлое судьбы „ордынской степи“. Изъ всего прошлаго одно только хорошо, что калмыки такъ или иначе, но имѣютъ уже свои опредѣленныя дачи и ограждены, пока, отъ возможности захвата ихъ. Но прежде, чѣмъ говорить о

томъ, какъ калмыки пользовались и пользуются землею и на чемъ основаны ихъ юридическія права на нее, предварительно скажемъ, что за народъ калмыки, познавонимся въ общихъ чертахъ съ его исторіей, бытомъ и правами.

II.

Изъ изслѣдованій генералъ-маіора Завалишина, произведенныхъ имъ въ началѣ текущаго столѣтія и вошедшихъ въ составъ „Полнаго Собранія Законовъ“ въ видѣ приложения въ указу 1806 г., помѣщенному въ XXIX томѣ, видно, что „калмыцкая орда“, подъ предводительствомъ своего хана *Хо-Урлюка*, въ 1630 году пришла въ предѣлы Европейской Россіи изъ Великой Татаріи, т. е. Монголіи, захватила приволжскія степи и сразу же подчинила своей власти кочевавшихъ по обонимъ берегамъ рѣки Волга и южнымъ притокамъ ея—татаръ, туркменъ, ногайцевъ, кара-ногайцевъ, эдигульцевъ, эдисанцевъ и др. Покоривъ эти народцы, Хо-Урлюкъ, предводительствуя воинственными калмыками, задумалъ возстановить угасшую Золотую Орду и сосредоточить управленіе народомъ въ г. Астрахани. Съ этою смѣлою цѣлю онъ, вскорѣ по прибытіи и закрѣпленіи за собой приволжскихъ степей, рѣшился сдѣлать нападеніе на г. Астрахань. Хо-Урлюку удалось разгромить предмѣстья города, разграбить имущество жителей и выжечь всѣ постройки, находившіяся внѣ крѣпости. Самой же крѣпости, за смертію хана, калмыкамъ не удалось взять и они отступили въ глубь своихъ степей.

Преемникъ Хо-Урлюка, его сынъ, ханъ *Шунгур-Дайчимъ*, не будучи такимъ воинственнымъ и смѣлымъ, какъ Хо-Урлюкъ, но отличаясь чисто азіатскою хитростію и лукавствомъ, отказался наружно не только отъ желанія возстановить Золотую Орду, но и вообще отъ поименованій образо-

вать самостоятельное ханство изъ своего калмыцкаго народа. Дабы увѣрить въ этомъ наше правительство, Шункуръ-Дайчинъ отправилъ своихъ пословъ въ Москву къ царю Алексію Михайловичу съ изъявленіемъ желанія „быть у Московскаго царя въ ономъ и номомъ послушаніи“, въ чемъ и была принята отъ пословъ присяга. Но „вѣчное и полное послушаніе“ на дѣлѣ не исполнялось. Мало этого—Шункуръ-Дайчинъ, помимо желанія и даже вѣдѣнія московскаго царя, возведенъ былъ Тибетскимъ Далай—Ламой въ титулъ хана и получилъ отъ него всѣ знаки этого сана (тамагу и пр.). Положимъ, для видимости, дабы усмирить подозрительность московскаго правительства, хитрый калмыцкій ханъ какъ бы отклонилъ принятіе отъ Далай—Ламы льстившаго его самолюбію титула, но въ дѣйствительности поступалъ какъ повластный ханъ, необязанный никому подданствомъ, ни во что не ставилъ распоряженій и требованій нашего правительства, продолжалъ дѣлать нападенія и грабежи въ поселеніяхъ русскихъ подданныхъ и уводилъ ихъ въ полонъ. Грабежи и нападенія до того были дерзки, смѣли и постоянны, что наше правительство, безсильное смерить калмыковъ своимъ оружіемъ, сочло необходимымъ путемъ ласки вновь склонить „ордынцевъ“ къ присягѣ въ томъ, что они оставятъ разоры московскихъ людей и сами будутъ вѣрными подданными царя, милостиво давшаго имъ степи подъ ногами.

Такая присяга и дана была, но уже не Шункуръ-Дайчиномъ, а его сыномъ Пунцукомъ въ 1661 году. Въ свою очередь эта присяга, какъ и первая и послѣдующія за нею, оставались только бумажнымъ актомъ, въ сущестѣ дѣла мало и даже вовсе не сдерживающимъ проявленія разбойническихъ инстинктовъ дикой и своевольной калмыцкой орды. Требования же исполненія присягъ не подтверждались съ нашей стороны штыками. Калмыки хорошо понимали слабость московскаго правительства и, не сдерживаемые силой его оружія, являлись истиннымъ бичемъ для своихъ сосѣдей. Они нападали даже на восточныхъ кавказскихъ горцевъ, разорали ихъ аулы

и особенно старались увести оттуда какъ можно больше женщинъ, съ которыми и вступали потомъ въ бракъ. Присяга „въ вѣчномъ послушаніи“ въ особенности оставалась мертвой буквой во время управленія калмыцкимъ народомъ знаменитаго хана *Аюк*. Аюкъ-ханъ самовластно правилъ калмыцкой ордой около пятидесяти лѣтъ, отличался умомъ, хитростію, пронырливостію, умѣніемъ пользоваться всѣми обстоятельствами и нетерпимостію ко вмѣшательству въ свои дѣла. Онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ калмыцкимъ народомъ хановъ; память о немъ и до сихъ поръ еще не умерла и народъ прославляетъ его въ своихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, какъ героя, славу и гордость свою. Дѣйствительно—со смертію Аюкъ-хана умерла и слава калмыковъ и, разумѣется, не воскреснетъ.

Властолюбивый Аюкъ-ханъ—не такъ, какъ лукавый и трусливый Шункуръ-Дайчинъ,—не стѣснялся открыто принять отъ Далай—Ламы ханское достоинство со всѣми присвоенными этому сану регаліями. Считая же себя полновластнымъ ханомъ, онъ не обращалъ ровно никакого вниманія на требованія и угрозы московскаго правительства, что хотѣлъ, то и дѣлалъ, гдѣ хотѣлъ, тамъ и грабилъ и разбойничалъ и уводилъ въ плѣнъ не только „магометанъ“, но и русскихъ. Все Поволжье—до Самары и Симбирска, а также и жители Моздокской степи трепетали калмыцкой ордой...

Аюкъ-ханъ входилъ даже въ сношенія съ крымскими ханами, принималъ отъ нихъ и посылалъ къ нимъ своихъ пословъ; ходилъ со своимъ войскомъ къ берегамъ Чернаго моря—словомъ, онъ только фактивно признавалъ свою зависимость отъ „Московскаго царства“.

Послѣдующіе за Аюкомъ калмыцкіе ханы: *Церенъ-Дундукъ*, *Дундукъ-Омбо*, *Дундукъ-Дами* и *Убамы*, такъ же, какъ и Аюкъ, но съ меньшимъ самовластіемъ, продолжали управлять калмыцкой ордой и, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, также безнаказанно производили грабежи и разбой, не только въ селахъ, но даже и въ городахъ, и уводили въ плѣнъ по преимуществу женщинъ. На требованія же правительства

„прекратить вѣстовства орды“ и выдать виновныхъ, ханы обычно отвѣчали, что „таковыхъ нѣтъ“. А такъ какъ требованія наши не подерѣвались воинскими командами, то, поневолю, и приходилось успокоиваться такими живыми отвѣтами и до поры до времени терпѣть дикое своеволие ордынцевъ.

Только съ 1771 года—когда русское правительство смогло наконецъ съ пушками и штыками обратить свое вниманіе на своеволие калмыцкой орды, размѣстило въ ея кочевьяхъ постоянныя воинскія команды, строго ограничило самодержавіе хановъ и заставило ихъ подчиниться контролю мѣстной русской администраціи,—нападенія на села и города не шайками, а правильно организованными отрядами, наконецъ мало по малу прекратились. Межкіе же разбои хотя и продолжались, какъ продолжаютъ и теперь, но уже чѣмъ дальше, тѣмъ все съ меньшей и меньшей силой и смѣлостію, не такъ открыто и не въ такомъ количествѣ случались.

Въ томъ же 1771 году калмыки, недовольные ограниченіемъ своихъ вольностей и активнымъ вмѣшательствомъ русскихъ властей въ ихъ дѣла, подъ предводительствомъ хана *Убаши*, огромной частію своей орды покинули предѣлы Россіи и бѣжали на свою родину, т. е. въ Монголію,—гдѣ и живутъ до настоящаго времени подъ именемъ *Олютовъ*¹⁾.

Побѣгъ калмыковъ въ Монголію, но еще въ большей степени разгромъ пугачевского бунта, въ которомъ калмыки принимали самое дѣятельное участіе, за что жестоко и попла-тились, окончателно смирилъ калмыцкую орду и далъ возможность нашимъ властямъ уже *по настоящему* взять ее въ руки и, какъ увидимъ ниже, закрѣпить и обратить сводо-

---

¹⁾ Въ битность мою въ Монголію въ 1883 году имѣ нѣкоторое время пришлось прожить среди Олютовъ. Интересными ихъ воспоминаніями о времени пребыванія въ Россіи и о томъ, что они испытали во время бѣгства (войны съ киргизами и пр.) я думаю вскорѣ подѣлиться. Кстати замѣчу, что Олюты и до сихъ поръ не потеряли еще сношеній съ нашими калмыками.

долюбивыхъ, не знавшихъ рабства обитателей степей въ полныхъ рабовъ. Положимъ—къ послѣдному московское правительство стремилось съ первыхъ же годовъ прихода орды въ Приволжье и въ этомъ видѣло единственное средство смирить калмыцкій народъ, но, будучи бессильнымъ, смогло осуществить свое желаніе только въ концѣ прошлаго столѣтія.

Такимъ образомъ начало семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія слѣдуетъ считать концомъ болѣе или менѣе самостоятельной, хотя и вредной для сосѣдей, исторической жизни калмыцкаго народа. Съ этого же времени для калмыковъ, въ свою очередь, начинается скорбный мартирологъ всяческихъ притѣсненій „иростомудимовъ“ отчасти „по закону“, какъ должное возмездіе за „безчестія“, но въ несравненно большемъ числѣ случаевъ по произволу и алчности разныхъ власть имущихъ лицъ; такая система водворенія порядка среди калмыковъ не могла, само собой понятнo, искоренять хищническихъ вистинитовъ этого народа, напротивъ—разжигала ихъ страсти и въ концѣ концовъ довела калмыковъ до современнаго намъ нищенскаго ихъ состоянія.

Прошлое калмыковъ, въ особенности съ начала настоящаго столѣтія, сплошь характеризуется хищеніемъ ихъ богатствъ, стремленіемъ къ обезличенію, приниженію до крайнихъ предѣловъ рабства этихъ своевольныхъ, не знавшихъ гнета нищеты и позора рабства дикихъ сыновъ первобытныхъ степей, ушедшихъ изъ Монголіи—именно потому, что китайцы сдѣлали попытку дисциплинировать ихъ...

Общими усилиями „воздѣйствователей на культуру калмыковъ“ достигнуто въ концѣ концовъ то, что калмыки не только ни на шагъ не двинулись впередъ въ дѣлѣ социально-экономическаго своего развитія, но напротивъ—пригнетены разными войнами, попечителями, опекунами, приставами и др., обобранные ими и разными пришлецами—обнищали, нравственно извратились, потеряли вѣру въ справедливость и человечность официальныхъ и неофициальныхъ „воздѣйствователей“, стали въ непріязненные отношенія къ „культуртре-

терамъ", замкнулись въ своей гнилой скорлупѣ и сдѣлали крутой поворотъ назадъ, до болѣзненности ревниво охраняя свои бытовые особенности и устраняя все то, что могло бы сблизить ихъ съ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ. И только со срединъ восьмидесятыхъ годовъ, когда въ силу многихъ причинъ отъ прежняго богатства скотомъ у калмыковъ остались одни лишь воспоминанія, другихъ же, кромѣ скота, источниковъ для добыванія средствъ къ жизни въ наличности не оказалось—народу волей неволей пришлось задуматься надъ своимъ положеніемъ и въ потемкахъ исковерканной во всѣхъ отношеніяхъ жизни искать просвѣта и средствъ поддерживать свое жалкое существованіе и выхода изъ гнетущей со всѣхъ сторонъ нищеты.

Оставляя въ сторонѣ описаніе типическихъ особенностей калмыковъ, какъ давно уже общезвѣстныхъ, скажемъ только, что со времени своего прихода въ Россію и до начала восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія всѣ калмыки Больше-Дербетскаго улуса, какъ и ихъ сородичи—астраханцы, оставались такими же номадами скотоводовъ, какими были и на своей родинѣ—въ Монголіи и жили въ такихъ же кибиткахъ (войлочныхъ шалашахъ) какъ и ихъ прародители; не оставили кибитокъ они и теперь, за исключеніемъ богачей, обзаведшихся, какъ увидимъ ниже, избами и даже домами. Сила привычки жить чуть не подъ открытымъ небомъ и до сихъ поръ еще такова, что калмыки, вполнѣ уже ознакомившись съ русскими избами и понявъ преимущества послѣднихъ предъ кибитками, зимой все таки не могутъ жить въ „хатѣ“, не платившись за то головной болью. Въ этомъ отношеніи зимой 1891 года можно было наблюдать довольно любопытное явленіе, казавшееся необъяснимымъ для незнакомыхъ съ калмыцкимъ бытомъ. Расскажемъ,—ибо оно характерно.

Для крещенныхъ калмыковъ Князе-Михайловскаго поселка въ 1891 году выстроили около пятнадцати крестьянскихъ избъ и уничтожили кибитки, дабы тѣмъ заставить калмыковъ забыть про патриархальныя ихъ жилища. Каза-

лось бы—чего лучше? Не только дырявая, (а таковых громадное большинство), но даже и новая кибитка служить, повидимому, весьма плохой защитой от зимних вьюгов и холодовъ, лѣтомъ же отъ пыли, дождей, бурь,—единственно защищая только отъ лѣтняго зноя¹⁾),—крестьянская же изба не только лѣтомъ, но въ особенности зимой, даже мало или же вовсе неотапливая, въ непогодь, несравненно лучше кибитки; съ точки зрѣнія осѣдлаго человѣка между ними даже и сраженія быть не можетъ. Но это по нашему мнѣнію такъ,—по калмыцки же наоборотъ. Сносную кибитку онъ не промѣняетъ на хорошую избу, что фактически и доказали княземихайловцы. Вынужденные жить въ избахъ—они, когда пришла зима и на дворѣ нельзя уже было приготовить пищу, по неволѣ начали топить печи. Но, дабы не мучиться въ *теплѣ и духотѣ неснѣжнаго воздуха*, „выкресты“ не затворяли дверей, а даже въ самые трескучіе морозы оставляли ихъ открытыми не только въ сѣняхъ, но и у входа въ теплое помѣщеніе. Очевидно, сила привычки—быть всегда на свѣжемъ воздухѣ, хотя подъ часъ и растворенномъ ѣдимомъ дымомъ, у калмыковъ на столько велика, что *удобство жить въ теплѣ и полномъ затишьи отъ непогодъ и зимнихъ вьюговъ*,—удобства столь необходимы для нашего крестьянина,—ночевниками улуса, жившими съ вѣковѣчныхъ временъ въ кибиткахъ—не только ставятся ни во что, но даже и не кажутся таковыми. Мало этого—опытъ послѣдшаго водворенія „выкрестовъ“ въ избахъ, пренебрегшии соображеніемъ о силѣ при-

---

¹⁾ Въ 1889 году мнѣ пришлось прожить лѣто и осень до декабря мѣсяца въ кибиткѣ. Но это было мученіе, а не жизнь. Лѣтомъ не было спасенія отъ пыли—пища, одежда, гѣло—все сплошь покрывалось ею во время почти безпрерывныхъ восточныхъ вѣтровъ, осенью же холодъ не позволялъ освободиться отъ шубы. Раскладывать огонь въ кибиткѣ—не было возможности, потому что дѣлкій дымъ отъ армала (скотскій пометъ) «выглядѣлъ» гуще и вѣтѣмъ было дымать, такъ что холодъ казался лучше пріобрѣтеннаго съ такою потерей существенныхъ удобствъ жилища.

вычлѣ ихъ къ иному образу жизни и жилищу имѣлъ и гибельныя послѣдствія.

Положимъ, у многихъ калмыковъ, въ особенности Бюдурмисова, Кюбетова, Бага-Бурулова, Абганера—Гаханкинова и Икитугунова родовъ—крестьянскія избы были заведены гораздо ранѣе, чѣмъ у князе-михайловцевъ; но хозяева избъ, имѣя ихъ, никогда не бросали кибитокъ. Въ избѣ зимой скорѣе можно встрѣтить отелившуюся корову, овцу, всегда телятъ и ягнятъ, но не калмыковъ. Только бѣдняки, у коихъ кибитка дѣлалась къ зимѣ ни куда не годной, во время сильной вьюги и метелей, по необходимости рѣшались временно селиться въ избахъ съ тѣмъ, чтобы весной во всякомъ случаѣ покинуть ихъ.

Въ *Кердани* напримѣръ (Бюдурмисовъ родъ), у калмыка *Дордже-Джембинова* есть даже прекрасный домъ въ нѣсколько комнатъ, съ крашеными окнами, дверьми, полами, подъ желѣзной крышей, съ крытой стеклянной галлереей; но Джембиновъ живетъ не въ немъ, а въ кибиткѣ, которая и ставится зимой тутъ же во дворѣ предъ домомъ, а лѣтомъ въ степи. На вопросъ же: зачѣмъ построилъ домъ, если не живетъ въ немъ—Джембиновъ отвѣчаетъ, что—*„для дѣтей“*. Предусмотрительность далеко не лишняя,—такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что дѣти современныхъ намъ калмыковъ покинутъ кибитки и будутъ жить уже въ избахъ.

Въ былую пору, когда у больше-дербетцевъ была масса собственныхъ овецъ, кибитка стоила не особенно дорого—не болѣе двадцати-тридцати рублей, да и то больше платилось за дорогое въ степи дерево, нужное для рѣшетчатого остова ея. Теперь же, когда овцеводство сдѣлалось единичнымъ достояніемъ богачей, у массы же народа нѣтъ и „хвоста овечьяго“, цѣнность кибитки настолько значительно увеличилась, что по дороговизнѣ своей для значительнаго большинства сдѣлалась очень мало доступной. Бѣдняки цѣлыми годами упорнаго труда по селамъ въ качествѣ пастуховъ и чернорабочихъ кое какъ „сколачиваютъ“ средства на приобрѣтеніе и притомъ

не всегда новой кибитки. Нѣкоторые же и вовсе уже не имѣютъ таковыхъ и вынуждаются строить землянки, въ конхъ постепенно и вымирають.

Что же касается крестьянской избы, то таковая, въ степной части ставропольской губерніи, довольно спосная, съ сѣнами и тепловымъ помѣщеніемъ, стоитъ гораздо дешевле кибитки. Плохая кибитка, съ крестьянской работы полстями, т. е. тонкими и набитыми для плотности мѣломъ и отрубями— стоитъ не менѣе восьмидесяти рублей и затѣмъ черезъ три года, не болѣе, обращается въ кучу лохмотьевъ, особенно съ подвѣтренной стороны; лучшая же кибитка съ болѣе плотными и чистыми полстями казыцкой работы цѣнится отъ ста до двухъ сотъ рублей и держится въ пригодномъ для неприхотливыхъ казыцовъ видѣ не болѣе пяти-шести лѣтъ, причемъ послѣднее возможно только при ежегодномъ ремонтѣ ея. Но такіа кибитки, въ настоящее время, могутъ имѣть только богатые казыцы, у конхъ есть свои овцы, или же кон усиленно занимаются земледѣліемъ; тѣхъ же и другихъ, т. е. земледѣльцевъ и скотоводовъ, не болѣе одного на сто душъ общаго числа населенія Больше-Дербетскаго улуса. Стоимость же крестьянской избы, экономически построенной, обходится казыцу никакъ не дороже семидесяти рублей и послѣдняя можетъ служить десятки лѣтъ при затратѣ на ремонтъ ея только личнаго труда да глины для обмазки. Послѣднее необходимо потому, что въ степной части Ставропольской губерніи всѣ избы строятся главнымъ образомъ изъ „самана“, т. е. сырцоваго кирпича ¹⁾, который съ выдѣлкой и кладкой въ стѣны цѣнится отъ восьми до десяти рублей за тысячу, — идетъ же его на избу—десяти аршинъ длины и шести ширины—никакъ не болѣе двухъ тысячъ. Самымъ дорогимъ

---

¹⁾ Въ упомянутомъ нами выше с. Яшалтѣ церковь выстроена изъ саманнаго кирпича.

материаломъ при постройкѣ избы служить лѣсъ, доставляемый въ степь—либо изъ г. Ростова на Дону, либо Царицына и низовыхъ волжскихъ пристаней, т. е. за триста верстъ отъ Больше-Дербетскаго улуса. Нельзя сказать, чтобы калмыки не понимали преимуществъ избы предъ кибиткой, сравнительную дешезвизну первой и ея несомнѣнную прочность; обнищавъ, кочевники начали уже усиленно заботиться, впрочемъ не во всѣхъ *родахъ*, о постройкѣ хатъ, но сами все таки не рѣшаются жить въ нихъ. Нерѣшимость эта, несмотря на очевидную нужду обмѣнять кибитки на избы, кромѣ врожденной непривычки жить въ тепловыхъ помѣщеніяхъ, объясняется главнымъ образомъ *боязню того, что если народъ броситъ кибитки и перейдетъ съ избы, то вследъ за этимъ сразу, „безъ разговоровъ“, всѣхъ выкрестятъ, отнимутъ землю, припишутъ къ крестьянскимъ обществамъ и запретятъ называться калмыками.* Глубокая въ этомъ увѣренность не только сильно способствуетъ упорному отстаиванію традиционныхъ привычекъ и взглядовъ на образъ жизни, но и въ высшей степени тормозитъ дѣло сближенія съ крестьянскимъ населеніемъ и занятіе земледѣліемъ.

Если бы не боязнь потери своихъ національныхъ особенностей, а съ ними „*правъ и правилей*“, калмыки давно уже бросили бы кибитки и жили бы въ избахъ, не дожидаясь, пока ихъ, какъ крещеныхъ князе-михайловцевъ, поселятъ въ нихъ. Говорю это не голословно, а на основаніи знанія интимной, такъ сказать, стороны жизни больше-дербетцевъ, съ которыми я жилъ въ самыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ, почти ихъ жизнию.

Въ ревнивомъ обереганіи своихъ внѣшнихъ особенностей калмыки, со своей точки зрѣнія, пожалуй и правы. Въ сущности, разумѣется, изба, какъ изба, ни при чемъ; но дѣло въ томъ, что съ ней, или, вѣрнѣе, съ рѣшимостію жить въ ней тѣсно связанъ весьма важный шагъ къ переимѣнѣ всего экономическаго строя жизни калмыковъ. Перейдя въ избу, имъ пришлось бы окончательно *осѣсть*, а осѣвши—*иначе распределить*

пользованіе земель, чѣмъ теперь, при передвиженіяхъ съ кибитками съ мѣста на мѣсто. Ибо нельзя было бы тутъ же, возлѣ избы, и выпасывать скотъ, и косить сѣно. Не развивая этой мысли, скажемъ только, что *османн*, калмыки твердо ступили бы на первый путь земледѣльческой культуры... Невольно приходится высказать сожалѣніе, что въ жизни калмыковъ и до сихъ поръ всѣ и все способствуетъ не къ тому, чтобы убѣдить ихъ въ бесполезности и вредѣ упорнаго поддержанія прежняго образа жизни, потерявшаго всякій практической смыслъ и даже невозможнаго въ силу радикально измѣнившихся экономическихъ условій,—но къ тому, чтобы еще болѣе запугать ихъ разными строгостями и ненужнымъ вмешательствомъ въ мелочи ихъ жизни.

Запуганные разными официальными и неофициальными просвѣтителями, не слыша на русскомъ языкѣ живого ласковаго слова, слова, которое не сопровождалось бы внушительными начальническими интонаціями, разными „*модскими* нѣями“¹⁾, угрозами и закрѣпленіемъ правдивости таковыхъ „*казаками*“—калмыки, естественно, относятся ко всему и всему не своимъ—крайне недоувѣрчиво, подозрительно, плотнѣе смыкаются и упорнѣе стремятся сохранить свою обособленность, хотя и ясно понимаютъ весь вредъ отъ такого упрямства и сознаютъ, что *конецъ* ихъ уже близокъ и что изъ нищеты имъ иначе не выбиться, какъ страхнувши съ себя всю свою старину.—Но этого то они и не хотятъ дѣлать. Потерявъ все, нищенствуя до послѣдней степени, сбившись съ толку,—двалмыки все таки продолжаютъ цѣлко держаться своихъ *праѣдовскихъ* обычаевъ; цѣлко потому, что надъ этими обычаями, составляющими *душу народа*, ругаются, смѣются, безжалостно смѣшиваются съ грязью самыя святые его чувства, наслуствуютъ

---

¹⁾ Такъ выражались калмыки, высказывая свои впечатлѣнія о орѣчкѣхъ къ нимъ одного изъ начальствъ, мнѣвшаго, что онъ понимаетъ народъ, а народъ его, почему и любившаго мучить народъ бесполезными разглагольствованіями.

природу и отказываются понимать, что такими „способами *алианса на народъ*“ прямымъ путемъ достигается то, что для калмыковъ дѣлается ненавистнымъ даже все то, что во очію говоритъ имъ о своей полезности, что практически пригодно для нихъ и легко осуществимо въ ихъ быту. Калмыки почти беззащитны; у нихъ нѣтъ орудія, съ помощью котораго имъ разумно можно было бы отражать непрошенное вмѣшательство въ ихъ жизнь. Любому охочему человѣку нѣтъ никакой трудности навязывать имъ свои просвѣтительныя задачи. Разъ же въ основу этихъ задачъ положено презрѣніе къ народу и надругательство надъ его національными особенностями, то естественно, что выполнение такихъ задачъ приводитъ только вредъ болѣзненно относящимся къ своей судьбѣ калмыкамъ, чутко прислушивающимся ко всему, что клонится къ измѣненію ихъ жизненныхъ устоевъ, и отталкивающимъ всѣ непрошенныя вмѣшательства во внутренній ихъ міръ... И мрутъ бѣдняки, сотнями мрутъ отъ разныхъ болѣзней и невзгодъ,—мрутъ потому, что дырявая, плохая кибитка и вѣчно полуголодное существованіе не даетъ возможности и силъ бороться съ болѣзнями,—на помощь же имъ, именно въ нужную пору, безъ официальныхъ никто не приходитъ. Умирая же—открыто не ропщутъ, а только съ болью въ сердцѣ повѣряютъ другъ другу свои скорби *о потерѣ права въ нужный моментъ безъ проволочекъ пользоваться доходностию со своей землей* ¹⁾ Представьте себѣ (говорю о дѣйствительномъ фактѣ) суровую зиму, бугры снѣга вокругъ дырявыхъ кибитокъ и въ послѣднихъ—больныхъ оспой и брюшнымъ тифомъ... Въ семьѣ нѣтъ ни одного здороваго... Некому дать помощи, подать напиться воды, прикрыть обнажившееся тѣло... Холодъ и вѣтеръ свободно гуляетъ по кибиткѣ... Жажда и голодъ мучить... Ъсть буквально нечего... Неправда ли—поразительная, много говорящая картина?... Къ тому же не выдуманная, а существовавшая въ 1893 году (о ней рѣчь будетъ впереди)... Знать

¹⁾ Какъ это случилось и въ чемъ суть—ни въ скорѣ объяснить.

калмыки, что имъ лучше было бы въ хатѣ, понимаютъ, что живя они „оросъ замаръ“, т. е. по русски—не терпѣли бы тѣхъ невгодъ, какія терпятъ теперь... Но что же дѣлать, когда этотъ „оросъ замаръ“ имъ насильно навязываютъ и слятся регламентировать каждый ихъ шагъ, подавляя всякое проявленіе личной инициативы и стремясь водить уже взрослыхъ людей на административной веревочкѣ безъ права распоряжаться даже своими карманами, причемъ послѣднее дѣлается подъ предлогомъ якобы „забота о благосостояніи народа“.

Чтобы судить объ экономическомъ благосостояніи калмыковъ, достаточно разъ проѣхать черезъ Больше-Дербетскій улузъ, не спрашивать никого и ни о чемъ, а только смотреть на калмыцкія кибитки. Въ нихъ мѣстахъ онѣ представляютъ изъ себя сплошную кучу черного и сѣро-грязнаго тряпья, кое какъ держащагося на деревянномъ остовѣ кибиточной рѣшетки, и только изрѣдка мелькаютъ цѣлыя, не ободранныя кибитки. За недостаткомъ войлока, дыры заштопываются чѣмъ попало: и кусками старой рубахи, и половой бешмета, и обрывками мѣшка. Только осенью, съ наступленіемъ ненастной погоды и холодовъ, калмыки, жертвуя иногда послѣднимъ теленкомъ, покупаютъ кусокъ полсти, чтобы „залатать“ ту сторону кибитки, у которой спитъ семья. Видъ такихъ жалкихъ жилищъ нѣмо, но вполне доказательно свидѣтельствуетъ о нищетѣ народа, *имѣющаю около четырехъ сотъ тысячъ общественнаго капитала, родовая суммы и тридцать десятинъ душевого надѣла.*

Живя въ такой жалкой, лишенной не только удобствъ, но и возможности защиты отъ непогодъ, кибиткѣ, калмыки отличаются также крайней неприхотливостію и ограниченностію до минимума въ своихъ потребностяхъ. Нельзя сказать, чтобы даже плохая кибитка устраняла возможность поддерживать въ ней порядокъ и чистоту, но привычки въ этому нѣтъ въ натурѣ калмыка.

По внѣшнему своему виду онъ грязенъ до невозможности, грязно и все то, что есть у него въ домашнемъ обиходѣ. По-

суда никогда не моется и не вычищается, если не вылизнуть ее собаки,—почему всегда и покрыта толстымъ слоемъ грязи, образующейся изъ молочныхъ и другихъ осадковъ. Молоко—эта единственная повседневная пища—съ навозомъ и волосами; одежда всегда перепачкана, засалена и въ дырахъ, испрывается рѣдко; лицо, въ особенности же голова, шея, уши и руки, покрыты грязью; вши вездѣ въ невѣроятномъ количествѣ... Все пропитано неприятнымъ запахомъ копоти, который присущъ каждому калмыку, какъ нѣчто специфическое. Гдѣ бы онъ ни появился, не видя его, по одному только запаху можно узнать о присутствіи „твари“ (т. е. калмыка). Если случится калмыку раздобыть себѣ гдѣ либо кусокъ мяса, то, не обращая вниманія на то, что оно „вывалино“ во всякой нечисти, онъ преспокойно, не мывши, варить его. Въмѣсто воды—пѣтъ всегда какую то муть изъ невообразимо грязной посуды, сдѣланной (нерѣдко) изъ кожи. Нечистота воды еще болѣе увеличивается отъ того, что въ той же посудѣ, которой черпается вода изъ копаней, держится и молоко и наваръ съ мяса козъ. Въ кибиткѣ все въ беспорядкѣ навалево, все скомкано и измято... Словомъ—беспорядокъ, нерящество грязь, полное отсутствіе понятія о чистоплотности—можно назвать родной стихіей нашего калмыка. Единственно тѣмъ онъ дорожитъ и что старается держать, по возможности, въ чистотѣ и порядкѣ—это сѣдло, ташмакъ (плетъ) поясъ и сапоги.

Сѣдла у калмыковъ обыкновеннаго казачьяго образца, плетъ же дѣлается толстой и весьма искусно плетется. Сила удара ташмакомъ такова, что калмыкъ совершенно свободно можетъ убить имъ человѣка, изломать ребро и спину лошади и быку. Въ видахъ такого опаснаго свойства ташмака существуетъ распоряженіе, запрещающее калмыкамъ имѣть у себя ташмаки, кони и отбираются не только властью имущими, но всякимъ частнымъ человѣкомъ, буде къ тому онъ имѣетъ охоту. Но калмыкъ до того любитъ имѣть при себѣ ташмакъ, что не только верхомъ на лошади, а даже и пѣшкомъ нигуда

не выходитъ безъ плети и, если бовтса брать свою толстую, то замѣняетъ ее тонкой нагайкой, держать которую ему не возбраняется.

Пояса калмыки носятъ ременные, украшенные чеканнымъ узорчатымъ серебромъ, перѣдко вызолоченные чешуйчатые; такіе пояса цѣнятся очень дорого, отъ ста до двухъ сотъ и болѣе рублей.

Что же касается сапогъ, то калмыки любятъ, чтобы они были непременно съ длинными голенищами на высокихъ съ подковками каблукахъ. Страсть имѣть хорошіе сапоги многихъ изъ нихъ заставляетъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, лишь бы раздобыть деньги на покупку щегольской обуви. Въ особенности къ тому склонна, какъ водится, молодежь. Женщины и старики носятъ сапоги изъ красной сафьяновой кожи.

О шапкахъ національнаго калмыцкаго покроя стоитъ упомянуть уже потому, что образецъ ихъ позаимствованъ нами для нашихъ почтовыхъ ямщиковъ и кучеровъ и сдѣлался обязательной форменной принадлежностью послѣднихъ. Женщины же и дѣвушки носятъ обыкновенно низенькія, желтыя съ чернымъ околышемъ шапочки, въ торжественныхъ же случаяхъ молодыя украшаютъ „магалъ“ (шапка) густой красной бахромой, — а старухи надѣваютъ шапки одинаковаго покроя съ мужиками.

Не будучи разборчивымъ въ пищу, калмыкъ ѣстъ все и во всякомъ видѣ, не исключая даже и падали. Только собаки и кошки нейдутъ ему въ пищу. Всему же, какъ гастрономическое блюдо, предпочитается козье и баранье мясо. Послѣднее считается даже лекарственнымъ—именно крѣпкій съ него наваръ—называемый „шулюмомъ“, калмыки употребляютъ, какъ лекарство. Нужно замѣтить, что калмыки вообще при заболѣваніяхъ, до наступленія кризиса или же выздоровленія характера болѣзни, пьютъ одну только холодную воду и ни за что, ни подъ какимъ видомъ, не употребляютъ другой пищи и только при началѣ выздоравливанія пьютъ изъ чашекъ бараній шулюмъ. Хлѣбъ всѣ очень любятъ, но печь адмакъ (хлѣбъ)

не умѣютъ. Ихъ „мышки“ неудобосъдобны. Приготавлиются онѣ такъ. Въ водѣ безъ соли круто замѣшивается тѣсто изъ ржаной или пшеничной муки; затѣмъ дѣлаются нетолстые калачики или лепешки, которыя и пекутся въ горячей золѣ. Еще горячими ихъ кое какъ, разумеется, не обращая вниманія на прилившую къ нимъ золу, — можно ѣсть; но когда онѣ засохнутъ, то нужно имѣть калмыцкіе зубы, чтобы возможно было разгрызть такіа „мышки.“

Кромѣ пышекъ, изъ муки же готовится „буданъ;“ это — молоко, смѣшанное съ мукой и прокипяченное въ котлѣ. Бѣдняки же готовятъ буданъ просто на одной водѣ.

Богатые лакомятся также „бормонциксами,“ т. е. шариками изъ пшеничнаго тѣста, жареными на бараньемъ салѣ. Всѣ вообще калмыки любятъ капусту, лукъ, картофель, огурцы, дыни и арбузы. Капусту и лукъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ, послѣдній даже безъ хлѣба; на свѣжесть арбузовъ и дынь также не обращаютъ вниманія. Но, несмотря на любовь къ огороднымъ овощамъ, никто изъ калмыковъ, за весьма рѣдкими, единичными изъ всей массы населенія исключеніями, не занимается огородничествомъ.

Самой же обычной, постоянной и незамѣнимой пищей служитъ „Калмыцкій чай“. Для приготовления его покупаются большія плиты прессованнаго чайнаго сора, въ которомъ попадаются прутья, мыши и даже, хотя и рѣдко, змѣи. Нужная для варки часть плиты мелко крошится ножомъ и затѣмъ толчется въ порошокъ и бросается въ кипящую въ котлѣ воду. Послѣ достаточнаго кипѣнія, къ чайному навару прибавляютъ соль, муку, бараний жиръ или же масло, и чай готовъ. Пьютъ его изъ деревянныхъ маленькихъ чашечекъ съ хлѣбомъ и пышками, если таковыя есть. Когда же выпьется вся жидкость изъ котла, то „шару“ (твердые части чая) собираютъ въ особо имѣющійся для того холщевый мѣшочекъ, выжимаютъ влагу и сушатъ, дабы потомъ опять изъ шары варить чай, и это повторяютъ до тѣхъ поръ, пока шара совершенно перестаетъ окрашивать воду и сообщать ей особый вкусъ. Богатые слаб-

риваютъ запахъ „чая“ порошкомъ изъ мускатнаго орѣха, но это уже роскошь, допускаемая бѣдняками только въ дни годовыхъ праздниковъ, да и то не всѣми.

Всѣ вообще калмыки очень любятъ чай и онъ для нихъ обратился въ органическую потребность, безъ него они, „сму-чаютъ“ и при наймахъ въ работники ставятъ непремѣнный условіемъ, чтобы понли ихъ чаемъ—иначе, какъ они говорятъ, „животъ болить и работать нема.“ Дома, въ своихъ кибиткахъ, они постоянно пьютъ чай не только днемъ, но даже и ночью и въ невѣроятномъ количествѣ. Мой хорошій знакомый, встатъ сказать, рѣдкій по уму и сердцу калмыкъ, зайсангъ *Бадма Даминичъ Опоиничъ* выпиваетъ по полуведру за разъ и пьетъ его два раза въ день—и такихъ *любителей* немало въ калмыцкой степи.

Чай калмыцкій, въ существѣ дѣла, есть не напитокъ, а пища, къ тому же довольно сытная и своеобразно вкусная, если хорошо приготовлена. Къ употребленію его привыкли не только наши крестьяне, но и деревенская „интеллигенція,“ сирѣчь купцы, писаря и духовенство. Не нужно забывать, что калмыцкій чай, какъ пища, сравнительно очень дешевъ. Плитка его, по мѣстному „кирничъ,“ стоитъ отъ рубля восьмидесяти копѣекъ до двухъ рублей тридцати копѣекъ; вѣситъ два съ половиною фунта и болѣе, такого же кирпича на самую большую семью достаточно на цѣлый мѣсяцъ; бѣдная же семья, при экономіи, довольствуется—и безъ лишней—половиной плитки въ тотъ же срокъ.

Въ былую пору, когда калмыцкая изобиловала большими табунами лошадей, гуртами скота и массою овецъ, каждый калмыкъ ѣлъ мясо вдоволь и не зналъ, что значить нужда въ молокѣ. Теперь же молока у него не всегда достаточно, а у многихъ и совсѣмъ его нѣтъ; мясомъ же калмыкъ рѣдко лакомится, да и то добываетъ его большею частію воровскимъ путемъ. Въ общемъ же—почти всѣ калмыки живутъ впроголодь, томимые вѣчной жаждой раздобыть гдѣ либо сень и собѣ кусокъ хлѣба и „махаву“ (мяса), для чего постоянно и

шляются по русскимъ селамъ и хуторамъ, выпрашивая и покупая подъ покосы и посѣвъ муку и собирая объѣдки. Послѣ заговѣнья всегда можно встрѣтить въ селахъ десятки ободранныхъ, жалкихъ, изможденныхъ бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ, шнырящихъ изъ избы въ избу съ цѣлью выпросить „*ююана кусокъ*“, т. е. остатки скоромной пищи, въ какомъ бы видѣ она ни была. „Хурсакъ голодна“ (желудокъ пустой) „кушай нема“ (ѣсть нечего)—вотъ обычная тема калмыковъ при встрѣчѣ съ постороннимъ человекомъ, разъ послѣдній заведетъ рѣчь о его житьѣ-бытьѣ.... И это до такой степени нищенства дошелъ когда то гордый, дикій, властный народъ, считавшій свой скотъ тысячами табуновъ, овецъ десятками тысячъ стадъ, не знавшій, что такое нужда, дѣлавшій хищническіе набѣги ради удали, а не куска хлѣба, какъ то есть теперь... „Наша байгушъ стала“, говорятъ калмыки, т. е. „мы стали бѣдняками“.... Но что довело народъ до такого состоянія? Вопросъ этотъ мы постараемся рѣшить въ своемъ мѣстѣ,—теперь же продолжимъ начатое, т. е. рассказъ о бытѣ большебербетцевъ.

Имѣя возможность и состороны религіи и обычнаго права быть полигамистомъ, калмыки почти всѣ безъ исключенія строго придерживаются моногаміи и въ домашней своей жизни, равно и въ стношеніяхъ къ женѣ, далеко не деспотичны и въ дѣла женъ не любятъ вмѣшиваться. Если и бывають драки между мужемъ и женой, то случается это только лишь въ состояніи опьянѣнія мужа или жены, а нерѣдко и обоихъ вмѣстѣ. Напротивъ, по моимъ наблюденіямъ, калмыки всячески избѣгаютъ ссоръ съ женами и „заводятъ“ ихъ съ женщиной, хотя бы и женой, считаютъ ниже своего достоинства. Къ тому же мужчинамъ (не говорю уже о женщинахъ) совершенно чужды сквернословія: всякую ругань считаютъ „кислымъ словомъ“ и презираютъ любителей „словесной кислотины.“ Даже русская классическая ругань—не какъ у другихъ народовъ, пользуется презрѣніемъ. Въ отношеніяхъ между собой старики пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ—молодежь

безгласна предъ ними. „Старъ человекъ“ —лицо, застрахованное отъ оскорбленій.

Положимъ—по обычаю всѣхъ восточно-азиатскихъ народовъ—калмыки также всю заботу о крайне несложномъ своемъ хозяйствѣ свалили на женщинъ. Жены и дочери ихъ доятъ коровъ, чинятъ кожи, шьютъ одежду и обувь, готовятъ полсти, собираютъ аргалъ (скотскій пометъ) для топлива, чинятъ и ставятъ на мѣсто кибитки, носятъ воду, варятъ пещу и заботятся о скрѣтїи слѣдовъ отъ уворовааннаго скота, если онъ убивается въ хотоу, т. е. въ стойбищѣ. При такой заботливости женщинъ о своемъ хозяйствѣ калмыки прежде изъ занятїа скотоводствомъ могли извлекать чрезъ посредство своихъ жонъ все, что нужно было въ ихъ простомъ быту, даже водку ¹⁾. Теперь же приходится измѣнить вѣдшейся въ плоть и кровь привычѣ все возлагать на женщину и поневолѣ прїучаться такъ или иначе промышлять демамъ для поддержанїа своего жалкаго существованїа. Скота нѣтъ, личное хозяйство есть у весьма и весьма немногихъ, женскїй же трудъ внѣ кибитки не находитъ себѣ примѣненїа.

Къ качествамъ калмычекъ, какъ хозяекъ, необходимо добавить, что онѣ вообще отличаются, рѣдкимъ у другихъ

---

¹⁾ Изъ сильно проквашеннаго молока калмыки готовятъ спиртной напитокъ, извѣстный подъ названїемъ араки. Способъ приготовленїа араки очень простъ. Сильно проквашенное молоко вливаютъ въ чугунный котелъ; послѣднїй прикрываютъ возможно плотно деревяннымъ колпакомъ и всѣ щели плотно обмазываютъ глиной. Въ верхнее небольшое отверстїе деревяннаго колпака вставляютъ конецъ деревянной, изогнутой по срединѣ, трубы, противоположнымъ же концемъ ея опускаютъ въ кувшинъ, поставленный въ кадочку съ холодной водой. Кувшинъ этотъ служитъ и прїемникомъ пара и холодильникомъ его. Паръ же обрывается при кипѣнїи молока въ котлѣ, а дабы онъ не выходилъ изъ кувшина, края послѣдняго плотно обматываются мокрой тряпичей. Полученная такимъ способомъ арака достигаетъ двадцати и болѣе градусовъ крѣпости; но можно послѣднюю довести и до 50° путемъ выливанїа добытой уже араки обратно въ некипяченое еще молоко и новаго перегоня ея. На вкусъ араки нѣсколько кислвата, прїятна и быстроохмѣляется, хотя хмѣль и скоро проходитъ. Между прочимъ, арака замѣчательна какъ сильное мочегонное средство.

наших инородцевъ, цѣломудріемъ. Но есть странный обычай, когда онѣ, такъ сказать легально, нарушаютъ супружескую вѣрность, не нарушая въ то же время требованій ни личной, ни общественной совѣсти. Суть въ слѣдующемъ. Если мужчина, добываясь не платонической любви отъ замужней женщины, ухитрится, безъ насилія послѣдней, разорвать поље ея брюкъ, то имѣетъ право въ тотъ же моментъ фактически воспользоваться ея „любовью“ и тогда это не считается измѣной мужу.... Въ чести калмычекъ нужно сказать, что онѣ очень ревниво и искренне отстаиваютъ цѣлость поиска своихъ брюкъ.... Доказательствомъ цѣломудрія калмычекъ можетъ служить между прочимъ и то, что опороченной дѣвушкѣ изъ среды ихъ почти невозможно найти себѣ мужа,—затѣмъ „ублюдковъ“, свидѣтельствующихъ о „помѣси съ русскими“, почти нѣтъ. Единичные экземпляры таковыхъ очень рѣзко выдѣляются своимъ уклоненіемъ отъ обще-калмыцкаго типа цвѣтомъ волосъ и структурой лица, а это въ сильной степени удерживаетъ калмычекъ отъ соблазна половыхъ сношеній съ русскими. Въ свою очередь и калмыки также отличаются нравственностію и если допускаютъ распутство, то только съ русскими женщинами, до которыхъ, къ слову сказать, они большіе охотники....

О дѣвическомъ цѣломудріи и стыдливости нечего и говорить. Оно, если можно такъ выразиться, образцово. За все время моего пребыванія въ Больше-Дербетскомъ улусѣ я не зналъ ни одного случая рожденія дитяти дѣвушкой до замужества. Сами же калмыки утверждаютъ, и имъ вполне можно вѣрить, что въ ихъ быту не бываетъ случаевъ разврата дочерей-дѣвушекъ. Въ этомъ отношеніи наши калмыки не похожи на своихъ единоплеменниковъ, одного языка и вѣры съ ними, сибирскихъ бурятъ и китайскихъ монголовъ, между которыми развратъ царитъ во всей своей неприглядной мерзости¹⁾.

¹⁾ См. мой очеркъ «Женщина у монголо-бурятъ». Прилож. къ газетѣ «Сибирь» за 1885 годъ.

Только въ привилегированномъ калмыцкомъ сословіи въ этомъ случаѣ замѣчается „прогрессъ“ и калмыки съ сердечнымъ сокрушеніемъ рассказываютъ „быль“ о нарушеніи супружеской вѣрности женами ихъ ноёновъ. Спѣшу оговориться, что упоминая объ этомъ, я отнюдь не имѣю въ виду кого либо изъ нынѣ живущихъ членовъ привилегированнаго сословія.

Женятся калмыки въ очень раннемъ возрастѣ, при первой же возможности къ тому въ матеріальномъ и физиологическомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ возможность вступленія въ бракъ обуславливается имѣніемъ необходимыхъ средствъ у жениха и его родителей для покупки жены; стоитъ же она не дешево—отъ ста и болѣе рублей. Расходи требуются главнымъ образомъ на покупку:—водки при сватовствѣ, одежды и подарковъ для невѣсты; вступаютъ же въ фактической бракъ—мужчины съ шестнадцати лѣтъ, а дѣвушки съ четырнадцати. Свадьба совершается только послѣ того, какъ женихъ уплатитъ роднѣ невѣсты все, что слѣдуетъ по обычаю и договору, и когда достаточно средствъ на покупку водки и овецъ для брачнаго пира. При совершеніи браковъ духовенство участвуетъ только въ богатыхъ калмыцкихъ семьяхъ; у бѣдняковъ же бракъ есть чисто гражданскій актъ, основанный на словесномъ договорѣ между родителями брачующихся, по общему праву всегда сопровождающійся гомерическимъ пьянствомъ, въ которомъ и заключается вся суть формальнаго брачнаго обряда.

Несмотря на легкость—со стороны формальныхъ требованій—вступленія въ бракъ, разводы случаются чрезвычайно рѣдко, какъ исключительное, а не заурядное явленіе семейной жизни; и поводомъ къ разводу служитъ только неспособность къ дѣтороженію и физическое отвращеніе къ женщиной. Въ такихъ случаяхъ, что опять таки очень рѣдко бываетъ, калмыкъ обязывается возвратитъ родственникамъ жены своей полученное отъ нихъ за нею приданое и затѣмъ обѣ стороны считаются свободными отъ брачныхъ узъ. Положимъ, обычнымъ правомъ и религіей, какъ уже упоминалось, калмыкамъ дозво-

лется и многоженство, но оно не въ обычаѣ народа и имъ, какъ роскошью, да и то въ единичныхъ случаяхъ пользуются только богатые люди, когда, по причинѣ бесплодности жены, не отпускають ея отъ себя и берутъ другую. Въ такихъ случаяхъ мужъ, любя свою жену, прощаетъ ей ея неплодность и съ ея же согласія и совѣта женится на другой. Первая жена, затѣмъ, остается *старшей* въ семьѣ и покровительственно относится ко второй, причѣмъ послѣдняя подчиняется первой. Необходимо отмѣтить, что калмыки, несмотря на то, что за вдовъ не требуется уплаты калыма, въ рѣдкихъ случаяхъ вступаютъ съ ними въ бракъ, да и то по преимуществу бѣдняки чисто изъ-за денежныхъ расчетовъ. Поэтому положеніе вдовы, въ особенности молодой, нельзя назвать завиднымъ.

Относительно наследства обычное право охраняетъ интересы только мужчинъ и то по прямой линіи. Имущество же бездѣтныхъ полностью поступаетъ въ пользу буддійскихъ *зуролов* (монастырей). Любопытная сторона имущественныхъ правъ каждаго члена семьи выражается, между прочимъ, въ томъ, что все имущество данной семьи, при жизни главы ея, дѣлится на столько частей, сколько есть въ ней мужчинъ—какъ родныхъ сыновей, такъ равно и приемышей, безъ различія возраста и степеней родства; жена же и дочери не имѣютъ части въ дѣлѣжъ имущества и имѣютъ права собственности только на то, что имъ *подарено* главой семьи или же ея имущественно правоспособными членами, т. е. сыновьями. Послѣ же смерти того или другого члена семьи, собственно принадлежащее ему имущество, если онъ бездѣтепъ, не поступаетъ въ раздѣлъ между оставшимися въ живыхъ родственниками, а отдается въ монастырь на поминъ души умершаго. Монастыря же полученное такимъ путемъ имущество продають съ аукціоннаго торга.

Къ дѣтямъ калмыки относятся съ особенною любовью и заботливостію, особенно къ сыновьямъ, какъ къ будущимъ продолжателямъ своего рода.

Говоря о браках между калмыками, я забылъ оти́тить довольно интересный фактъ, а именно—жизненность древняго обычая уми́канія невѣсты. Положимъ, современному намъ калмыку уми́кать невѣсту въ буквальныйъ понятіи этого слова не приходится. Но тѣмъ не менѣе, если берется невѣста съ согласіемъ ея родителей, то все таки жениху, въ концѣ концовъ, приходится *силой* увозить ее изъ родительской кибитки. Всѣ родственники невѣсты и сосѣди, собравшись толпой, къ тому же нерѣдко и пьяной, плетью и *уми́ками* (длинными палки, поддерживающія крышу кибитки), что есть мочи и по чѣмъ попало, бьютъ жениха и его повѣжанъ, стараются не допустить ихъ до невѣсты и не дать свободно увести ее. Происходитъ настоящій бой, до сворачиванія skulls и ломанія реберъ включительно. Если перевѣсъ силъ не на сторонѣ жениха, то ему нѣтъ возможности взять невѣсту. При брачномъ пьянствѣ происходитъ стрѣльба; молодежь родственники жениха, до самаго окончанія брачнаго пира, въ видѣ сторожевой охраны, ѣздятъ верхомъ вокругъ кибитки, какъ бы наблюдая за тѣмъ, нѣтъ ли погони за невѣстой или же попытокъ хитростью увести ее отъ жениха.

Въ случаѣ смерти калмыка, въ похоронахъ участвуютъ и духовенство. Умершаго не зарываютъ въ землю, а, завернувъ въ старыи войлокъ и обвязавъ веревкой, бросаютъ трупъ обыкновенно въ старую, заброшенную яму (колодець), а то и просто въ первую попавшуюся скольконибудь глубокую яму; зимою же и просто въ сугробъ снѣга—не всегда вдали отъ своихъ стойбищъ. Только трупы *Бакисей* (старшихъ духовныхъ лицъ) сжигаются по индійскому обычаю.

Похоронивъ своихъ мертвецовъ такимъ простымъ способомъ, калмыки рѣшительно не заботятся объ участи трупа и не обращаютъ вниманія на то, что собаки, отыскавъ трупъ, таскаютъ части его по степи.

Обычай такъ хоронить мертвецовъ несомнѣнно вреденъ и особенно пагубенъ во время господства эпидемій. Мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ весной, во время поло-

вода р. Джалги, по ней плыли трупы калмыковъ, умершихъ отъ оспы и тифа, что мнѣ извѣстно было отъ самихъ же калмыковъ. Нечего и говорить о томъ, что „тѣла“ эти—не только отравляли воду, но и, зарывая воздухъ, разносили отраву по кочевьямъ калмыковъ. Факты эти общезвѣстны и можно съ удивленіемъ поставить вопросъ—почему до сихъ поръ никто изъ начальствующихъ не вздумалъ озаботиться устройствомъ калмыцкихъ кладбищъ?

Относительно долголѣтности калмыковъ можно сказать, что они нерѣдко доживаютъ до глубокой старости, иногда даже до 90 лѣтъ, но чаще всего умираютъ между сорока и шестидесятью годами, причемъ женщины долголѣтнѣе мужчинъ. Что же касается дѣтей, то ихъ мретъ масса, особенно до десятилѣтняго возраста. Вообще же заболѣвацій въ улусѣ всегда множество. Господствующими болѣзнями нужно признать глазныя (причина—постоянный дымъ въ кибиткѣ) и послѣдствія худосочія, изъ эпидемическихъ же—оспу и брюшной тифъ.

Однимъ изъ интересныхъ обычаевъ при болѣзни, служить „*эмонг думжъ азъ жьло больного.*“ Съ этой цѣлью собственно для больного ставится гдѣ либо вдали отъ стойбищъ отдѣльная кибитка и кто либо изъ родственниковъ или же галюнъ (священникъ), стоя внѣ кибитки, машетъ флагомъ по направленію предполагаемаго ухода души больного, выкрикиваетъ слова призыва и тѣмъ какъ бы приглашаетъ блудливую душу вновь возвратиться въ брошенное ею тѣло.

При повальныхъ заболѣваніяхъ оспой и брюшнымъ тифомъ, въ особенности оспой, заразительность которой калмыки отлично понимаютъ,—все здоровое населеніе данной мѣстности бросаетъ больныхъ на произволъ сѣльбы, быстро снимаетъ свои кибитки и въ паническомъ страхѣ удаляется возможно дальше отъ зараженнаго мѣста. Ухаживать за больными никто не рѣшается даже изъ тѣхъ, кто раньше болѣлъ оспой и знаетъ, что вновь не подвергнется опасности. Послѣдніе отказываются помогать больнымъ потому, что ихъ, какъ

прокаженныхъ, въ теченіи сорока дней послѣ оставленія оспенной кибитки никто и ни за что не рѣшается впустить въ свое жилище и вообще войти съ нимъ въ какое либо сношеніе. Тяжесть такого положенія убиваетъ чувство человѣколюбія у калмыковъ даже и по отношенію къ самимъ близкимъ и любимымъ своимъ роднымъ. Вслѣдствіе такого отношенія калмыковъ къ заболѣвающимъ оспой своимъ собратамъ, равно и къ лицамъ, ухаживающимъ за больными, необходимость заставляетъ нанимать *русскихъ* для присмотра за больными, пораженными оспой, если на то есть средства. Русскіе же, зная безвыходность положенія „твари“ и не считая таковую за людей, деруть съ нея (т. е. съ калмыковъ) еяко возможно больше—за какихъ нибудь десять-пятнадцать дней ухода за трудно больными берутъ корову, а не то и двѣ.—Мнѣ самому приходилось платить *по два рубля съ день* за присмотръ за страдавшими оспой. Бѣдняки же въ большинствѣ случаевъ остаются безъ призора и почти поголовно мрутъ, если не отъ оспы, отъ которой чудомъ иногда выздоравливаютъ, то отъ голода или же осложненій болѣзни.—Я знаю калмычку, болѣвшую оспой, перенесшую ее и затѣмъ, въ силу отсутствія укола, *буквально съденную червями*. Еще при жизни страдальца черви обглодали мясо на кистяхъ рукъ и ступняхъ ногъ ... Знаю дѣтей, брошенныхъ на степи, точно ненужныхъ щенятъ, и подобранныхъ *„чужими людьми“*. Что жъ тутъ удивительнаго, что заболѣвшіе оспой калмыки почти поголовно вымираютъ и эпидемія прекращается только тогда, когда въ данной мѣстности ея господства не остается уже жертвъ... Мѣры же изоляціи и карантинныя, если гдѣ, то именно у калмыковъ наиболѣе дѣйствительны, *но единственно потому, что самъ народъ, понимая ихъ важность, соблюдаетъ всю предосторожность отъ заразы, даже до излишней строгости и педантичности*. Не говоря уже о полной изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ, даже выздоровѣвшіе только по истеченіи сорока дней со времени выздоровленія вновь принимаются въ среду здоровыхъ.

Страшный бичъ калмыцкаго населенія—оспа калмыки воплощаютъ въ злого духа „Чичика“ и трепещутъ даже при одномъ произношеніи его имени; бывають случаи, и нерѣдко, что внезапно перепуганный чичкомъ калмыкъ умираетъ отъ испуга. Случается это такъ: кто либо изъ русскихъ „шутки ради,“ или же изъ мести за что либо, внезапно и насколько возможно громко крикнетъ на ухо своей жертвѣ—калмыку: „Чичика“ и этого довольно для того, чтобы бѣдняга моментально растерялся до состоянія столбняка, лишился воли и сознанія.... Не только калмыки, но даже и сами русскіе рассказываютъ, что крестьяне сосѣднихъ съ калмыцкими кочевьями селъ отравляютъ ядомъ натуральной оспы воду въ копаняхъ калмыковъ, примѣшиваютъ оспенный ядъ къ хлѣбу, который даютъ *твари* къ водѣ, *которой пріятельски и угощаютъ*. Звѣрство это дѣлается изъ мести за конокрадство, какъ то объясняютъ крестьяне. Но факты „отравленія,“ отвратительные по своей жестокости, разумѣется, не могутъ быть извиняемы никакими враждебными чувствами крестьянъ къ калмыкамъ и никакой причиной, создавшей ненормальныя отношенія между тѣми и другими....

Считая же, что заболѣваніе оспой происходитъ не отъ естественныхъ причинъ, конкретно объясняемыхъ, а отъ воли злого духа—Чичика, калмыки съ большимъ недоумѣніемъ относятся къ оспопрививанію, полезность его, несмотря на очевидность факта, положительно отрицають и только подъ давлениемъ полицейской власти позволяютъ фельдшеру производить прививку оспенной лимфы. Вслѣдствіе же того, что въ восьмидесятыхъ годахъ не *прошло*, а *настолицано столѣтія* улусный фельдшеръ В. *по ошибкѣ привилъ калмыкамъ натуральную оспу*, они особенно враждебно начали относиться къ оспопрививанію и только въ послѣднее время понемногу смирились и, скрѣпя сердце, подставляютъ свои руки подъ ланцетъ.

Что же касается собственно докторской помощи больнымъ вообще, то объ этомъ какъ то неловко даже и упоминать.

На все кочевое население Ставропольской губернии, т. е. не только для калмыков, но и для магомтанъ—татаръ, туркменовъ, погайцевъ, эдисанцевъ, эдишкульцевъ, джембулацевъ и ачикулакцевъ, столбища конхъ разбросаны на сотни верстъ вдоль и поперекъ—*существуетъ только одинъ врачъ,— да и тотъ живетъ—не идъ либо въ центральномъ мѣстѣ инородческихъ столбищъ, а въ г. Ставрополѣ*, аккуратно получаетъ присвоенное ему жалованье (около полутора тысячи въ годъ, если не болѣе), сопровождаетъ главнаго пристава въ его поѣздкахъ по кочевьямъ—и только. Ему нѣтъ ни малѣйшей физической возможности быть сколько нибудь полезнымъ тому населенію, врачомъ коего онъ числится. Даже при господствѣ эпидемій, разъ онѣ одновременно появляются въ разныхъ концахъ обширнѣйшихъ инородческихъ владѣній въ Ставропольской губерніи—врачъ совершенно безсиленъ оказать не только существенную, но даже и какую бы то ни было пользу населенію. Мы отнюдь не преувеличимъ, если скажемъ, что обязанность „врача при управленіи кочевыми народами“ (таковъ оффиціальнй титулъ его) есть только синекура, бесполезная для населенія во всѣхъ отношеніяхъ и полезная только для самого врача, главнаго пристава и инородческой администраціи, которую онъ даромъ и лѣчитъ. Такимъ образомъ вопросъ о врачебной помощи упоминаемому нами инородческому населенію, вопросъ весьма важный въ виду гибельныхъ послѣдствій почти непрекращающагося господства между инородцами оспенной эпидеміи, требуетъ немедленнаго рѣшенія и во всякомъ случаѣ немедленнаго выселенія изъ г. Ставрополя существующаго уже врача въ болѣе, скажемъ скромно, *центральное мѣсто круга его обязанностей.*

Считаю нужнымъ на всякій случай оговориться, что упомянувъ о полезности врача для инородческой администраціи, я вовсе не вхожу въ интимную сторону ея отношеній къ врачу и не считаю себя въ правѣ касаться вопроса, *даромъ или за деньги онъ ее лечитъ.*

По релігійнымъ своимъ вѣрованіямъ всѣ калмыки—буддисты. Въ основу своихъ вѣрованій они ставятъ десять заповѣдей а) добрыхъ дѣлъ (арбанъ саганъ) и б) десять черныхъ (злихъ) дѣлъ (арбанъ хара).

Черныя дѣла суть: 1) Лишеніе жизни живыхъ существъ, 2) грабежъ, 3) прелюбодѣяніе, 4) ложь, 5) угрозы, 6) грубыя слова, 7) празднословіе, 8) зависть, 9) злоба въ сердцѣ.

Добрыя: 1) Милость отъ смерти, 2) дѣлать подаянія, 3) соблюдать нравственную чистоту, 4) говорить привѣтливо, 5) говорить всегда правду, 6) быть миротворцемъ, 7) поступать по ученію священныхъ книгъ, 8) быть довольнымъ своимъ состояніемъ, 9) помогать ближнему, 10) вѣрить въ предопредѣленіе. Вообще же относительно пониманія духа своей релігій и привнесенія требованій ея въ свою жизнь они стоятъ на низкой степени развитія, крайне суевѣрны и ученія Будды не понимаютъ, не только простолюдины, но даже и ихъ *Гэлмы*, т. е. духовенство.

Къ духовному мѣстному главѣ своей релігій, „*Бакши*“ (въ переводѣ учитель), всѣ калмыки относятся съ глубокимъ уваженіемъ—не только наружно, но и въ душѣ. Наружные знаки уваженія простираются даже до того, что цѣлуютъ слѣдъ его и пьютъ воду, которой онъ моетъ руки и лицо во время служенія. Последнее дѣлается съ увѣренностью въ святости и цѣлебности такой воды.

Къ гэлюнамъ же и гоцуламъ (священникамъ и діаконамъ) благодаря ихъ неводержной жизни, въ особенности пьянству, строго запрещаемому буддизмомъ, народъ потерялъ уваженіе и подчасъ проницески относится въ нимъ. Сами же гэлюны, будучи невѣжественными въ дѣлѣ пониманія релігій, и по умственному своему развитію равнясь съ простонародьемъ, не могутъ поддерживать своего достоинства, въ нравственномъ отношеніи изъ года въ годъ опускаются все ниже и ниже, почему, естественно, и не имѣютъ никакого нравственнаго вліянія на калмыковъ. Безвредны они также и въ дѣлѣ обирая на-

рода, въ чемъ неосновательно упрекаютъ ихъ наши офиціозы.

Но пьянство среди калмыковъ есть общій порокъ не однихъ только галюновъ. Половина населенія Больше-Дербетскаго улуса мнѣ извѣстна даже по имени и изъ всей этой массы пришлось встрѣтить только одного калмыка, никогда не пившаго и не пьющаго ни водки, ни араки.—Такой замѣчательный въ своемъ родѣ человекъ достоинъ, по моему, чести быть названнымъ по имени—это калмыкъ Икчунусова рода *Башамма Лоруповъ*. Страстный любитель спиртныхъ напитковъ, калмыкъ пьетъ водку не рюмками, а чайными стаканами и чашками, при „выпивкѣ“ не ѣстъ ничего, почему и хмѣлѣетъ быстро.

Бывая въ русскихъ селахъ, калмыкъ ни за что не пройдетъ мимо кабака и если у него не на что купить водки, и его никто не угоститъ, то онъ все таки будетъ сидѣть у кабака, вдыхать въ себя вонь его и „глазѣть“, какъ пьютъ другіе; въ такомъ времяпрепровожденіи онъ испытываетъ, какъ это ни странно, большое удовольствіе.

Водку пьютъ не только мужчины, но въ такой же степени и женщины; пьютъ даже дѣвушки и дѣти.

Другой крайне вредной страстью служатъ карты, въ которыя калмыки проигрываютъ иногда все, что у нихъ есть.

Изъ сравнительно невинныхъ страстей слѣдуетъ отмѣтить сильно развитую привычку табако-куренія, которому предаются положительно всѣ калмыки отъ мала и до велика. Если нѣтъ табаку, то сосутъ чубукъ. Женщины курятъ гораздо болѣе мужчинъ и въ случаяхъ недовольства на мужа первой и самой главной причиной выставляютъ, что онъ, варваръ, не даетъ табаку.

Какъ на лучшую черту калмыковъ необходимо указать на то, что они отличаются полнымъ безкорыстіемъ, строгой честностію въ исполненіи обязательства другъ къ другу и сердечностію во взаимныхъ отношеніяхъ между собой.

По характеру своему, въ особенностяхъ въ сношеніяхъ съ русскими, калмыкъ хитеръ, скрытенъ, недоверчивъ, крайне мстительнъ, настойчивъ и самолюбивъ, но трусливъ; къ власть имущимъ раболѣпенъ до отвращенія; съ равными же себѣ русскими, да и то если послѣдніе бываютъ въ вочевьяхъ его — дерзокъ, грубъ и нахаленъ; въ селѣ же, среди не своихъ, унижаетъ себя до подлости, заискиваетъ, льститъ и рабски покорно переноситъ оскорбленія, — словомъ — крайне не искрененъ и плутовать въ сношеніяхъ съ посторонними.

Всѣ эти и другія отрицательныя стороны въ характерѣ калмыковъ имѣютъ вѣрное и правдивое объясненіе въ прошломъ, явившемся результатомъ отношеній въ нимъ нашихъ крестьянъ и другихъ мундирныхъ особей и, имѣ кажется, не составляютъ національной ихъ особенности. Послѣднее ясно изъ того, что тѣ же самые калмыки въ сношеніяхъ другъ съ другомъ выглядятъ совсѣмъ другими людьми. Между своими они откровенны, доброжелательны, щедръ въ высшей степени, всегда готовы оказать сородичу своему услугу, милостивы и ни за что не бьцадутъ, безъ особенной, исключительной нужды къ тому, своего собрата, напротивъ всячески стараются вывести его изъ бѣды даже съ прямымъ ущербомъ для личныхъ своихъ интересовъ. Инстинкты общественной солидарности вообще у калмыковъ крайне развиты. Но за то всѣ калмыки слишкомъ апатично относятся къ своему положенію, лѣнны, безпечны и въ затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ до глупости не находчивы, что въ сильной степени и мѣшаетъ имъ выйти изъ нищенскаго, современнаго намъ, своего положенія. Отсутствие инициативы, апатичное равнодушіе къ своей судьбѣ, явившееся результатомъ исполненія десятой заповѣди „добрыхъ дѣл.“, внушающей, что „*esse dлаестся исключительно по воли Божіей*“ наряду съ другими весьма сложными причинами, долго еще задержитъ возможность и силу воли у калмыковъ стряхнуть съ себя ветхаго человѣка, и припѣть извѣстной пѣсни

„Станемъ-ка, Еремушка,
Иное заводить“

калмыки не скоро еще дружно затанутъ.....

Отмѣченная нами двойственность въ характерѣ калмыковъ, повторяемъ, почти всецѣло есть результатъ прошлыхъ отношеній къ нимъ властей и вообще русскаго, окрестнаго населенія... Объяснимся.

Лишешные возможности защищаться легальными, общечеловѣческими средствами отъ притѣсненій и презрѣннн, калмыки, повелюль, должны были прибѣгнуть къ хитрости, лукавству, раболѣпству—какъ единственнымъ средствамъ для самозащиты, годнымъ такъ или иначе уснпнть или же ослабить силу враждебнаго и презрительнаго къ нимъ отношенія. Прошлое калмыка несомнѣнно таково, что онъ повелюль долженъ былъ замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ сородичей, выработать неприглядныя стороны своего характера, какъ средства для борьбы, и въ свою очередь вкоренить въ себѣ чувства глубокой ненависти и презрѣннн къ не своимъ, всѣми силами стараться изолировать себя отъ посторонняго влнзннн и пользоваться всякимъ удобнымъ и безопаснымъ случаемъ высказать свои истинныя чувства къ этимъ не своимъ, и высказать по возможности не на словахъ, а на дѣлѣ, не стѣняясь въ выборѣ къ тому средству.

Если вообще пѣнне и музыка дѣйствительно служатъ въ извѣстной степени выразителемъ характера даннаго народа (въ нихъ сказываются историческнн судьбы его, то по отношеннню къ калмыкамъ это положительно вѣрно. Въ ихъ пѣнннн и музыкѣ рельефно выливаются слѣды того гнета, той рабской приниженности, подавленности чувствъ, робости, обезличенннн. до конхъ они доведены были дружнымъ напоромъ почти сплошь неблагоприятныхъ для нормальнаго, хотя бы относительно, развитннн внѣшнихъ и внутреннихъ „воздѣйствнннн“ на нихъ быть, сознательно и бессознательно силнннхся заглушнть въ калмыкѣ всякое проявленнне самостоятельности и самоуваженннн.

Подробно о содержаніи калмыцких народных пѣсенъ говорить не будемъ; равно не будемъ приводить для образца и самыхъ пѣсенъ—это значительно расширило бы рамки настоящаго очерка. Ограничимся только упоминаніемъ, что народное калмыцкое творчество, еще жившее въ первое время послѣ прихода калмыковъ въ наши приволжскія степи, давно уже угасло и бардовъ среди нихъ нѣтъ, равно какъ нѣтъ (имѣется въ виду Больше-Дербетскій улусъ) и мастерски знающихъ свое дѣло сказывателей былили не только въ стихотворной, но даже и въ простой сказочной формѣ. Всѣ, болѣе или менѣе содержательныя, калмыцкія пѣсни относятся къ сравнительно отдаленному прошлому народа и въ позднѣйшихъ изъ нихъ не особенно ласковымъ словомъ поминается „оросъ“ (русскій). Обычно же преобладающимъ содержаніемъ пѣсенъ служить изображеніе безбрежности и раздолья степи, „жургана“, на немъ красующагося „калыма“ или „дѣвушки съ красными щемами“, „кона скакуна“ и тому подобныхъ незатѣйливыхъ предметовъ.

Но что за мотивъ пѣсенъ? То слышится робкій, пугливый полутонъ съ переливами речитатива, въ несмѣлыхъ полутонахъ же пѣвецъ какъ бы боится, что кто нибудь подслушаетъ и властно прикрикнетъ на него „цыцъ молчи!“—точно страхъ окрика удерживаетъ рѣшимость начать пѣніе полной грудью или же, по крайней мѣрѣ, свободнымъ, ничѣмъ не сдерживаемымъ голосомъ, то полутоны той же пѣсни и не постепенно, а какъ то сразу, переходятъ въ дикое, что есть сила громкое, завываніе, словно пѣвецъ, начавъ пѣніе, завидѣвъ вдали опасность и торопится, какъ можно скорѣй, до прихода врага, излить въ пѣснѣ неудержимо нахлынувшія чувства, не подвергнувъ ихъ поруганію, и затѣмъ вновѣ замкнуться въ себѣ самомъ, какъ улитка въ раковинѣ. Но вотъ врагъ какъ бы приближается, звуки пѣсни, достигнувъ крайняго напряженія, могутъ быть услышаны, съ чувствомъ же и потребностію излить его нѣтъ возможности сразу справиться и пѣвецъ, будто въ страхѣ, сразу же, почти безъ переходовъ обрываетъ

голосъ и невзвучнымъ рокотомъ танетъ тихіе воющіе тоны; тоскливо, уныло, жалобно вибрируетъ его голосъ, точно споря и стена о томъ, что помѣшали неудержимо бьющему наружу чувству вылиться свободно, какъ того хотѣла душа. Затѣмъ, опасность будто миновала, пѣвецъ продолжаетъ речитативъ, усиливаетъ голосъ и вновь сразу же переходитъ на самыя высокія ноты. Видно, что чувство ищетъ простора, хочетъ охватить все существо пѣвца, но онъ, пришпиленный судьбой, не смѣетъ предаться всецѣло чувству и всячески сдерживаетъ его порывы. Словомъ, въ пѣвѣ калмыка высказывается вся его забитая, придавленная, приниженная душа. Въ немъ слышится и грусть, и тихій, не протестующій рыдъ, и быстрое, ничѣмъ на моментъ неудержимое, проявленіе дикой необузданной страсти, вслѣдъ за которымъ воюще звучитъ неувѣренность въ своихъ силахъ и страхъ ответственности за обнаруженные чувства. Такъ и кажется, что калмыкъ всю жизнь оправдывалъ на себѣ справедливость поговорки: „и недоступи бьютъ и переступи бьютъ“; идти же полной, свободной поступью ему не позволяли.

Ни беззавѣтной, незнающей удержа, охватывающей все существо человѣка веселости, ни преобладающей прелестности удачи, ни смѣлаго протеста, ни открытой грусти и рыдъ на „горе-злосчастьѣ“, ни другихъ болѣе или менѣе опредѣленно высказанныхъ чувствъ, такъ ярко выливающихъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и ихъ мотивахъ—у калмыковъ нѣтъ. Полная неупорядоченность тоновъ, много недосказаннаго, все нецѣльное, однообразное, мало гармоничное; но все пропитано гнетущей, раздражающей душу, воющей тоской; все уныло и жалобно до боли въ сердцѣ для посторонняго слушателя....

Но еще поразительнѣе хоровое пѣніе калмыковъ. Сравнительно вѣрное представленіе о немъ можетъ имѣть тотъ, кто когда либо слышалъ завываніе волчьей стаи.

Сказанное о пѣвѣ—можетъ относиться и къ музыкѣ;

даже плясовая (на *домборн*—родъ нашей балалайки) и та переизлетена съ грустными, однообразными тонами.

Въ танцахъ также нѣтъ удали. Топтаніе на одномъ мѣстѣ и какъ бы нервное подергиваніе всѣмъ корпусомъ не красиво и именно потому, что въ такомъ танцѣ замѣчается много сдержанности и сосредоточенности, если можно такъ выразиться, въ выдѣлываніи фигуръ плавности, непринужденности и удали совсѣмъ нѣтъ...

Не весело должно быть было прошлое калмыцкаго народа, если оно смогло властно наложить такую страшную печать гнета на творчество его духа!...

Таковъ въ общихъ чертахъ бытъ и характеръ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, предварительное знакомство съ которымъ необходимо въ цѣляхъ дальнѣйшаго выясненія социальна-экономическихъ сторонъ жизни этого народа.

III.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что калмыки всю свою заботу о хозяйствѣ возлагаютъ на женскую половину, сами же, кромѣ дозора за скотомъ и лѣтомъ косьбы травы и хлѣба рѣшительно ничѣмъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не занимаются. Ъсть, пить, спать, пьянствовать составляетъ жизненный идеалъ калмыковъ. Этими „занятіями“ досужныхъ людей вполне исчерпывались бы проявленія ихъ энергіи въ дѣятельности, такъ присущей человѣку, если бы у нихъ не было особаго рода „*промисла*“, для занятій которымъ необходима въ извѣстной степени удаля, пренебреженіе опасностями и отсутствіе чувства страха. Этотъ особаго рода промиселъ, обратившійся въ страсть, состоитъ не только въ вонюкрадствѣ, но и вообще въ похищеніи и грабежѣ скота и овецъ.

На этой характерной чертѣ быта калмыковъ мы остановимся и рассмотримъ ее съ необходимой для дѣла подробностію.

Въ былую пору своего экономического благосостоянія, когда патискъ пришельцевъ не пригибалъ еще калмыковъ къ землѣ, они не занимались такимъ мелочничествомъ, какъ кража коня изъ подъ замка конюшни, съ база (базомъ называется загородъ, устроенная изъ соломы, навоза или же растенія „курай“) или двора, а также и угономъ какой либо клячи ночью со степи; не занимались потому, что обезпеченные матеріально, имѣя даже избытокъ собственнаго скота, не видѣли въ воровствѣ средствъ къ поддержанію своего существованія, въ кражѣ же лошаденки не было проявленія удали. Если же кто въ одиночку и залѣзалъ въ базъ, либо конюшню, то на такого, какъ на мелкаго ворышку, смотрѣли съ пренебреженіемъ, такъ какъ запятіе просто воровствомъ, не сопряженнымъ съ опасностями и проявленіемъ удали, представлялось партіямъ.

Большинство же калмыковъ цѣлыми партіями, на испитанныхъ, ляхихъ коняхъ, днемъ, открыто нападали на табуны лошадей, гурты скота и стада овецъ, выпасывающіяся въ Донской Области или же въ степяхъ, прилегающихъ къ соседнимъ русскимъ селамъ. Въ случаяхъ сопротивленія со стороны табушниковъ, пастуховъ и чабаловъ, калмыки, совершенно пренебрегая опасностію жизни, вступали съ послѣдними въ бой и угоняли въ свои стойбища, либо въ глубь кочевій, столько скота, лошадей и овецъ, сколько могли захватить и отбить. Если погони не подоспѣвала во время и хищники успѣвали перегнать отбитое за черту своихъ кочевій, то успѣхъ грабежа почти всегда былъ гарантированъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія грабителей. Всѣ знали, что калмыки дружно защищаютъ *своихъ*, въ силу чего рѣдко кто изъ потерпѣвшихъ рѣшался преслѣдовать хищниковъ въ ихъ кочевьяхъ, повидимому терпѣливо сносили потери и только зорко слѣдилъ и выжидалъ время, чтобы, въ свою очередь,

воспользоваться оплошностію калмыковъ, напасть на ихъ табуны и „урвать“ что либо изъ нихъ. Если же потерпѣвшіе врывались, надѣясь на свою силу въ калмыцкія кочевья, находили похищенное и калмыки фактически убѣждались, что имъ невозможно ни силою прогнать преслѣдователей, ни скрыть похищенное, то въ такихъ, между прочимъ очень рѣдкихъ, случаяхъ хищники смирлялись и входили въ мирные переговоры съ преслѣдователями, возвращали отбитый скотъ и лошадей, причѣмъ въ силу *адата* (обычнаго права) недостающее число изъ похищеннаго совершенно добровольно пополняли изъ собственныхъ своихъ табуновъ и гуртовъ скота въ двойномъ, тройномъ и даже большемъ количествѣ противъ недостающаго, смотря по пастойчивости преслѣдователей, имѣющихъ за собой превосходство физической силы. Затѣмъ, въ знакъ мира и дружбы устраивалась поповка, послѣ которой всѣ и расходились „друзьями“ до новой стычки на полѣ грабежа.

Случалось же перѣдко и такъ, что калмыки и русскіе, по предварительному между собой условію, сходились въ какомъ нибудь нейтральномъ мѣстѣ, вдали отъ жилищъ, по преимуществу на берегу р. Маныча, вели мирные, чисто дипломатическіе переговоры объ условіяхъ выдачи отбитаго другъ у друга скота и лошадей и, договорившись, либо *обмѣнивались краденымъ „голова за голову“*, либо *уплачивали стоимость „голова“ по обоюдной оцѣнкѣ*, т. е. калмыки соглашались выдать русскимъ „натурою“ столько же скота, сколько крестьяне возвратятъ имъ изъ общаго числа уворованнаго у нихъ (калмыковъ) въ извѣстный періодъ времени тоже скота и лошадей. Такіе договоры съ обѣихъ сторонъ всегда исполнялись „свято и нерушимо“. Скотъ и лошади аккуратно въ условленномъ мѣстѣ и количествѣ пригонялся для обмѣна и, по обычаю, обмѣнъ сопровождался обильнымъ пьянствомъ, безъ котораго, нужно замѣтить, съ калмыками вообще нѣтъ возможности приступить къ какимъ либо переговорамъ и сдѣлать.

Въ русскихъ селахъ, расположенныхъ близъ Большо-Дербетскаго улуса, равно и среди калмыковъ, существуетъ масса вполне правдивыхъ и крайне интересныхъ рассказовъ о бывшихъ непрерывныхъ стычкахъ, происходившихъ между нашими крестьянами и калмыками изъ-за угона лошадей, скота и овецъ.

Последняя довольно серьезная стычка была въ восьмидесятихъ годахъ настоящаго столѣтiя съ крестьянами села *Кисты* Новогеоргиевскаго уѣзда, пограничнаго съ кочевьями калмыковъ.

Выведенные изъ терпѣнiя постоянными грабежами скота и лошадей, крестьяне села Кисты въ одно время рѣшились собраться огромной толпой, вооружились ружьями, винтовками, револьверами, желѣзными вилами и просто дубинами и пошли войной на калмыковъ *Икичунусова рода* (въ переводѣ— „родъ большого волка“). Неприготовленные къ нападенiю калмыки, завидѣвъ „ополченiе“, позорно струсили и не смогли отразить грянувшей на нихъ бѣды. Кистинцы же, несмотря на легкость доставшейся имъ побѣды, вошли въ азартъ, избili икичунусцевъ, переверотили ихъ кибитки и угнали не только свой скотъ, но и весь калмыцкiй, какой попался имъ на пути во время побѣдоноснаго ихъ шествiя обратно въ с. Кисту.

Избитые и ограбленные калмыки жаловались на кистинцевъ, но ихъ жалоба свелась какъ то къ нулю. Скотъ, лошади и овцы, какъ трофей побѣды, такъ и остались въ пользованiи кистинцевъ, самое же дѣло безрезультатно для калмыковъ кануло въ вѣчность.

Съ начала девяностыхъ годовъ такихъ стычекъ уже не происходитъ; за то случаи мелкой кражи и грабежа скота повторяются непрерывно. Не проходитъ и одного дня безъ того, чтобы калмыки не похитили то тамъ, то здѣсь нѣсколькихъ лошадей, быковъ или овецъ. Особенно они любятъ дѣлать хищническiе набѣги на табуны лошадей коннозаводчиковъ Донской

Области, а также и на стала овецъ арендаторовъ своихъ степей.

Нужно сказать, что во время своихъ хищническихъ набѣговъ и воровства калмыки въ видахъ самозащиты хотя и вооружаются винтовками и револьверами, но рѣдко и только въ крайне безвыходномъ положеніи пользуются оружіемъ и убиваютъ кого либо, главнымъ же образомъ оружіе при хищничествѣ нужно для того, чтобы выстрѣлами произвести переполохъ, перепугать и разбить отару овецъ, ошеломить пастуховъ и, стрѣляя въ разныхъ направленіяхъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ товарищей, производящихъ грабежъ. Но, избѣгая случаевъ убійства, калмыки далеко не прочь встать свои жертвы и безжалостно бьютъ ихъ *ташмаками* (плетями) иногда до полусмерти. Пишущему эти строки извѣстенъ случай, когда калмыки, отпавъ у діакона, ѣхавшаго изъ с. Дербетовки (Сладкія Копани) въ Городачи (Дивное), лошадь, сняли съ него сапоги, раздѣли и, глумясь надъ нимъ, гнали бѣднягу около пяти верстъ пѣшкомъ, подгоняя пагайкой.

Только въ послѣднее время начали мало по малу „*прорываться*“ случаи убійствъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ отбросамъ изъ крестьянской среды, ютящимся въ калмыцкихъ кочевьяхъ. Съ ихъ легкой руки звѣрство прививается и къ буддистамъ, вѣроученіе которыхъ, какъ извѣстно, строго караетъ не только убійство человека, но и вообще лишеніе жизни даже послѣдней, малозначущей мошки, если на то нѣтъ достаточно основательныхъ причинъ къ оправданію, какъ то неосторожность, печальность и т. п. Зарѣзать въ пищу животное и то считается грѣхомъ, который по установленному обряду отмывается калмыками. Поглумиться же надъ русскимъ и встать его—дѣло другое и дѣло, доставляющее калмыкамъ истинное наслажденіе.

Помню случай, когда четыре калмыка поймали въ базу русскаго крестьянина, старавшагося воровски угнать корову. Дѣло было ночью. Пойманнаго вора привели въ кибитку и, поколотивъ его порядкомъ, велѣли ему спать. Крестьянинъ

легъ, спать разумѣется не могъ, но, боясь дальнѣйшихъ изстязаній, притворился спящимъ.

„А! ты спишь! Какъ ты смѣешь спать, когда мы еще спимъ?“ крикнули калмыки, заслышавъ хланъ притворяшагося спящимъ, и начали будить его ташмаками.

„Ну спи опять! Да засыпай поскорѣй!“

Вновь закрывалъ глаза крестьянинъ, вновь старался усиленно храпѣть и вновь „будили“ его ташмаками.... Такъ всю ночь и промучили свою жертву и только утромъ отпустили вора.

Такіе же случаи такъ сказать исключительнаго зѣбрства, какъ убійство крестьянина съ цѣлью вынуть изъ него желчь для лекарства, безпримѣрны. И изъ рассказовъ калмыковъ, и изъ личныхъ разспросовъ мнѣ извѣстенъ только одинъ такой случай; виновниками его были крещеные калмыки, Лука Тадаевъ и Михаилъ Кюткуровъ, поплатившіеся за преступленіе каторгой. Въ виду исключительности преступления кратко расскажемъ его.

Въ 1891 году лѣтомъ въ августѣ мѣсяцѣ крестьянинъ пришелъ въ Князе-Михайловскій поселокъ къ калмыку Михаилу Кюткурову съ цѣлью дешево купить у него ворованную лошадь. День былъ праздничный и всѣ калмыки пьянствовали. Въ пьянствѣ принялъ участіе и крестьянинъ. Въ разгаръ пьянства Кюткуровъ и Тадаевъ отозвали крестьянина въ сторону, тутъ же, почти на глазахъ другихъ калмыковъ, повалили свою жертву на землю, распоролъ животъ и отрѣзали голову, затѣмъ оттащили тѣло шаговъ за сто отъ поселка и бросили въ балкѣ, голову же зарыли отдѣльно, но въ такомъ потаенномъ мѣстѣ, что она, несмотря на самые тщательные поиски, не была найдена. Вѣроятно преступники, въ своихъ цѣляхъ, слишкомъ уже обезобразили голову, что можно заключать изъ того, что полость живота была вырѣзана до груди и заворочена на шею... Не забудьте, что все это происходило днемъ во время праздничнаго пиршества и не гдѣ либо въ укромномъ уголкѣ безлюдной степи, а близъ жилищъ...

Бываютъ и такіе случаи, что воровствомъ калмыки мстятъ русскимъ за ихъ скупость, надувательство, побои и многія другія мелкія и крупныя обиды. Такъ однажды въ 1891 году скупщикъ овецъ, ростовскій купецъ Поповъ, гналъ черезъ Больше-Дербетскій улусъ около двадцати тысячъ овецъ „шленки“ (иславской породы); кромѣ условленной платы за прогонъ овецъ черезъ степь, калмыки просили приказчиковъ Попова дать имъ пять барановъ. Приказчики имѣли неосторожность поспушить и отклонили просьбу. Тогда калмыки ночью, уловивъ удобный моментъ, ухитрились выкрасть въ десяти отаръ (стадо овецъ) сорокъ штукъ барановъ, отогнали ихъ въ укромную балку и въ ту же ночь всѣхъ перерѣзали. Случилось это въ концѣ мая мѣсяца. Раньше этого мнѣ не приходилось замѣчать, чтобы калмычки въ ту пору усердно занимались сборомъ по степи аргала на запасъ для зимняго топлива, почему неволью и обратилось вниманіе на то, что калмычки то и дѣло ходятъ въ степь съ бурдюгами (кожаныя большія сумы); на вопросъ: что они носятъ въ бурдюгахъ, получился отвѣтъ:

„Аргалъ собираемъ, зимой топить будемъ“. Отвѣтъ былъ удовлетворителенъ и повидимому правдивъ и только много спустя пришлось узнать, что это былъ за аргалъ... Онъ вмѣсто него таскали въ бурдюгахъ мясо...

Но калмыки не только воровствомъ мстятъ своимъ врагамъ; они мстятъ также и поджогами сѣна и хлѣба. 1890 и 1891 годы особенно обильны были случаями и поджога, и кровавой мести между калмыками крещеными и некрещеными. Въ видахъ справедливости считаемъ необходимымъ сказать, что раздражать своихъ собратьевъ, а затѣмъ и мстить имъ поджогами и убійствами, начали крещеные калмыки; но объ этомъ, какъ объ очень интересномъ по своимъ мотивамъ фактѣ, мы скажемъ особо...

По требованію *адама* (обычное право), свято чтимаго калмыками и до сихъ поръ, все похищенное дѣлается достояніемъ не однихъ только похитителей, но и всего хотона

(группа кибитокъ, расположенныхъ въ данной мѣстности) въ равной доль дѣлежа между участвовавшими и неучаствовавшими въ грабежѣ. Зато въ свою очередь есъ и отвѣчаютъ есъмъ своимъ имуществомъ въ случаяхъ необходимости возвращенія похищеннаго его хозяевамъ.

Похищенное рѣдко сохраняется. По пригонѣ въ хотонъ, съ поразительной быстротой, дружными усилиями, вмигъ все рѣжется, колется, душится и дѣлится на части. Лихорадочное дѣятельное участіе въ уничтоженіи добычи одинаково съ мужчинами принимаютъ и женщины и дѣти, не лишаются своихъ частей и собаки. Затѣмъ, по окончаніи дѣлежа, начинается въ буквальный смыслъ слова обжорство, въ какую бы пору ночи и дня то ни случилось. Мясо варится полусырымъ; кости и кожа сейчасъ же жгутся или зарываются въ какомъ нибудь потайномъ мѣстѣ вдали отъ хотона; излишекъ же мяса тщательно, съ соблюденіемъ всевозможнѣйшихъ предосторожностей, прячется гдѣ либо въ копани (колодець), въ навозѣ, соломѣ и т. п.; иногда же, дабы доказать, что „хотонъ ѣстъ свое мясо, а не краденое“, убивается чей либо бычокъ, телушка, овца,—смотря потому, что украдено и пригнано было въ хотонъ. Если же кто утаитъ похищенное и не подѣлится имъ, или кто нибудь у вора украдетъ уворованное же, то такому не только мстятъ, но даже считаютъ себя въ правѣ жаловаться на него своимъ властямъ. Помню, однажды былъ такой случай, что даже ко мнѣ (лицу не придерживавшемуся ихъ алата) воръ пришелъ жаловаться на вора, до того первому показался обиднымъ поступокъ послѣдняго. Состоялъ же онъ вотъ въ чемъ: занимаясь косью сѣна, калмыкъ увидѣлъ пасущихся безъ призора овецъ крестьянина сосѣднаго села. Пользуясь случаемъ, онъ схватилъ двухъ овецъ, задушил ихъ, туши спряталъ подъ копной сѣна, и, предвкушая довольство сытости за ужинкомъ, спокойно продолжалъ косить сѣна; предъ закатомъ солнца ушелъ домой, чтобы съ наступленіемъ полныхъ сумерекъ вмѣстѣ съ братомъ притащить

овецъ въ кибитку. Другой калмыкъ подглядѣлъ, какъ первый душилъ овецъ и гдѣ ихъ спряталъ; и только что укравшій овецъ пошелъ домой, „перскралъ“ ихъ, спряталъ, ночью „приволокъ“ уже въ свою кибитку и, никому не сказавъ о томъ, вздумалъ полакомиться „въ одиночку“, а часть оставить про запасъ. Такъ бы и случилось, если бы первый воръ печально „не наткнулся“ на огонекъ и не догадался въ чемъ дѣло. Завязалась драка, а затѣмъ, не удовлетворившись ею, въ ту же ночь обиженный жалуясь мнѣ на „воха“, просилъ, чтобы я помогъ ему огобратъ овецъ и такъ или иначе наказалъ „обидчика“, причемъ рѣшительно не соглашался со мной, что онъ такой же воръ, какъ и его обидчикъ и что, если наказывать, то наказывать обоихъ, а не одного,—нѣтъ: онъ одно твердилъ, что „сосѣдамъ другъ у дружки грѣхъ красть“.

Благодаря быстрой и притомъ однодушной „управкѣ“ калмыковъ съ краденнымъ, слѣды преступленій весьма скоро скрываются, такъ что преслѣдователямъ сплошь и рядомъ приходится, выслѣживая преступниковъ чуть ли не по пятамъ, находить только объѣдки мяса, но не кожу и кости. Объѣдки же мяса служить плохимъ юридическимъ основаніемъ для несомнѣнности уликъ, въ особенности же, когда очевиденъ фактъ, что былъ зарѣзанъ свой бычекъ, корова или овца.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда количество угнаннаго скота и овецъ сбываетъ на столько значительно, что обитатели даннаго хотона не въ состояніи пожрать его въ сравнительно непродолжительное время, въ особенности лѣтомъ, то тогда убивается только часть добычи, излишекъ же безъ малѣйшаго промедленія, съ невозможною поспѣшностію, отгоняется въ отдаленнѣйшіе хотоны и тамъ опять таки либо убивается сейчасъ же, либо укрывается на время, или же, если русскій „кунакъ“ (другъ) близко, сбывается ему за самую ничтожную цѣну. Русскіе же кунаны особенно охочи до такихъ покупокъ.

Что же касается похищенныхъ лошадей, то калмыки

убиваютъ ихъ въ крайне рѣдкихъ, такъ сказать, безвыгодныхъ случаяхъ, когда окончательно измученное животное неспособно въ гонбѣ или же на столько породисто и хорошо, что сбытъ его затруднителенъ и опасенъ. Обычно же калмыки стараются какъ можно скорѣе „затурить“ краденыхъ лошадей куда либо „на сторону“ „подальше“ въ Кубанскую и даже Терскую область, въ чемъ имъ дѣятельно помогаютъ не только свои сородичи-калмыки, но и русскіе—въ лицѣ деревенскихъ конокрадовъ и пристанодержателей весьма, многочисленныхъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ большинствѣ извѣстныхъ калмыцкому населенію. Успѣшному сбыту краденыхъ лошадей много помогаетъ и то, что въ Ставропольской губерніи почти нѣтъ ни одного села и хутора, даже въ Кубанской области рѣдко встрѣчаются станицы, въ которыхъ не находились бы калмыки со своими семьями и кибитками, легально исполняющіе обязанности пастуховъ и табушниковъ; даже г. Ставрополь пользуется ихъ услугами. Такая же разбросанность мѣстопребываній калмыковъ въ высшей степени способствуетъ надежному способу сбыта краденыхъ лошадей и даже рогатаго скота, ибо хищникъ калмыкъ вездѣ находитъ и притонъ, и помощь, и быстрый обмѣвъ уворованнаго на деньги или же „головы за голову“. Прежде, когда калмыцкая степь изобиловала зарослями камышей, еще можно было укрывать лошадей и скотъ въ своихъ же ночевьяхъ; теперь же отъ камышей не осталось и слѣда и волеиневолей ворамъ приходится угонять добычу возможно дальше и тѣмъ скрывать слѣды преступленій. Это же дѣлается быстро и легко, благодаря правильной организаціи дѣла передачи уворованнаго изъ рукъ въ руки.

Кромѣ лошадей, скота и овецъ калмыки ничего не грабятъ и не воруютъ. Чужая одежда, вещи и вообще какое бы то ни было имущество, исключая конской сбруи, ихъ не соблазняетъ; но деньги „карапшить“ (воровать) они не прочь. Такъ, въ 1891 году калмыки забрались въ домъ іеромонаха Амвросія (миссіонера), сломали замокъ у сундука и взяли

изъ него только деньги да выщипли водку, стоявшую въ шкафу. Изъ вещей же ничего не тронули, хотя кромѣ носильнаго платья были серебряныя ложки, кресты, часы и т. п.

Занятіе хищничествомъ у калмыковъ освящено вѣками и въ глазахъ народа служить признакомъ доблести, удалства, молодечества. Хищничествомъ, вопреки категорическому требованію одной изъ буддійскихъ заповѣдей, по традиціи, должно заниматься все мужское населеніе. Только старость, физическіе недостатки и полная неспособность (глупость, трусость) освобождаетъ отъ участія въ хищническихъ набѣгахъ съ цѣлью воровства лошадей и скота. Достаточно знать, что удалство на этомъ поприщѣ давало право молодымъ людямъ на вступленіе въ бракъ и что дѣвушки отворачивались отъ неспособныхъ къ хищничеству и презирали таковыхъ,—и намъ понятно будетъ, насколько страсть къ хищничеству присуща калмыкамъ. Неспособные прежде къ набѣгамъ, а теперь къ воровству, считаются какими то жалкими парями и правоспособное въ этомъ смыслѣ мужское населеніе относится къ нимъ съ горделивымъ презрѣніемъ, иначе не называя таковыхъ, какъ „мукювенъ“ т. е. худой человекъ, мозгякъ, дрянь.

Дѣйствительно—въ былую пору, когда калмыцкая степь представляла изъ себя безбрежную пустошь съ кое-гдѣ нзрѣдка попадавшимися одиноко стоящими хотонами, когда русскія поселенія не окружали Больше-Дербетскаго улуса и не проникали въ глубь его степей, а ютились одиноко, далеко отстоя другъ отъ друга; когда степь, въ мѣстахъ кочевій поней, переполнена была скотомъ разныхъ породъ и калмыки не знали, что такое нищета,—въ то время хищничество дѣйствительно было проявленіемъ удалства; быть можетъ, что и бсздѣлье гнало ихъ на грабежъ. Другихъ мотивовъ къ хищничеству, какъ говорятъ и сами калмыки, вспоминая свое прошлое, почти не было. Во всякомъ случаѣ одно вѣрно, что удалство, проявляясь въ хищничествѣ и будучи въ крови калмы-

ковъ, отнюдь не было, такъ сказать, ремесломъ, какъ то есть у нашихъ конокрадовъ-крестьянъ и не вызывалось нуждой добычи себѣ средствъ къ жизни путемъ воровства и грабежа. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ русскія поселенія сплошной массой, точно кольцомъ, все болѣе и болѣе сгущивающимся, начали надвигаться на казыцкую степь и проникать въ отдаленнѣйшіе уголки ея, вынуждая тѣмъ самымъ калмыковъ сгущиваться все въ болѣе и болѣе узкомъ кругѣ, когда, наконецъ, пришлое населеніе не только окружило степь, но и забралось въ центръ казыцкихъ кочевій и испещрило ихъ своими хуторами, хищничество, какъ удалство, подъ сильнымъ напоромъ иныхъ жизненныхъ условій, начало мѣнять мало по малу свой первоначальный характеръ, мельчать, обуславливаться другими причинами и, наконецъ, постепенно обратилось, въ настоящее время, въ простое обиденное воровство. Въ свою очередь и сами калмыки, въ силу тѣхъ же причинъ, изъ прежнихъ гордыхъ удалцовъ, смѣлыхъ въ опасностяхъ, самовластныхъ сыновъ степей, также превратились въ приниженныхъ, нищихъ, жалкихъ, трусливыхъ ворюшекъ, рабски покорныхъ своей судьбѣ и апатично влачащихъ ничтожное свое существованіе. Но было бы большою ошибкой со стороны того, кто подумалъ бы, что хищничество сузилось и свизошло на степень мелкаго воровства, воровства единицами, а не правильно организованными шайками, въ силу культурнаго воздѣйствія русскаго населенія на калмыковъ, или же, въ силу разумной и энергичной дѣятельности лицъ, власть имѣвшихъ и имущихъ. Того и другого отнюдь не бывало. Дѣло совсѣмъ иначе объясняется и далеко не въ пользу ни русскіхъ поселеній, ни распорядителей судьбы и быта калмыковъ. Это мы и постараемся объяснить.

При малочисленности русскаго населенія, примыкавшаго къ казыцкимъ кочевьямъ, номадамъ, свободнымъ въ своей богатой степи, легко было дѣлать хищническіе набѣги, угонять скотъ и лошадей въ глубь степи. Тамъ же, по обширности

пространства и безлюдности его, не только трудно, но зачастую и просто невозможно было разыскивать похищенное. Вместе съ этимъ для потерпѣвшихъ очень и даже очень небезопасно было пускаться въ погоню за хищниками, сильными и знакомствомъ со степью, и поддержкой со стороны своихъ сородичей, всегда готовыхъ помочь *своими* и физической силой на случай борьбы, и укрывательствомъ, если къ тому была необходимость. Когда же съ теченіемъ времени преобладающимъ населеніемъ калмыцкой степи явились русскіе крестьяне, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ. Пришельцы, освоившись съ ея тайнами не хуже самихъ калмыковъ и изучивъ нравы, обычаи и характеръ послѣднихъ, къ тому же поддерживая другъ друга въ случаяхъ грабежа скота и лошадей, начали сами смѣло вооруженной толпой врваться въ кочевья, настойчиво разыскивать похищенное, преслѣдовать грабителей, въ случаяхъ сопротивленія и запрятательства вымучивать путемъ настоящихъ пытокъ указаніе, гдѣ скрытъ похищенный скотъ и самовольно жестоко расправляться съ калмыками, не разбирая кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Не только свѣжи трагическіе рассказы о пыткахъ, какимъ подвергали крестьяне калмыковъ, какъ то: поджариванію на медленномъ огнѣ, выворачиванію назадъ рукъ, травлѣ собаками и проч., но у многихъ даже раны и теперь не совсѣмъ еще успѣли зажить послѣ жестокихъ расправъ за воровство. Кровавыми слѣдами запечатлѣны въ памяти калмыковъ недавніе походы на нихъ жителей селъ: Городачей, Митрофановки, Кисты, Красной Поляны и многихъ другихъ. Не только мучить, но даже и убить калмыка, какъ о томъ уже упоминалось, русскіе и теперь не считаютъ ни грѣхомъ, ни преступленіемъ. Есть и теперь еще живые свидѣтели такихъ напрѣмъ звѣрствъ, когда чабаны, т. е. пастухи овечьихъ отаръ, убивъ калмыка, *мясо его жарили на угляхъ арала и жаренымъ калмыцкимъ мясомъ кормили своихъ собакъ-овчарокъ. Жарили же для того, что бы „собакамъ непротивно было ѣсть оное мясо поганой твари“*... Повятно и даже очень повятно, что при такихъ усло-

вінхъ стало и негдѣ, и крайне опасно развернуться былой калмыцкой удаи въ дѣлѣ хищничества. И они постепенно, но въ силу культурнаго воздѣйствія, а подѣ давленіемъ жестокостей крестьянъ, замѣнили удалые хищническіе набѣги простымъ починимъ воровствомъ, какъ менѣе замѣтнымъ и менѣе поддающимся розыскамъ и преслѣдованію, воровствомъ всего того, что плохо запирается въ сараяхъ, базахъ, конюшняхъ и не стережется на пастбищахъ.

Не говоря уже о далекомъ прошломъ, даже недавно, въ восьмидесятыхъ годахъ (въ началѣ) крестьянину, разъ онъ не бувакъ, иначе не завѣдомый воръ, невозможно было въ одиночку безъ оружія рѣшиться заходить въ калмыцкія степи. Такой смѣльчакъ почти всегда лишался лошади и рѣдко избавлялся отъ истязаній. Пахать землю, косить траву, убирать хлѣбъ русскіе всегда ѣздили партіями и съ ружьями. Теперь же роли совершенно переменялись. Сила стала на сторонѣ крестьянъ и они свободно разгуливаютъ по калмыцкой степи, мало этого—сдѣлались хозяевами ея въ смыслѣ эксплуатаціи ея земельныхъ богатствъ. калмыки же, наоборотъ, боятся въ одиночку вѣзжать въ русскія села не только ночью, но даже и днемъ, а въ вѣкоторыхъ деревнях, какъ наприимѣръ въ Кисту, Кіевку, Красную Поляну и др. и совсѣмъ не рѣшаются показываться. Избить калмыка такъ себѣ, „за здорово живешь“, поглумиться надъ нимъ, затравить его собаками—служить развлеченіемъ для молодыхъ деревенскихъ парней. Вообще калмыкъ, перейдя черту своихъ стойбищъ, трепещетъ передъ крестьяниномъ и рабски ему подчиняется. И если бы захотѣли крестьяне или, вѣрнѣе, если бы они сами были нравственнѣе, то воровство, коему преданы калмыки, сузилося бы до неизбежнаго во всякой человѣческой средѣ минимума. Но дѣло въ томъ, что сами крестьяне, какъ увидимъ, развращаются калмыкомъ и „подбиваютъ“ ихъ на воровство, на которое они и безъ того такъ падки.

Что же касается бывшей администраціи улуса, т. е. почетелей, ихъ помощниковъ, пристава, то они не только въ

первое время своего существованія, но и въ позднѣйшее оказывались рѣшительно безсильными искоренить зло. Положимъ, на бумагѣ они искореняютъ его и искореняютъ „энергично“, и съ „успѣхомъ“, такъ что въ общемъ, по ихъ „доношеніямъ“, не только „все обстоитъ благополучно“, но даже „народъ видимо нравственно развивается и понимаетъ благодѣтельность опеки и заботы о немъ“. На дѣлѣ же далеко не такъ, о чемъ ясно между многими другими говоритъ и то, что не далѣе, какъ въ восьмидесятихъ годахъ нашего столѣтія, правительство нашлось вынужденнымъ издать особый законъ для крестьянъ Новогеоргіевскаго уѣзда Ставропольской губерніи, почти окруженнаго калмыцкимъ и магометанскимъ населеніемъ, равно и для послѣдняго, по которому администрація предоставлено право высылать въ Сибирь на поселеніе всякаго крестьянина и калмыка, замѣчнаго *въ порочномъ поведеніи*, не ожидая на то общественныхъ приговоровъ. Мы, кажется, не ошибемся, если предположимъ, что особый, *чисто мѣстный* этотъ законъ явился результатомъ признанія *мѣстной* администраціей полной своей несостоятельности бороться со зломъ общеуказонными средствами, обычными и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества...

Законъ этотъ изданъ, какъ сказано, въ восьмидесятихъ годахъ, т. е. въ то время, когда Ставропольская губернія считалась уже вполне благоустроенной въ административно-полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ. А если такъ, то что же было, не говоримъ уже о началѣ столѣтія, а даже въ сороковыхъ и шестидесятихъ годахъ, когда территоріальная часть Ставропольской губерніи—именно калмыцкая степь—испытывала на себѣ всю прелесть пререканій между мѣстнымъ и астраханскимъ начальствомъ изъ-за права владѣть и управлять калмыками, когда калмыки имѣли достаточно средствъ откупаться отъ всяческихъ преслѣдованій за свои дѣла, нарушающія законъ, и когда существовала возможность широкаго простора для всевозможнаго рода и вида сдѣлокъ съ ними и съ пришельцами на ихъ землю?...

Въ настоящее время калмыки давно уже въ большинствѣ случаевъ являются не самостоятельными ворами, а приспѣшниками родныхъ намъ конокрадовъ. Всѣ болѣе или менѣе крупныя кражи и грабежи совершаются или при непосредственномъ участіи крестьянъ, или по указанію и при пособничествѣ ихъ, а то и просто посылаются калмыки на кражу, для усѣха въ которой крестьяне даютъ имъ своихъ хорошихъ лошадей и одежду. Но, къ сожалѣнію, благодаря незнакомству съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и нежеланію вникнуть въ суть его, среди общества и въ сферахъ высшей администраціи укоренилось предвзятое убѣжденіе, что всѣ безъ исключенія калмыки остались такими же хищниками, грабителями и ворами, какими были и ранѣе. Не совсѣмъ справедливое убѣжденіе въ этомъ повлекло за собой примѣненіе къ калмыцкому населенію закона, по которому оно, наравнѣ вообще съ кавказскимъ не русскимъ населеніемъ, за грабежи и разбой должно судиться военно-полевымъ судомъ; вѣче говоря, калмыки поставлены такимъ закономъ въ исключительно строгія условія кары. Для знакомыхъ же съ сутью дѣла такой законъ по отношенію къ калмыкамъ кажется не совсѣмъ справедливымъ,—не потому, что онъ суровъ, а потому, что онъ всею своею тяжестію обрушивается на одно и народческое населеніе Кавказа, а между нимъ и на калмыковъ, тогда какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ виновниками грабежей и разбоевъ являются не одни калмыки, а съ ними и во главѣ ихъ и русскіе. Если же послѣдніе и остаются предъ судомъ и слѣдствіемъ въ тѣни, то происходитъ это *вовсе не въ силу ихъ виновности, а въ силу особенной національной черты въ характеръ калмыковъ*. Объяснимся.

Ни въ одномъ изъ нашихъ обществъ, если не считать нѣкоторыхъ сектантовъ, не развито въ такой степени чувство братскаго единства, единодушія, взаимопомощи,—короче сказать полной во всемъ солидарности одного со всѣми и всѣхъ съ однимъ, какъ то есть среди калмыковъ, что рѣзко и отличается ихъ, да и не ихъ однихъ, отъ крестьянъ-сосѣдей. Не под-

держатъ друга, не оказать кому либо изъ своихъ въ нуждѣ помощь, выдать преслѣдуемаго властямъ, при допросахъ русскими чиновниками уличить въ преступленіи—считается величайшимъ позоромъ. Мы знаемъ случаи, и далеко не единичные, когда совершенно невинные калмыки, почему либо заподозрѣнные въ совершеніи извѣстнаго преступленія, шли на каторгу, ни единымъ словомъ не обмолвившись въ самозащиту ни на слѣдствіи, ни во время суда, о томъ, что они знаютъ дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, за которое ихъ постигаетъ кара, и могутъ фактически, а не оближкою увертки ради, доказать виновность другихъ и свою правоту. Бывали случаи, что въ окружномъ судѣ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировали ни въ чемъ не повинные калмыки, дѣйствительные же виновники, по необходимости, являлись свидѣтелями противъ нихъ; и роли, при полной въ тому возможности со стороны обвиняемыхъ, не мѣнялись даже подъ страхомъ каторги... Мы не говоримъ уже о томъ, что нѣтъ такого калмыка, который рѣшился бы отказать въ принятіи участія въ томъ, что бы всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами возстановить алиби своего собрата, попавшаго въ руки властей. Къ этому калмыки приучаются съ дѣтства и достигаютъ виртуозности. Въ противномъ случаѣ измѣнника традиціи постигаетъ жестокая кара. Вотъ между прочимъ недавній случай: крещеный калмыкъ Данилъ Бугдюмовъ, ослѣпленный ревностью къ своей женѣ, рѣшился разоблачить нѣкоторые преступленія своихъ враговъ. Калмыки догадались объ этомъ и ночью, устроивъ нарочитую попойку, убили его, связали арканомъ (волосаная веревка) руки, какъ собаку выволокли въ степь сажень за двѣсти отъ своихъ жилищъ и бросили на краю проѣзжей дороги. За такую же попытку быть доносчикомъ другого калмыка, Григорія Нормынова, ночью поймали въ степи, живому еще прикрутили голову къ ногамъ и бросили въ р. Джалгу, гдѣ онъ и утонулъ.

Чтобы видѣть, насколько сильна среди калмыковъ солидарность другъ съ другомъ и насколько свято исполняютъ

они требованіе обычая не вылавать другъ друга, расскажемъ одинъ изъ многихъ фактовъ, слышанныхъ нами изъ непосредственнаго источника.

Предварительно необходимо замѣтить, что крещеные калмыки пользуются не только ненавистью, но и полнымъ презрѣніемъ со стороны своихъ сородичей—буддистовъ. Слѣдовательно, можно и даже должно предполагать, что у нихъ всякая связь другъ съ другомъ порвана и возникшая упорная ненависть и презрѣніе освободили обѣ стороны отъ исполненія завѣтовъ братскаго единства. На дѣлѣ же не всегда такъ.

Насколько помнится, кажется, въ 1889 году, шайкой калмыковъ, въ числѣ пяти душъ, совершенъ былъ грабежъ, съ оружіемъ въ рукахъ, скота и лошадей у крестьянина села Сладкихъ Кошпай (Дербетовка тожъ). Подозрѣніе почему то пало на крещеныхъ калмыковъ, и одинъ изъ потерпѣвшихъ, при очной ставкѣ, призналъ грабителемъ въ лицо. Основываясь на уликахъ потерпѣвшаго, подозрѣваемыхъ въ грабежѣ арестовали и посадили въ тюрьму. Потянулось слѣдствіе, вопросы, допросы и перепросы, во время которыхъ подозрѣваемые сидѣли подъ замкомъ съ ноябра по іюль мѣсяцъ и имъ, по характеру ихъ преступленія, грозила каторга. Между тѣмъ, въ существѣ дѣла, потерпѣвшій крестьянинъ совершенно облыжно показалъ на крещеныхъ калмыковъ. Эти же послѣдніе хорошо знали дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, имѣли всѣ данныя для доказательства, кто и какъ и совершилъ грабежъ, куда дѣвалось ограбленное, и, несмотря на это, упорно скрывали истину и на слѣдствіи, и на судѣ.

Такіе завѣты куначества въ одинаковой степени крѣпки у калмыковъ не только по отношенію къ своимъ сородичамъ, но даже и къ русскимъ крестьянамъ, разъ послѣдніе руководятъ ими въ дѣлахъ воровства и грабежей и дѣятельно въ томъ помогаютъ. Въ куначествѣ же нужно видѣть и главную причину того, что обвиненія въ воровствѣ, въ большинствѣ

случаевъ, всю свою позорной тяжестью обрушиваются на калмыковъ, главные же дѣатели его, крестьяне, остаются въ сторонѣ и очень рѣдко привлекаются къ отвѣтственности совместно съ калмыками. Крестьянинъ поспособствуетъ калмыку, выдастъ ему краденое, калмыкъ погонитъ украденое въ степь, останутся слѣды; по нимъ преслѣдующіе доходятъ до хотона, „подводятъ“ слѣдъ до кибитки,—значить калмыкъ виноватъ и попался... „Тащи его“... Логика простая, но далеко не справедливая по своимъ выводамъ... Калмыкъ же, вѣрный завѣту куначества, молчитъ о правдѣ, вретъ небылицы и терпѣливо споситъ на себѣ и побой, доходящіе до пытки, и позоръ общественнаго мнѣнія, и позоръ тюрьмы, закрѣпляя тѣмъ за собой славу классическаго вора, несправимаго ничѣмъ грабителя; теперь же, въ силу закона, пойдетъ быть можетъ и на висѣлицу за преступленія другихъ. Жаль! и жаль потому, что корень зла многіе упорно слятся видѣть тамъ, гдѣ его нѣтъ, почему и допускаютъ очень несправедливыя натяжки и освѣщаютъ дѣло съ предвзятой точки зрѣнія, слясь сблизить и сопоставить факты согласно своему предубѣжденію. Вмѣсто же того, чтобы *потрудиться* изслѣдовать и изучить дѣйствительныя причины крайне развитого въ степной части Ставропольской губерніи воровства и тѣмъ имѣть возможность такъ или иначе парализовать этотъ порокъ и воздѣйствовать на самые, такъ сказать, источники его, вмѣсто этого, благодаря нежеланію отрѣшиться отъ предвзятыхъ убѣжденій, сваливается все на калмыковъ и убѣжденно, со спокойной совѣстью, какъ о несомнѣнно доказанной истинѣ, твердится на разные лады, что „ни одно воровство не обходится безъ калмыковъ; а потому разсовать этихъ вредныхъ паршивцевъ по тюрьмамъ (сгноить ихъ тамъ... Бить ихъ, вѣшать... согнать ихъ съ земли...) смѣшать съ крестьянами... не выпускать нигуда изъ улуса (пусть съ голоду мрутъ... оспу на нихъ папустить“)...

Кричать то, положимъ, легко, не стыдно и даже въ вѣкоторомъ отношеніи не безъ личной выгоды: ибо такой крикъ

не только можеть служить, но и служить весьма удобной и благовидной лазейкой для улушной администраціи на случай обвиненія ея „въ бездѣйствіи власти“.

„Стараемся, молъ, но ничего не можемъ подѣлать съ такими закоренѣлыми преступниками, какъ калмыки). Судъ ихъ оправдываетъ... Слѣть и битъ нельзя..... Сдѣлать изъ улуса тюрьму невозможно... Что подѣлаешь? *Всѣмъ же известно, что ось калмыки ооры!*“.... Такими докторальными разсужденіями многіе улусные оффиціозы успокаивали своихъ презусовъ, — и убѣждены, и убѣждали въ справедливости этихъ, выражаясь по калмыцки, „кислыхъ словъ“. Но справедливо ли это? Не слишкомъ ли „кисло“? Повидному, съ полицейской точки зрѣнія и справедливо, и не кисло. Но *по справедливости* и по существу дѣла—совсѣмъ не то и не такъ.

Чтобы съ большей достовѣрностію и доказательностію судить о вліяніи улусной администраціи на дѣло „предупрежденія и пресѣченія“ воровства среди страстно обвиняемыхъ ею въ томъ калмыковъ нужно, между прочимъ, знать и то, что потерпѣвшіе отъ воровства и грабежей, „чинимыхъ“ калмыками, не говоримъ уже о прошломъ, даже въ самое послѣднее время,—рѣдко, только въ безнадежныхъ случаяхъ, какъ бы для „очистки совѣсти“—обращаются за помощію къ администраціи, да и то предварительно истощивъ всѣ возможныя и невозможныя „оольныя“ средства къ возврату похищеннаго. Зная обычай калмыковъ—потерпѣвшіе всегда обращаются прежде всего къ нимъ. Если есть серьезныя улики и калмыки дѣйствительно виноваты, то хозяева пропавшаго скота, какъ уже упоминались о томъ, получаютъ его обратно и даже съ ляхвой, или же берутъ деньги, когда скотъ уже зарѣзанъ. По *адаму* же вина и обязанность расплаты, повторяемъ, падаетъ не только на совершившихъ преступленіе, но и на всѣхъ однокотонцевъ. Такимъ путемъ не бываетъ задержки и проволочекъ въ выплачиваніи потерпѣвшимъ всѣхъ ихъ проторей и убытковъ. Самое же дѣло о преступленіи оканчивается миромъ и иногда не доводится до свѣдѣнія властей.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда калмыки, въ силу ли своей невиновности, или же въ силу бѣдности, не могутъ удовлетворить требованій крестьянъ,—последнiе, поневолѣ и всегда неохотно, обращаются къ администраціи. Но въ такихъ случаяхъ рѣдко достигается желаемая цѣль. Администрація почти никогда не входитъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу и не можетъ разыскать ни похищеннаго, ни похитителей. Обыкновенно всѣ дознанія начинаются такъ:

„А! ты воръ! Знаю тебя, давно знаю, чортова кукла, про твои дѣлишки... Говори! признавайся!“ И... трахъ-трахъ въ зубы!

Затѣмъ, какъ водится, слѣдуетъ „волосная выволочка“, кутузка, кизачьи калмычьи плети и... „пошла писать“!

„Нѣтъ! да каковы-же мерзавцы! какая закоренѣлость въ занятияхъ! Ничѣмъ его не доймешь!“

Такъ и тому подобными восклицаніями успокоиваетъ себя улусный полицейскій чинъ, если при его „операціяхъ“ случится постороннее лицо.

Сплошь и рядомъ бывало, что улусныя власти путемъ мордобитій и разныхъ „выволочекъ“ вынуждали калмыковъ сознаваться въ несовершенныхъ ими преступленіяхъ—иначе говоря заставляли „клясть на себя“. Говоримъ это отнюдь не голословно, а на основаніи многихъ и многихъ фактовъ. Попавшіе же „въ передѣлку полиціи“ калмыки взводятъ на себя небылицы, понятно, для того, чтобы избавиться отъ физическихъ истязаній и нравственныхъ пытокъ. Затѣмъ при судебномъ *предварительномъ слѣдствіи* и на судѣ, гдѣ уже нѣтъ „пристрастія дѣйствіемъ“, показываютъ другое и также почти всегда врутъ. Правду же „показываютъ“ только относительно того, что сознаніе полицейскому чиновнику сдѣлано было по принужденію, что фактически иногда и доказываютъ еще не зажившими слѣдами на лицѣ чиновничьихъ ласкъ. Затѣмъ, понятно, все перепутывается до пельзя и начинается волокитная канитель, т. е. „судъ по формѣ по совокупности преступленій“.

„Были зубы—били въ зубы!...
Нѣтъ зубовъ—скула трещитъ!“

И намъ не извѣстно случая, чтобы,—не говоря о прошломъ, а даже за послѣднія пять—шесть лѣтъ, кто либо такъ или иначе заплатилъ за калмыцкіе зубы и скулы.

А при такомъ способѣ раскрытія преступленій, естественно спросить,—гдѣ же и въ чемъ толкъ?.....

Итакъ—еще разъ повторяемъ, что если-бы не сосѣди калмыковъ—крестьяне и если бы было другое отношеніе къ нимъ администраціи, то воровство среди населенія Больше-Дербетскаго улуса далеко не было бы господствующимъ, неустрашимымъ явленіемъ, какъ теперь. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что обнищавшему калмыку даже выѣхать не на чемъ—не только для воровства, но и за болѣе законной и необходимой потребностію. Пѣшіи же калмыкъ, что ракъ на мели.

Необходимо также для усненія дѣла взять во вниманіе и ту рѣзкую особенность въ быту калмыковъ, что случаи воровства собственно между ними, другъ у друга, крайне рѣдки, мелочны, единичны сравнительно съ воровствомъ въ селахъ, въ любомъ данномъ мѣстѣ чисто русскаго населенія.

А это явленіе, по нашему мнѣнію, очень важно и дѣльно при сужденіяхъ о будто бы неискоренимой наклонности калмыковъ къ воровству и о мѣрахъ къ атрофированію этой наклонности.....

Затѣмъ, на всякій случай, считаемъ необходимымъ оговориться, что мы не диконрамы поемъ калмыкамъ, а только констатируемъ, что наблюдалось, въ чемъ сложилось убѣжденіе, какъ въ несомнѣнномъ фактѣ и что провѣрялось при слушаніи рассказовъ другихъ и личнымъ присутствіемъ при очень и очень многихъ „операцияхъ“ надъ калмыками,—производимыхъ и главнымъ приставомъ, и его сподручниками. Существующая же въ Больше-Дербетскомъ улусѣ военно-полицейская команда изъ казаковъ Кубанскаго войска рѣшительно ни въ какомъ отношеніи не приноситъ пользы въ дѣлѣ „предупрежденія и пресѣденія“ преступленій. Напротивъ—ни

не скажемъ ничего лишняго, если отмѣтимъ, что во многихъ случаяхъ казаки даже способствуютъ скртію слѣдовъ преступленія; на свою службу въ улусъ смотрятъ, какъ на возможность наживы; лѣтъ же десять тому назадъ сами казаки открыто грабили калмыковъ и не по человѣчески жестоко обращались съ ними. Если же такъ, то и понятно что „восно-полицейская команда“ не служила, да и не можетъ служить авторитетомъ для калмыковъ, сдерживающимъ началомъ и охраной населенія отъ хищничества и воровства калмыковъ. Напротивъ—между казаками и калмыками существуетъ одно лишь озлобленіе и въ результатъ его страстное желаніе напасть другъ другу.

До сихъ поръ мы говорили только о *калмыкахъ простолюдинахъ*. Но между ними есть еще и *привилегированное*, закономъ нашимъ признанное *сословіе*, которое состоитъ изъ *зайсанговъ, владѣльческихъ родственниковъ и нойона*. Сословіе это, исключая нойона и двухъ-трехъ зайсанговъ, по складу своей жизни и умственному и нравственному уровню своего развитія, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ простолюдиновъ. Оно также плутовато, воровато, неразвито, бѣдно и за бѣдою, какъ и всѣ калмыки и живетъ одною съ ними жизнію (изъ всего привилегированнаго сословія единственно счастливое исключеніе составляетъ только зайсангъ *Бадма Даниновичъ Опогиновъ* и его племянникъ *Теръ-Менке*. Помимо того, что они образцово ведутъ свое обширное хозяйство и прекрасно устроили свою усадьбу,—Опогиновы отличаются серьезностію своего развитія и строгою честностію въ веденіи своихъ дѣлъ. Они могли бы благотворно вліять и на калмыковъ, если бы ихъ, безъ всякаго достаточнаго на то основанія, *не оттирали отъ народа*. Если кому въ улусъ и слѣдуетъ предоставить власть съ цѣлью желательнаго воздѣйствія на калмыковъ, то единственно Бадмѣ Опогинову. Сказанное сейчасъ—понятно будетъ, когда мы припомнимъ ту неустраивимую пока враждебность, съ какою калмыки относятся вообще къ сосѣднему населенію и особенно къ чиновничеству, въ силу чего ни

одинъ изъ чиновниковъ, при всѣхъ его благихъ пожеланіяхъ народу, не сможетъ и не сумѣетъ сдѣлать то, что доступно г. Опогину).

Что это за привилегированное сословіе, въ какихъ отношеніяхъ оно стояло и стоитъ къ народу, другъ къ другу, къ русской администраціи и обратно,—съ этимъ мы сейчасъ и познакомимся.

IV.

Извѣстно, что калмыки, какъ и ихъ сородичи, китайскіе монголы и наши сибирскіе буряты, въ гражданскомъ своемъ развитіи остановились на стадіи родового быта. Определенное число родовъ, подчиненныхъ одному общему ихъ владѣльцу, въ Монголіи называется „*хамунами*“, въ Сибири „*олдомствами*“, а въ ставропольской и астраханской губерніяхъ— „*улусами*“.

Больше-Дербетскій улусъ состоитъ изъ пятнадцати отдѣльныхъ родовъ—именно: 1) *Икитуктунсовъ* съ 504 душъ мужескаго пола и 19120 дес. земли; 2) *Бага-Буруловъ* 546 душъ и 16,408 дес. земли; 3) *Кюбетовъ* и 4) *Бюдурмисовъ* родъ—не раздѣленные между собой—698 душъ и 22,355 дес. земли; 5) *Абланеровъ*—237 д. и 8,195 дес. земли; 6) *Цорасовъ*, 7) *Ширетовъ* и 8) *Торочинеровъ*—не раздѣленные между собой—489 д. и 16,137 дес. земли; 9) *Икитуктунсовъ второй* 370 д. и 12,435 дес. земли; 10) *Абланеръ Риханкинъ* 360 д. и 9,809 дес. земли; 11) *Икичунусовъ* и 12) *Будульчинеровъ* ¹⁾—1542 д.

¹⁾ Земельныя дачи Икичунусова и Будульчинерова рода раздѣлены въ 1891 году.

и 61,458 дес. земли; 13) *Хаджинкиновъ* 177 д. и 7500 дес. земли; 14) *Багатуркуновъ первый* 642 д. и 35,037 дес. земли и 15) *Багатуркуновъ второй* 86 д. и 9800 д. з.

Каждый родъ въ отдѣльности, а не раздѣленные земельными участками—виѣсть составляли и составляютъ отдѣльную самостоятельную административную единицу, во главѣ которой, до изданія закона 15 марта 1892 года, стоялъ родовой *зайсамъ* ¹⁾; власть его переходила, безъ выбора, по наследству отъ отца къ сыну и только въ тѣхъ родахъ, гдѣ вовсе не было зайсанговъ (вслѣдствіе ихъ вымиранія) существовали выборные старшины. Тамъ же, гдѣ были зайсанги малолѣтними, родомъ управляли выборные *омекумы*.

До 1892 года всѣ роды, входящіе въ составъ Больше-Дербетскаго улуса, находились въ полной экономической зависимости отъ *нойона*—владѣльца улуса, въ административномъ же отношеніи отъ коллегіальнаго учрежденія, такъ называемаго „*улуснаго управленія*“, въ составъ котораго входили: *нойонъ* и отъ правительства гражданскіе полицейскіе чиновники—попечитель улуса и его помощникъ. Предсѣдателемъ управленія былъ *нойонъ*, устраненный отъ участія въ дѣлахъ улуснаго управленія, какъ и вообще отъ улусныхъ дѣлъ, только закономъ 15 марта 1892 года, по которому власть его всецѣло перешла къ попечителю улуса и двумъ его помощникамъ. Попечитель улуса по своимъ правамъ уравнивалъ съ окружными исправниками, а помощники его съ приставами.

Нойонъ—владѣлецъ улуса, до „освобожденія калмыковъ простолоудиновъ отъ обязательнаго отношенія къ ихъ привилегированному сословію“ ¹⁾, былъ полновластнымъ хозяиномъ калмыцкаго населенія. Калмыки простолоудины считались его крѣпостными рабами на оброчныхъ правахъ и обзывались

---

¹⁾ Статья 100-я Положенія объ управ. калм. народомъ.

²⁾ Выраженіе манифеста 15 марта 1892 г.

платить ему закономъ установленную норму. подати—именно по семи рублей четырнадцатью комплекзъ съ юды, но не съ каждой отдѣльной души мужскаго пола, а съ кибитки (дыма) или, иначе говоря, съ каждаго отдѣльнаго хозяйства и жилища. Такой оброкъ назывался *албаномъ*, что въ дословномъ переводѣ съ калмыцкаго значить *дань, подать*. Законъ запрещалъ нойонамъ только продавать, дарить и закладывать калмыковъ ¹⁾. Кроме того, ограждалась и имущественная собственность простолюдиновъ только тѣмъ, что всѣ денежные взысканія по обязательствамъ нойоновъ должны были производиться съ нихъ самихъ и ни въ какомъ случаѣ не могли обращаться на подвластный имъ народъ ²⁾. Во всемъ же остальномъ нойонъ являлся владыкой калмыковъ, огражденнымъ закономъ отъ посягательства на его права и привилегіи и подрыва ихъ со стороны калмыковъ. Улусному же управленію вмѣнялось въ обязанность строго слѣдить, чтобы албанъ въ пользу нойона, „яко казенный“, собирался бы „*бездомочно*“.

Раздѣляясь на отдѣльные, совершенно независимые другъ отъ друга роды—калмыки, до 1871 года, т. е. до окончанія разверстки между ними земельныхъ участковъ подъ осѣдла поселенія,—пользовались степью *сообща*. Тотъ или другой родъ, порознь, не имѣлъ исключительнаго права владѣть извѣстнымъ урочищемъ для своихъ кочевокъ, мало этого, не имѣлъ даже юридическаго права по своему желанію кочевать тамъ, гдѣ ему казалось удобно и любо, ибо распределение мѣстъ и угодій для кочевокъ и назначеніе ихъ по родамъ всецѣло зависѣло отъ нойона ³⁾. Послѣдній могъ совершенно на законномъ основаніи распорядиться распределеніемъ и экономическою судьбой калмыцкихъ стойбищъ, передвигать ихъ

¹⁾ Положеніе объ управл. калмыцкихъ народомъ 25 ст.

²⁾ Тамъ же 30 ст.

³⁾ Тамъ же 245 ст.

съ мѣста на мѣсто, не справляясь, удобно ли это для калмыковъ, или же убыточно въ смыслѣ плохого корма для скота, отсутствія воды въ данной мѣстности и проч., могъ выбирать и отбирать лучшія мѣста для пастбищъ въ свою пользу и въ пользу своихъ родственниковъ и приближенныхъ. Въ этомъ отношеніи власть ноюна не была ограничена отъ произвола и къ ограниченію ея не дѣлалось никакихъ активныхъ попытокъ. Были только полумѣры съ разными недомолвками, конми вообще полна прошлая исторія нашихъ официальныхъ отношеній къ калмыцкому народу и его правамъ,—интересы народа и его права всегда отодвигались на задній планъ. Само правительство, съ первыхъ же годовъ прихода калмыковъ въ приволжскія степи, не желая считаться съ ними силой,—исподволь, съ упорной настойчивостію смиралось и принимало всѣ зависящія отъ него мѣры къ рабскому подчиненію простолудниковъ—сначала *ханами*, а затѣмъ, по уничтоженіи хановъ,—*ноюнами* и *зайсанами*, стремясь усилить значеніе, власть и права ихъ. На рабскомъ подчиненіи народа приволжскому сословію основана была система ослабленія въ калмыцкомъ народѣ порывовъ къ свободѣ, самоуправленію и протесту противъ вмѣшательства въ нихъ дѣла нашихъ властей. Путемъ такой системы разсчитывалось, и не безъ основанія, играя человѣческими страстями и слабостями, сконцентрировать эти послѣднія въ лицѣ ноюновъ и зайсанговъ и потворствомъ привлечь таковыхъ на свою сторону, какъ своихъ креатуръ—а чрезъ нихъ и смирить народъ.—Естественно, что ласкаемые и заинтригованные перспективой власти, зиждущейся не на народномъ произволѣ, почему и шаткой, а на силѣ штыка и сабли—ноюны и зайсанги постарались оправдать возложенныя на нихъ надежды и вмѣстѣ съ этимъ соблюсти выгоды своего положенія, покаяшіяся на порабощеніи отданнаго подъ ихъ власть народа. Такой „политикой“, безъ особенныхъ матеріальныхъ издержекъ, покупались народныя власти, личныя выгоды которыхъ и должны были служить гарантіей обезвреживанія калмыковъ, ибо эти выгоды,

какъ безошибочно было рассчитано, побуждали привилегированное сословіе стремиться къ угнетенію народа, дабы тѣмъ лишить его возможности свободно заявлять о своихъ правахъ и желаніяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями нашей высшей администраціи.

Мы говоримъ о началѣ нашихъ отношеній къ пришедшимъ къ намъ калмыкамъ. Но и въ ту отдаленную пору (1630 г.) наши администраторы знали, что *права такъ называемого калмыцкаго привилегированнаго сословія*, котораго искали въ калмыцкомъ народѣ и которое стремились создать и упрочить закономъ,—основывались не на юридическомъ прошломъ калмыцкаго народа и не на его бытовыхъ особенностяхъ,—а просто съ извѣстными цѣлями навязывались и прививались народу вопреки гражданскому его строю, созданному историческимъ прошлымъ. Права господъ надъ рабами въ существѣ дѣла не было потому самому, что не было и самого привилегированнаго сословія среди калмыковъ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимали и понимаемъ. Извѣстно, что при устройствѣ родового быта еще не вырабатывается у народа понятіе объ аристократичности и верховности правъ той или другой фамиліи до порабощенія ей своихъ же сородичей и одноплеменниковъ включительно. Родоначальникъ считался главой рода, какъ отецъ въ семьѣ,—остальные же члены рода находились въ положеніи равноправныхъ родственниковъ и его, главы рода, и между собой.—Въ этомъ заключается вся несложная іерархическая лѣстница родового быта. Что всѣ въ извѣстномъ родѣ считаются между собой родственниками, о томъ ясно, между прочимъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что у сибирскихъ бурятъ,—такого же народа по своей религіи, бытовымъ чертамъ и гражданскому устройству, какъ и калмыки,—родовичу нельзя жениться на дѣвушкѣ и вдовѣ одного съ нимъ рода, потому что послѣднія—его *родственницами*, а слѣдовательно, въ противномъ случаѣ, нарушалось бы понятіе о кровосмѣшеніи. Не нужно забывать и того, что у калмыковъ и до сихъ поръ нѣтъ еще прочно установившихся

родовыхъ фамилій, переходящихъ безъ измѣненія изъ рода въ родъ. Обыкновенно же *имя отца*, какъ главы семьи, *обращается въ фамилію сына, дочери и жены*; потомство сына носить уже фамилію не дѣда, а проывается по имени отца и т. д. Короче говоря, имена отцовъ переходятъ въ фамиліи сыновей. Если же у калмыковъ и были родовичи съ *привилегированнымъ положеніемъ*, то они отнюдь не составляли отдѣльнаго сословія съ обособленными своими правами, дающими имъ преимущество предъ остальными народами: привилегированностью положенія пользовались вообще старики, не занятые пороками, мудрые житейскимъ опытомъ и являющіеся хранителями родовыхъ традицій и обычнаго права. Даже принадлежность къ старшей, прямой линіи въ общей семьѣ рода не давала членамъ ея власти, если самъ народъ не вручалъ имъ таковой путемъ добровольнаго общественнаго выбора на известную должность. Только право главенства надъ родомъ неизмѣнно, безъ выбора народа, сохранялось за прямыми потомками родоначальника по старшей линіи.

Такимъ образомъ едва ли мы ошибемся, утверждая, что *привилегированное калмыцкое сословіе* съ правами господъ надъ рабами есть продуктъ нашего собственнаго искусственнаго, но не искуснаго созданія среди калмыцкаго народа, чуждаго самотытныхъ, юридически-опредѣленныхъ понятій о привилегированности положенія отдѣльныхъ лицъ, какъ мы то понимаемъ, да еще съ особенными правами въ ущербъ интересамъ остальныхъ родовичей. Очевидно, что творцамъ этого вреднаго для калмыковъ сословія не было никакого дѣла до того, что закрѣпощеніе народа войнамъ и зайсангамъ рѣшительно не согласовалось съ установившимся уже и временемъ, и традиціями, и обычнымъ правомъ понятіемъ калмыковъ о сословныхъ между собою отношеніяхъ, правахъ и привилегіяхъ. Не предвидѣли они и того, что впоследствии придется считаться съ этимъ сословіемъ, умѣрять его аппетитъ къ расхищенію народныхъ богатствъ, какъ то случилось въ 1871 году во время общей разверстки между калмыками земельныхъ

дачъ,—мало этого, въ концѣ концовъ заплатимъ имъ болѣе миллиона ¹⁾ рублей за „освобожденіе калмыковъ отъ обязательныхъ къ нимъ отношеній“ и заплатимъ изъ запасныхъ же средствъ народа!

Взглядъ устроителей калмыцкаго народнаго быта на значеніе нойоновъ и зайсанговъ быстро понявъ былъ и усвоенъ послѣдними, какъ дѣло весьма выгодное для нихъ въ матеріальномъ отношеніи и удовлетворяющее стремленію къ власти. Зайсанги и нойоны воспользовались своимъ положеніемъ какъ нельзя лучше и успѣли окончательно закабалить совершенно вольный въ прошломъ и свободный калмыцкій народъ, вышедшій изъ Монголіи въ приволжскія степи именно потому, что не хотѣлъ подчиниться режиму, суживающему его свободу, и не вынесъ посягательствъ на свои права и вольность...

Монголія не знала и не знаетъ крѣпостнаго права и сопряженныхъ съ нимъ послѣдствій—продажи, мѣны, даренія людей, какъ какого нибудь скота. Если же на прежней родинѣ калмыковъ рабства ни въ какомъ видѣ не существовало, то, слѣдовательно, выходцы изъ Монголіи—калмыки,—занявъ наши приволжскія степи, не имѣли понятія о крѣпостной зависимости отъ своихъ ролоначальниковъ и военачальниковъ. Пришли они къ намъ и вступили въ обладаніе приволжскими степями, какъ побѣдители жившихъ на ней мелкихъ, разрозненныхъ племенъ (эдисанцы, эдишкульцы и др.), входили даже въ договоры съ нашими князьями и крымскими ханами, долгое время управлялись своими законами, безъ всякаго вмѣшательства въ нихъ дѣла представителей московскаго правительства—и только въ 1724 году, т. е. спустя почти столѣтъ со времени прихода калмыковъ, правительство наше рѣшилось, наконецъ, обратить свое активное вниманіе на безпокойное для сосѣдей самодержавіе *хановъ* и начало неслабо

---

¹⁾ Имѣется въ виду выкупъ и астраханскихъ калмыковъ.

и нерѣшительно заботиться о томъ, чтобы ханы выбирались народомъ не безъ вѣдома нашей верховной власти. О несмѣлости и нерѣшительности нашей даже въ такомъ, сравнительно скромномъ, требованіи, какъ не безвѣдомый выборъ правителей, ясно свидѣтельствуетъ инструкция астраханскому губернатору, данная въ 1724 году, въ которой, между прочимъ, рекомендуется *„осторожно стараться, чтобы владѣльцы улусовъ не выбирали изъ среды своей хановъ, а просили бы о томъ Ею Императорское Величество“*.

Помимо общаго интереса вышеприведенной выдержки изъ наказа, для нашихъ цѣлей важно подчеркнуть въ немъ то, что въ то время, къ какому относится онъ—*„владѣльцевъ улуса“*, въ смыслѣ господъ надъ рабами, не было, ибо рабы не выбираютъ себѣ господъ, а были только военачальники, стоявшіе во главѣ извѣстнаго числа родовъ и имѣвшіе въ своихъ рукахъ право высшей гражданской власти надъ народомъ. По свидѣтельству калмыцкихъ лѣтописей, каждый родъ представлялъ изъ себя отдѣльный полкъ, со своимъ отдѣльнымъ знаменемъ и особеннымъ воинскимъ кличемъ, который и до сихъ поръ еще сохранился въ калмыцкихъ родахъ. Иначе говоря, весь вообще калмыцкій народъ, по своему внутреннему устройству, представлялъ изъ себя тѣсно сплоченную военную общину, какъ то было, между прочимъ, и въ нашей Малороссіи. Въ такой же общинѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о рабствѣ между членами родовъ. Какъ относились калмыки къ иноплеменникамъ и обращали ли ихъ въ рабство—это вопросъ другой и мы не будемъ его касаться..

Такъ о своемъ прошломъ и до сихъ поръ говорятъ калмыцкій народъ, таковымъ оно, навѣрное, и было въ дѣйствительности. Имѣя же это въ виду, съ увѣренностью можно сказать, что если бы не наши администраторы конца семнадцатаго, всего восемнадцатаго и далѣе вѣка, то калмыки сами по себѣ едва ли додумались бы до созданія въ средѣ своей рабства, контингентъ котораго состоялъ бы изъ своихъ же родовичей,—какъ не додумались до того и ихъ сородичи-

монголы и сибирскіе буряты, оставшіеся чуждыми понятій о крѣпостной зависимости *чара ясу* (черной кости), т. е. всего народа, отъ *саганъ ясу* (бѣлой кости), т. е. родоначальниковъ. Къ тому же и гуманнѣйшее изъ философскихъ ученій, буддизмъ, составляющій религію калмыковъ, рѣшительно не допускалъ возможности отдавать людей въ рабство однимъ другимъ.

А если такъ, то вновь ставимъ вопросъ: что заставило нашихъ администраторовъ создать привилегированное сословіе среди калмыковъ и надѣлать его такими правами, привилегіями и властью, какой самъ народъ никогда не давалъ ему, и какая чужда была юридическимъ понятіямъ народа о правовыхъ и сословныхъ отношеніяхъ между собой? Загнѣтъ— что заставило, создавъ это сословіе, привить и прочно насадить крѣпостное право среди калмыковъ и отдать ихъ въ рабство нойонамъ и зайсангамъ? Быть можетъ, къ этому побудили господствовавшіе въ то время тенденціозные взгляды вообще на сословныя отношенія? Намъ кажется, что это едва ли такъ и вотъ почему.

Живущіе на самой далекой нашей окраинѣ, именно въ Восточной Сибири и далѣе, подвластные намъ инородцы и между ними въ особенности *буряты* никогда, по крайней мѣрѣ легально, не закрѣпощались ни за своими правителями (тайшами, шуленгами, зайсангами), ни за кѣмъ либо другимъ. Напротивъ, правительство всегда и всѣми зависящими отъ него мѣрами усиленно боролось противъ попытокъ инородческой и русской денежной и чиновной аристократіи насадить крѣпостное рабство среди свободныхъ сибирскихъ инородцевъ. Попытки водворить въ Сибири рабство, и попытки, по свидѣтельству изслѣдователей народной жизни сибиряковъ, Ядринцева, Шашкова, Вагина и другихъ, весьма настойчивы— существовали, и много было охотниковъ, несмотря на строгость преслѣдованія (по закону и не всегда *de facto*), закрѣпощать за собой бурятъ и другихъ инородцевъ, даже была торговля ими, какъ рабами;—но все таки, благодаря отчасти на-

родному протесту, отчасти усиляемъ правительства поддержать народный протестъ противъ рабства, крѣпостничество не смогло пустить глубокихъ корней въ бытъ сибирскихъ инородцевъ и не привилось къ нимъ. De jure аборигены Сибири всегда оставались свободными, полноправными гражданами. Если же представители высшей власти, несмотря на свои симпатіи къ крѣпостническимъ тенденціямъ, во имя закона все таки защищали сибирскихъ инородцевъ отъ крѣпостной кабалы и отъ попытокъ привести ее къ жизни кочевниковъ,—то ясно, что не господствовавшія въ ту эпоху понятія о крѣпостномъ правѣ лежали въ основѣ стремленій обратить калмыцкій народъ въ подневольныхъ рабовъ и закабалить ихъ цѣлымъ рядомъ распоряженій зайсангамъ и нойонамъ. Послѣднее противорѣчиво бы руководящему началу правительственныхъ отношеній къ правамъ и привилегіямъ бурятъ и другихъ инородцевъ Сибири. Не въ этомъ заключается искомая нами причина еще и потому, что администраціи извѣстно было, что калмыки—тѣ же буряты, съ такими же гражданскимъ строемъ жизни и съ такими же понятіями о сословныхъ между собой отношеніяхъ. Разница же въ географическомъ положеніи мѣста жительства тѣхъ и другихъ, разумѣется, играла самую незначительную роль въ дѣлѣ неодинаковости взглядовъ на устройство быта калмыковъ и бурятъ. Тѣмъ не менѣе, въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на бытъ и правовыя особенности калмыцкаго народа правители рѣшились допустить радикальную разницу между калмыками и ихъ кровными единоплеменниками—бурятами, оставивъ послѣднихъ свободными отъ рабства и закрѣпостивъ первыхъ ихъ нойонамъ и зайсангамъ и тѣмъ причинивъ, какъ показали послѣдствія, массу вреда дѣлу культурнаго развитія калмыковъ и экономическому ихъ благосостоянію. Вредная же по своимъ послѣдствіямъ эта ошибка юридически устранена была только въ 1892 году, т. е. когда всѣ дѣла по освобоженію народа отъ крѣпостной зависимости въ другихъ мѣстахъ давно уже сланы были въ архивъ и о нихъ остались одни лишь тяжелыя воспоминанія.

Не лишне замѣтить, что по отношенію къ калмыкамъ запоздавшее освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости оставило въ ихъ жизни болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ въ средѣ нашихъ крестьянъ,—ибо народъ доведенъ бывшими властелинами его до послѣдней степени извращенія и нищеты и обреченъ на вымираніе, самъ же оправиться не сможетъ. Полумѣры по отношенію къ улучшенію его быта оказываются вредными палліативами.—Быть калмыковъ требуетъ радикальнаго оздоровленія, иначе разложится и исчезнетъ; но, исчезая, заразитъ мiasмами и окрестную жизнь.

Для уясненія причинъ или, вѣрнѣе, поводовъ къ закрѣпощенію калмыковъ ноёонамъ и зайсангамъ, равно и къ усиленію власти и значенія послѣднихъ необходимо вспомнить, хотя въ общихъ чертахъ, минувшія, и притомъ давно уже, отношенія кочевниковъ приволжскихъ степей (калмыковъ) къ ихъ сосѣдямъ.

Чтобы не повторяться, мы только въ кратцѣ напомнимъ ранѣе оказанное нами ¹⁾ — Будучи своевольнымъ, свободнымъ народомъ, къ тому же сильнымъ своимъ единствомъ, калмыки съ первыхъ же шаговъ вступленія въ предѣлы приволжскихъ степей начали дѣлать постоянные набѣги—не только на сосѣднія инородческія племена, но даже и на русскія поселенія, не миновали и городовъ, грабили, жгли и уводили въ плѣнъ жителей,—почему и были грозой для всѣхъ. Власти (наши) оказывались бессильными усмирять хищныхъ кочевниковъ и такъ или иначе преслѣдовать ихъ. Занимаясь же хищничествомъ, калмыки, послѣ смерти хана Хо-Урлюкъ, уже не проявляли въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ своихъ завоевательныхъ наклонностей и ограничивались только хищничествомъ. Но въѣстъ съ этимъ калмыки являлись и небезполезнымъ народомъ, ибо въ извѣстной степени служили оплотомъ для Россіи отъ набѣговъ киргизской орды и, отчасти, обитателей Кавказскаго плоскогорья и равнинъ—

¹⁾ См. 2 главу настоящаго очерка.

именно кумыковъ и др. Этой, такъ сказать, даровой постовой службой калмыковъ при слабости нашихъ пограничныхъ силъ отчасти и объясняется снисходительность отношенія къ своеволю калмыцкаго народа. Это же своеволие порой (конецъ семнадцатаго и начало восемнадцатаго столѣтій) переходило границы терпѣнія,—но, повторяемъ, безсиліе наше имѣло водворить желательный гражданскій порядокъ въ быту калмыцкой орды и держать ее „въ субординаціи“. Даже и въ началѣ настоящаго столѣтія мы все еще продолжали смотрѣть на „орду“, какъ на нѣчто грозное по своей силѣ и требующее *политичнаго* съ нимъ обращенія, почему и потворствовали притязаніямъ „*привилегированнаго ея сословія*“, надѣясь, что оно будетъ служить сдерживающимъ началомъ, и въ этомъ отношеніи доходили до крайняго предѣла уступчивости. Такъ, между прочимъ, повелѣніемъ императора Павла Перваго, состоявшимся 14 октября 1800 г., калмыкамъ предоставлялось: 1) зависѣть непосредственно отъ самого государя; 2) самостоятельно выбирать себѣ правителя; 3) переписываться непосредственно съ самимъ государемъ.... и многія другія весьма важныя права и привилегіи, коихъ не имѣли другія инородческія племена, находившіяся въ зависимости отъ нашей короны¹⁾, и пользуясь которыми, ноёны и зайсанги безпрепятственно смѣло и настойчиво усиливали свою власть и значеніе.

Не имѣя возможности силою смирить калмыковъ, ввести въ ихъ жизнь гражданскій порядокъ и защитить сосѣднее съ ними населеніе отъ грабежей, наскій и вообще отъ разбои, администрація, дабы обезоружить орду, смирить ея дикое своеволие и приручить, приняла за руководящее начало *особаго рода мирную систему*, въ основу которой и было положено постепенное порабощеніе народа путемъ созданія такого гражданскаго строя и такихъ сословныхъ отношеній, ставши въ которыхъ, калмыки должны были или по-

¹⁾ См. Полное Собраніе Законовъ. Т. XXIV. 1800 г.

глотить другъ друга въ междуособной борьбѣ за свои традиціи, свободу и обычное право, или же рабски подчиниться поддерживаемымъ извнѣ единицамъ изъ своей же среды, надѣть ихъ ярмо и тѣмъ на вѣки предать забвенію свою волю, права и переустроить свой бытъ.

Самой лучшей мѣрой воздѣйствія на массу было признано-закрѣпощеніе „калмыковъ простолюдиновъ“ и затѣмъ неуклонное поддерживаніе силой правъ привилегированнаго сословія на крѣпостное владѣніе отданными въ рабство. Средства же, и самыя вѣрныя, къ исполненію такого плана воздѣйствій на орду были подъ рукой—именно подмѣченная у нойоновъ и зайсанговъ страсть къ власти и угнетенію народа и попользованія пользоваться его богатствами. Потворствомъ этой страсти и разными поблажками и были *кулаки* нойоны и зайсанги за счетъ свободы и правъ ихъ народа. Придерживаясь такой системы усмиренія калмыковъ, нужно было только усиливать власть и значеніе среди калмыковъ нойоновъ и зайсанговъ, сдѣлать ихъ привилегированнымъ въ нашемъ смыслѣ сословіемъ съ правами на крѣпостныя владѣнія,—народъ же низвести на степень рабовъ: Система эта оказалась вполне пригодной. Какъ рассчитывали, такъ и случилось. Калмыки не самоуничтожились, а постепенно обратились въ жалкихъ рабовъ и въ этомъ состояніи дошли, наконецъ, до полного извращенія, саморазложившись и сдѣлались отребьемъ человечества, безусловно послушнымъ волѣ своихъ нойоновъ и зайсанговъ. Эти же послѣдніе, построивъ свое соціально-экономическое благополучное положеніе на рабствѣ народа, сумѣли и смогли быстро выдѣлиться изъ его среды,—во за то, въ свою очередь, сдѣлались послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Власть, сила и обезпеченіе въ сохраненіи ея явились на столько хорошей приманкой, что нойоны пренебрегли интересами своего народа и со своей стороны употребили все, что только было въ ихъ распоряженіи для закрѣпощенія народа, закрѣпощенія, столь выгоднаго для ихъ интересовъ.

Съ цѣлью привлеченія народныхъ властей на свою сто-

ропу издавались указы, предоставлявшие всяческія льготы „привилегированному сословію“ калмыковъ въ прямой ущербъ послѣднимъ, пречемъ дарованіе льготъ облекалось въ форму наградъ „за усердіе и преданность“ и дѣлались намеки на еще большее, если „награждаемые“ источникъ своего благополучія будутъ видѣть въ дающихъ и отличающихъ ихъ вѣрность, усердіе и преданность. Наряду съ этимъ простолюдны систематически послѣдовательно обезличивались и шагъ за шагомъ теряли свои права, отдаваемый же въ рабство народъ нѣкъмъ не защищался отъ притѣсненій ноёоновъ и зайсанговъ и только, какъ бы для успокоенія совѣсти, вмѣнялось въ обязанность астраханской администраціи „осторожно присматривать, дабы они, т. е. ноёоны и зайсаны, не слишкомъ разоряли своихъ работъ“¹⁾).

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Закабаленіе калмыковъ однимъ только ноёонамъ и зайсангамъ оказалось недостаточнымъ. Это видно изъ того, что высшимъ распоряженіемъ, изданнымъ 16 ноября 1737 года, перевернувшимъ въ калмыцкомъ народномъ быту все вверхъ дномъ и отзавшимъ калмыковъ на полный произволъ разнузданнаго своеволія силы и власти, дозволено было всѣмъ русскимъ сословіямъ, имѣвшимъ на то право, *покупать калмыковъ, крестить ихъ и держать даже безъ платы за нихъ подушной подати.*

Естественно, что такимъ распоряженіемъ, окончательно обезправившимъ народъ, въ сильной степени поощрялось стремленіе пріобрѣтать калмыковъ, какъ ничего не стоящихъ рабовъ, ибо они, какъ крѣпостные, несомнѣнно выгоднѣе были крестьянъ изъ русскихъ, за которыхъ, помимо расходовъ по куплѣ, нужно было вносить еще подати въ казну, и давать рекрутовъ, калмыки же являлись вполне даровыми рабами. Крещеніе ихъ было только благовиднымъ предлогомъ, за которымъ и скрывалась настоящая цѣль, именно, чтобы калмыки, какъ отдѣльная „нація“, перестали существовать.

¹⁾ См. Пол. Собр. Зак. Т. XII-я.

Иначе нельзя объяснить цѣлый рядъ мѣръ, предоставлявшихъ право обращать калмыковъ въ рабство не только нойонамъ и зайсангамъ, но и каждому насильно захваченному калмыку удерживать его у себя въ качествѣ неотъемлемого раба, съ тѣмъ лишь, совершенно ничего незначащимъ, ограниченіемъ произвола, чтобы захваченный непременно былъ окрещенъ, иначе говоря, совершенно отторгнуть отъ своего народа.

А такъ какъ при такомъ самовольномъ захватѣ и порабощеніи калмыковъ неизбежно должны были случаться непрерывныя побѣги, то въ огражденіе, не народа, а захватывающихъ его порабощителей повелѣно было калмыковъ, которые приходятъ и просятъ на волю безъ письменнаго вида отъ помѣщиковъ, за самовольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ же помѣщикамъ, отъ которыхъ они ушли; ибо по указу 1737 г. калмыкамъ повелѣно было считаться неотъемлемыми рабами тѣхъ, кто объявилъ, что они принадлежатъ ему, почему они и стали яко ихъ крѣпостные¹⁾. Вотъ какъ просто было закабалить калмыковъ! Стоило только заявить, что такой то—мой крѣпостной, хотя бы, въ существѣ дѣла, онъ не былъ таковымъ,—и дѣло съ концомъ; если такой рабъ протестовалъ, то его били батогами и отдавали тому, кто его арканомъ притащилъ изъ его родной кибитки и оторвалъ отъ семьи, опираясь не на право, а исключительно на произволъ и ловкость въ дѣлѣ захвата добычи.

Упомянутые мной два указа дали поводъ къ громаднѣйшимъ злоупотребленіямъ. Торговля калмыками начала открыто производиться на рынкахъ ближайшихъ къ калмыцкой степи городовъ и селеній; люди продавались иногда за самую ничтожную цѣну. Калмыцкіе зайсанги и нойоны воровали и отбирали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи. Процедура закрѣпощенія была самая несложная. Духовенство обыкновенно представляло „промеорію“, что такіе то и такіе то калмыки окрещены, а губернская или воеводская канце-

¹⁾ Пол. С. З. Т. X-а. 1737 г. и Т. XII-а. 1744 г.

лирія выдавала отписъ, что они поступаютъ въ холопы къ такому то—и конецъ дѣлу. Въ случаѣ же жалобы, педовольныхъ были батогами.

Крестили, разумѣется, насильно, чѣмъ и обратили религію въ слѣпое орудіе разыгравшихся страстей въ погонѣ за обращеніемъ калмыковъ въ рабство. Легко представить себѣ тѣ вопіющія злоупотребленія, какія безнаказанно царили въ калмыцкихъ степяхъ благодаря созданію привилегированнаго сословія и закрѣпощенію простолюдиновъ. Жадными къ легкой наживѣ и творцами беззаконій оказались въ одинаковой степени и духовенство, торговавшее религіей, и гражданскія власти, продававшія законъ и право. Что же тутъ удивительнаго, что у калмыцкаго народа глубоко залегло, выражаясь слержанно, нерасположеніе къ намъ, въ особенности же къ чиновничеству, нерасположеніе, отъ котораго они не отрѣшились и теперь, почему пугливо и относятся ко всякому нововведенію, рефлексивно вспоминая прошлое... Отсюда же понятна и причина, почему реформаторы калмыцкаго народнаго быта должны быть крайне осторожны въ дѣлѣ практическаго примѣненія своихъ „проектныхъ положеній“, если только реорганизаторы желаютъ добра сбѣтымъ съ толку калмыкамъ. желаютъ поднять ихъ экономическое положеніе и упорядочить ихъ бытъ.

По словамъ бывшаго главнымъ попечителемъ калмыцкаго народа г. Костенкова, правами закрѣпощенія калмыковъ легально и нелегально пользовались всѣ имѣвшіе къ тому хотя малѣйшую охоту и возможность, особенно же лица, стоявшія во главѣ управленія Астраханской губерніи. Такъ, астраханскій губернаторъ Ник. Аѳ. Бекетовъ населялъ свои имѣнія калмыками, рыбопромышленники закрѣпощали ихъ за недоловъ рыбы и другіе долги... Мало этого—легкость закрѣпощенія калмыковъ, и дешевизна ихъ, какъ извѣстно, создала даже моду имѣть калмыка или калмычку въ каждомъ богатомъ и небогатомъ нашемъ помѣщичьемъ домѣ.... Словомъ, купля, продажа, захватъ и въ результатѣ закрѣпощеніе кал-

мыковъ производились въ обширныхъ размѣрахъ и такъ открыто — нагло, что правительство вынуждено было наконецъ обратить вниманіе на возмутительнѣйшія безобразія въ отношеніяхъ къ калмыцкому народу и принять мѣры, если не къ уничтоженію злоупотребленій, что было не по силамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію ихъ. Въ этомъ направленіи слѣдано было: 1) указомъ 1808 года отиѣнялись всѣ ранѣе существовавшія законоположенія о закрѣпощеніи калмыковъ на вѣки, взамѣнъ же назначались сроки обязательнаго служенія калмыковъ тѣмъ лицамъ, кои ранѣе приобрѣли ихъ или путемъ мѣны, захвата, или же путемъ дара и покупки, 2) указомъ 1819 года ограничены права собственниковъ на купленныхъ ими калмыковъ двадцатипятилѣтнимъ возрастомъ послѣднихъ; калмыки моложе этихъ лѣтъ должны были получить свободу, и 3) въ 1825 году послѣдовало совершенное запрещеніе пролажи, захвата и дара калмыковъ¹⁾. Во всемъ же остальномъ калмыки оставались въ полной кабалѣ у своихъ нойоновъ и зайсанговъ.

Итакъ изъ прошлаго, на основаніи однихъ только официальныхъ документовъ, ясно видно, что, потворствуя русскимъ помѣщикамъ, купцамъ, духовенству, администраціи и другимъ лицамъ въ дѣлѣ приобрѣтенія калмыковъ безъ разбора способовъ на то, — правительство, точно умышленно, закрывало глаза на все то, что нойоны и зайсанги, — да и не одни они, — продѣлывали съ народомъ, отданнымъ подъ ихъ власть и опеку. Этимъ, между прочимъ, вполне объясняется тотъ историческій, весьма важный въ жизни калмыковъ, фактъ, который отмѣченъ въ нашей исторіи *возмущеніемъ калмыковъ и бѣгствомъ ихъ въ Монголію въ 1771 году*. Лучшій изъ калмыцкихъ владѣльцевъ — *Убуши* — вошелъ въ интересы народа и подъ своимъ предводительствомъ успѣлъ вывести изъ приволжскихъ степей большую часть калмыковъ въ мѣста прежней ихъ родины, гдѣ они мирно живутъ и до сихъ поръ,

¹⁾ Полн. Собр. Зак.

оставшись, какъ то намъ извѣстно, и нравственнѣе и обезпеченнѣе—словомъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ калмыковъ. Но 1771 годъ, благодаря уходу Убуми, былъ роковымъ для оставшихся калмыковъ. Власти наши, понявъ, что оставшаяся часть орды, по своей малочисленности, уже не способна активно защищать свои традиціонныя права, личную свободу и юридическіе обычаи, окончательнѣе бросило политику заигрыванія и поблажекъ путемъ потворства разнузданнымъ страстямъ народныхъ вожаковъ и начало систематически вводить крѣпостное право среди оставшихся кочевниковъ. Цѣлымъ рядомъ распоряженій они закрѣпоцились за нойонами и эти послѣдніе, какъ того не было ранѣе, начали именоваться „князьями—владѣльцами улуса“, причемъ до 1825 года подтверждено было, что нойоны, какъ владѣльцы, могутъ и имѣютъ право продавать и дарить калмыковъ. Былъ даже такой курьезъ, что буддистъ нойонъ подарилъ православному архіерею цѣлый калмыцкій родъ.

Такимъ образомъ, изъ всего ранѣе сказаннаго ясно, что титулъ: „владѣлецъ улуса“, а тѣмъ болѣе „князь“, не есть обозначеніе или выраженіе исторически сложившейся на чистоту народной почвѣ власти и правъ нойона на подвластный ему народъ. Напротивъ—титулъ этотъ, воплощая въ себѣ чуждыя понятія народа, права и власть, присвоенъ нойонамъ русскимъ правительствомъ, и носившимъ его, вопреки народнымъ взглядамъ на сословныя отношенія, присвоились права помещиковъ надъ своими крестьянами и кромѣ того самовластный судъ надъ ними. Со своей стороны сами нойоны, уже произвольно, расширили понятіе о важности своего титула и соединенныхъ съ нимъ правахъ и пристегнули къ нему широкое значеніе и права „владѣльческихъ князей“, что исподоволь и старались внушить подвластному имъ народу и окружающимъ, въ чемъ и успѣли. Владѣльческими князьями начали именовать нойоновъ не только калмыки, но и русскіе, не только простонародье, но и чиновный людъ, и не въ прошломъ, а даже и по настоящее время. Письмоводитель Улуснаго Упра-

вления при нѣ разъ сдѣлать надпись на конвертѣ, адресованномъ одной изъ калмыцкихъ войоншъ: „Ея Высочеству“. Бывшій же владѣлецъ улуса и теперь позволяегъ именовать себя: „князь, самъ сіятельство“, тогда какъ по точному въ „Положеніи 1847 г. объ управленіи калмыцкихъ народомъ“ обозначенію правъ по происхожденію—*нойонъ только „принороженъ“ изъ дворянъ, зайсанъ же изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ.*

Все—(о чемъ мы говорили въ этой главѣ)—вѣстѣ вѣстое, естественно, должно было привести громадное, трудно теперь поправимое, зло въ жизнь калмыковъ и дальнѣйшее устройство ея. Правительство какъ бы съ особенною заботливостію давало нойонамъ—владѣльцамъ улусовъ и зайсанамъ—владѣльцамъ родовъ все, что только они могли желать. Оно не только закрѣпостило за ними калмыцкій народъ, но и отдало въ ихъ руки почти безконтрольное право суда и распорядка надъ нимъ,—и притомъ исключительное право, въ силу котораго калмыки не смѣли обращаться со своими тяжбыми дѣлами ¹⁾ въ русскимъ властямъ; закономъ строго воспрещалось администраціи принимать жалобы отъ калмыковъ и самолично входить въ разбирательства ихъ. Последнее допускалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда калмыкъ имѣлъ дѣло съ русскимъ или обратно. А это много значило. Народъ, не только калмыцкій, но и русскій, поочію убѣждался, что нойонъ есть лицо обособленное, въ рукахъ котораго сосредоточена серьезная и могучая власть и сила, что онъ есть вершитель судебъ своего народа, что онъ не только судитъ его и распоряжается имъ по своему произволу, но и собираетъ съ него дань,—не въ пользу казны, а въ свою собственную; что ему нѣтъ нужды справляться съ существующими общегосударственными законами, что онъ вполне независимъ отъ народа и потомствененъ въ своихъ правахъ. Зная все это, калмыцкій народъ, всецѣло подчиненный нойону, трепеталъ его и раб-

¹⁾ Полн. Св. Зак. Т. X.

скую подчиненность свою простирали до того, что падали ницъ при встрѣчѣ съ нимъ. Нойоны могъ убить калмыка, засѣчь его, истязать какъ угодно, отобрать имущество, вдвое и болѣе противъ нормы собрать албанъ—и жаловаться на него никто не смѣлъ, если не желалъ себѣ и семьѣ своей окончательной гибели. Достаточно было нойону обратить свое благосклонное вниманіе на чтонибудь—и будь то самая завѣтная какаянибудь вещь или же что либо дорого стоящее—оно сейчасъ же дѣлалось собственностью нойона; въ послѣднемъ не смѣли отказать ему даже русскіе, имѣющіе какое либо дѣло съ калмыками. Въ то время, когда къ распоряженіямъ администраціи всѣ относились кое какъ, слова нойона и всѣ его распоряженія и приказанія были въ глазахъ народа закономъ.

Значеніе нойоновъ среди калмыковъ и власть ихъ были громадны и являлись гораздо дѣйствительнѣе власти и силы бывшихъ нашихъ помѣщиковъ надъ своими крѣпостными; и это потому, что въ рукахъ нойоновъ сосредоточивалась—не только экономическая зависимость народа, но и право суда надъ нимъ. О быломъ значеніи нойоновъ можно судить еще и по тому, между прочимъ, что даже и въ настоящее время, послѣ изданія закона 15 марта 1892 года, нойоны не потеряли своего обаянія въ народѣ и значенія среди него. Калмыки пока еще не одумались, не пришли въ себя и продолжаютъ быть рабами нойона и нѣкоторыхъ зайсанговъ и нерѣдко добровольно идутъ къ нимъ на судъ.

Судились калмыки, какъ уже говорилось, у своихъ нойоновъ и зайсанговъ и судились безапелляціонно. Судъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Зарго* и въ прежнюю пору, пока его не оформляли, онъ былъ чисто народнымъ, гласнымъ и открытымъ. Затѣмъ, благодаря намъ, судъ зарго сосредоточенъ былъ въ рукахъ нойона и зайсанговъ и только изданнымъ въ 1847 году положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ въ составъ суда зарго введенъ былъ въ качествѣ члена попечитель улуса и его помощникъ, что въ

прочемъ долго оставалось одной только формальностью, во первыхъ потому, что разбирательство дѣлъ въ судѣ зарге происходило всегда на калмыцкомъ языкѣ, котораго не знали русскіе чиновники, переводчики же и толмачи, по волѣ нойоновъ, переворачивали показанія сторонъ, если то нужно было нойонамъ; во вторыхъ, сами попечители улуса и ихъ помощники, хотя *de jure* считались самостоятельными полицейскими чиновниками и не были подчинены нойонамъ, но *de facto* находились въ полной зависимости отъ нихъ, боялись ихъ, а слѣдовательно и не рѣшались перечить имъ; напротивъ, позорно потворствовали нойонамъ и заискивали ихъ милостей, дабы не лишиться въ противномъ случаѣ своихъ мѣстъ, къ слову сказать, весьма и весьма доходныхъ. А въ третьихъ, и самое главное, то, что калмыки, находясь въ ежовыхъ рукавицахъ зайсанговъ и нойоновъ, почти всегда ограничивались ихъ личнымъ судомъ и боялись переносить свои дѣла въ *Зарго*; къ попечителямъ же улусовъ и вовсе не обращались съ жалобами.

Думается, что послѣ всего сказаннаго наипаче распространяться объ отношеніяхъ нойоновъ къ калмыкамъ. Скажемъ только, что неразвитые, грубые, самолюбивые, завистливые нойоны, — а таковыми они были почти всѣ, — только угнетали калмыковъ, выжимали изъ нихъ соки, разоряли, прокучивали громадныя суммы и вновь для той же цѣли собирали ихъ съ народа. Обладая же большими прерогативами власти, пользуясь безусловнымъ вліяніемъ на народъ, имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя матеріальныя средства, они рѣшительно никакой стороной своей дѣятельности не входили въ интересы калмыковъ, не обращали вниманія на улучшеніе ихъ экономическаго положенія и не удерживали, а наталкивали на грабежи и разбои, ибо и изъ этого извлекали свои выгоды — словомъ, кромѣ существеннаго вреда во всѣхъ отношеніяхъ, они ничего не привнесли въ бытъ народа и ничѣмъ добрымъ не заплатили за тѣ богатства, кои обильно черпали

не только изъ его недостатковъ, но даже и изъ нищеты. Не было той жестокости, какой нойоны не практиковали бы надъ калмыками; не было того произвола, какого не проявляли бы они въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Одинъ нойонъ не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока не замучивалъ кого либо до смерти.... и такъ изо дня въ день; другой, безъ всякаго на то права, подарилъ архіерею около сотни калмыцкихъ семействъ, причемъ не позаботился указать калмыкамъ мѣсто для поселеній и закрѣпить за ними таковое, благодаря чему потомки этихъ бѣднягъ и теперь еще скитаются по Терской области, не имѣя правъ ни на одну пядь земли. Еще въ восьмидесятихъ годахъ можно было видѣть картины дикаго произвола нойоновъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, допытываясь, кто изъ калмыковъ ограбилъ его пріятеля русскаго, заподозрѣнныхъ посадилъ на ворота и поставилъ караульщикиковъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы пытаемые не слѣзли съ воротъ. Слишкомъ свѣжи еще случаи, когда нойоны засѣкали до полусмерти.... да мало ли что было! Слишкомъ тяжелая и грустная вышла бы картина всѣхъ тѣхъ жестокостей и несправедливостей нойоновъ, кои они позволяли себѣ въ своихъ отношеніяхъ къ калмыцкому народу, ихъ дикаго, подчасъ чисто звѣрскаго, не знавшаго удержа произвола надъ нимъ. И забитый, придавленный народъ терпѣливо все сносилъ. Жаловаться было некуда и некому, ибо все инородческое управленіе было тѣсно сплочено общностью интересовъ, строило все свое благосостояніе на инородческихъ „недоразумѣніяхъ“ и не въ его цѣляхъ и задачахъ было выносить соръ изъ избы.

Понятно, что при такихъ самовластныхъ и самовольныхъ отношеніяхъ нойоновъ къ калмыкамъ народъ неизбѣжно долженъ былъ дойти до современнаго намъ своего состоянія, т. е. до поглощенія рабомъ человѣка, и какъ рабъ, онъ хитрый, лукавый, исполничавшійся народъ. Качества эти были и остаются пока единственными болѣе или менѣе дѣйствительными орудіями калмыковъ для борьбы со всякаго рода притѣсненіями, гнетомъ и несправедливостями, а, какъ таковыя, эти качества и

должны были развиться среди народа до отвратительных размѣровъ и явиться преобладающими въ его наклонностяхъ.

Не менѣе вредно и несомнѣнно гибельно отразилась власть и права нойоновъ и на экономическомъ бытѣ калмыковъ, особенно съ 1871 года, т. е. послѣ окончанія разверстки земли между всѣми родами Больше-Дербетскаго улуса. Почему это случилось именно съ 1871 года, мы объяснимъ, когда будемъ говорить о способахъ пользованія калмыками землей. Здѣсь же ограничимся только замѣчаніемъ, что совершенно неосновательно обвиняютъ больше-дербетцевъ въ прирожденной неспособности къ труду, къ осѣдлой жизни, земледѣльской культурѣ, въ лѣни и въ дѣйствительно существующемъ неумѣніи выйти изъ своего нищенскаго состоянія. Во всемъ этомъ, въ особенности же въ обвиняніи, всецѣло слѣдуетъ винить нойоновъ—они—и только они при помощи плеродческаго управленія довели калмыковъ до справедливыхъ укоровъ въ нищетѣ, деморализаціи, неспособности къ инициативѣ. ... Только нойоны со своими чиновными приспѣшниками виновны въ томъ, что калмыцкій народъ, по природѣ очень способный къ развитію, сильный, энергичный,—пелоросши, захирѣлъ, страдаетъ малярией и обреченъ на вымираніе; заживо же—его преслѣдуютъ вездѣ позоръ и презрѣніе и даже самое названіе его—„калмыкъ“—обратилось среди русскаго населенія въ нѣчто ругательное; обзывать кого либо „калмыкомъ“ равносильно оскорбительному обвиненію въ лукавствѣ, хитрости и безчестіи.....

Кромѣ нойоновъ, блечемъ для калмыковъ служили еще и зайсанги.

Мы уже знаемъ, что значеніе зайсанговъ и власть ихъ простирались только на одинъ родъ, къ которому они принадлежали по своему рожденію; во главѣ этого рода они стояли, какъ правители имъ и въ этой роли всегда были вѣрными, точными исполнителями воли нойоновъ и шли съ ними рука объ руку, какъ вспомогательная сила, по пути угнетенія народа и обирая его.

Будучи *въ родѣ* своимъ полновластными хозяевами, совмѣщая въ лицѣ своемъ низшую судебную инстанцію и административно-исполнительную власть, зайсанги, каждый въ кругу своей дѣятельности, являлись для своихъ сородичей тѣми же нойонами въ миниатюрѣ, чѣмъ и увеличивали тяготу родовичей. Не будемъ говорить объ отдаленномъ прошломъ, оно слишкомъ мрачно: да и вообще,—зачѣмъ заглядывать въ него, когда въ 1890 году мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ зайсанговъ, пипѣ умершій Гаврило Малзаевъ, будучи пьянымъ, нагайкой разогналъ калмыковъ, собравшихся близъ хурула (церкви) для молитвы и религіознаго торжества. Что же касается истязаній, безнаказаннаго обирания бѣдныхъ и богатыхъ: включительно до отниманія послѣдней овцы у бѣдняка, то на безобразнѣйшіе въ этомъ направленіи факты можно было патакиваться на каждомъ шагѣ. Умершій въ 1892 году зайсангъ Гаврило Малзаевъ въ полномъ смыслѣ слова разорилъ свой Икнчунусовъ родъ, владѣющій болѣе чѣмъ шестьюдесятью тысячами десятинъ земли. Онъ вовлекъ родовичей въ неоплатные долги и довелъ ихъ до полной нищеты, несмотря на то, что икнчунусцы ежегодно получали около десяти тысячъ рублей за аренду своей земли.

Малзаевъ былъ одинокимъ и всѣ деньги народа ушли на пьянство, развратъ и карты.... Короче говоря, не было того безобразія, котораго зайсанги, глядя на своихъ патროновъ—нойоновъ, не продѣлывали бы надъ рабски покорнымъ имъ народомъ. Только въ послѣднее время одинъ изъ зайсанговъ, видѣвъ со своимъ племянникомъ, благодаря личнымъ своимъ качествамъ и уму, дѣйствительно желалъ добра народу, силится объосѣдлить своихъ родовичей, развить у нихъ охоту къ труду и земледѣлю, для чего и „купилъ для общества“ плуги, быковъ и все, что нужно для пахаря. Мы говоримъ о Бадымѣ Лапшиновичѣ Опогиновѣ. Но, по пословицѣ, одинъ въ полѣ не воинъ и ему трудно было бороться съ общимъ индифферентизмомъ къ дѣлу заботъ о поднятій экономическаго благосостоянія нищенствующаго калмыковъ.

Кромѣ Опогннова и Тер-Менке, остальные зайсанги отличались полнымъ невѣжествомъ и только разорали народъ. Черезъ всю исторію отношеній зайсанговъ къ своему народу рѣзкой чертой проходитъ крайнее своеволие, презрѣніе народныхъ правъ и нравственный и экономическій гнетъ со всѣми его послѣдствіями.

Зайсанги, также какъ и войоны, имѣли право собирать съ калмыковъ въ свою пользу албант, кажется, по сорока семи копѣекъ въ годъ съ кибитки, но эти копѣйки были каплей въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что самовольно и открыто бралось и собиралось съ народа. И тѣмъ не менѣе калмыки, доведенные своими зайсангами до послѣдняго предѣла терпѣнія, только между собой, скрытно, шопотомъ позволяли себѣ роптать на своихъ притѣснителей; окончательно же выведенные изъ терпѣнія „смѣльчаки“ со страхомъ и осторожно приносили жалобы, но не русскимъ властямъ, а тому же войону, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой зайсангъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ войона. Въ большинствѣ же случаевъ терпѣливо сносились всѣ хищенія, неправды, гнетъ и обиды. Калмыки не могли пользоваться даже и тѣми жалкими обрывками правъ, кои предоставлялись имъ „Положеніемъ 1847 года“. Такъ, этимъ положеніемъ давалось народу право общественныхъ сходокъ для обсужденія своихъ дѣлъ и нуждъ и постановленія приговоровъ по нимъ. Но право это въ дѣйствительности было чистой фикціей. Давленіе зайсанговъ на „выборныхъ отъ родовичей“ (по одному изъ пяти кибитокъ) было настолько сильно, что каждый общественный приговоръ составлялся—не о томъ, что нужно было народу и чего онъ желалъ, а о томъ, что угодно и выгодно было зайсангу, выборные же только „къ сему руку прикладывали“ и молча расходились, иногда положительно не вѣдая, къ чему они ихъ приложили. Все это дѣлалось настолько открыто, что не составляло секрета для главныхъ приставовъ—этоѣ высшей мѣстной инстанціи калмыцкаго управленія. Слова имѣтъ, что „Положеніемъ 1847 года“, дѣйствующимъ и понынѣ, ро-

довны сходки обставлены весьма заботливо и заботливость о нихъ простирается даже до того, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ сходки, дабы составленіе приговоровъ было осмысленно, таковая не можетъ состояться ранѣе четырнадцати дней, въ теченіи которыхъ всѣ родовичи должны достаточно ясно обсудить свои нужды и предрѣшить возможность и способы удовлетворенія ихъ, но такая предупредительная заботливость оставалась мертвой буквой. Время, данное закономъ на облумиваніе вароломъ того, о чемъ будетъ разсуждаться на сходкѣ, дабы выборные могли быть дѣйствительными выразителями уполномочившихъ ихъ на то родовичей, пропало совершенно даромъ.—Не народъ „думалъ“ на сходкахъ, а зайсанги,—думы же народа оставались при немъ и дожились тяжелымъ гнетомъ на его душѣ, придавленной суровой дѣйствительностію.

Составленіе приговоровъ по волѣ зайсанговъ, а не по желанію народа, имѣло вредныя послѣдствія, между прочимъ и въ томъ отношеніи, что они въ важныхъ случаяхъ, особенно при отдачѣ земель въ арендное содержаніе, почти всегда были подложными; администраціи и до сихъ поръ еще приходится производить дознанія о „подлинности“ ихъ и убѣждаться, что „рукоприкладство учинено“ то мертвыми, то безъ вѣсти пропавшими, то просто не существующими калмыками. Случалось и такъ, что послѣ смерти зайсанга, при опросѣ родовичей—дѣйствительно ли составлялся по ихъ желанію извѣстный приговоръ,—оказывалось, что о немъ они „и знать не знали и вѣдать не вѣдали“, что фактически и доказывалось. А такъ какъ мертвые сраму не имутъ, получать же съ нихъ, по поговоркѣ, на томъ свѣтѣ угольками никто не хотѣлъ, то и приходилось живымъ родовичамъ переносить на себя всѣ послѣдствія улусно-полицейскихъ волокъ и платить „пострадавшимъ“ отъ признанія приговора подложнымъ „протори и убытки“.

Бывали и такіе случаи, что „привилегированное сословіе“ беззащитно собирало деньги съ калмыковъ будто бы

на расходы по ходатайствамъ о „возстановленіи правъ калмыцкаго народа, сохраненіи его обычая и религіи“. Дѣйствительно, „соловье“ это не разъ возбуждало „золотайства“, „уполномоченные“ отъ него ѣздили даже въ Петербургъ,—и не разъ,—съ „суммами“..... но ходатайствовали тамъ отнюдь не за народъ и его права, а дѣлали всяческія потуги, за счетъ народа же, оттянуть время распоряженія объ освобожденіи простонародной отъ обязательнаго отношенія къ нимъ, иначе говоря—за деньги же народа „хлопотали“, чтобы рабская петля подольше затягивала его шею, къ чему, надо правду сказать, почему то и успѣвали, о чемъ можно судить по тому, что простой въ существѣ дѣла вопросъ объ освобожденіи калмыковъ отъ войоновъ и зайсанговъ тянулся десятки лѣтъ и рѣшился наконецъ только въ 1892 году.

Поѣздки въ Петербургъ особенно часты были въ послѣднее время и много на нихъ истрчено народныхъ денегъ для его же вреда, но, къ счастью, напрасно. Народъ же не переставалъ вѣрить—и. вѣря, давать,—что „привилегированное сословіе“ ходатайствуетъ о „возвращеніи“ тѣхъ правъ, коими калмыки пользовались „встаря“, почему и не было ропота за поборы.

Такому, скромно выражаясь, неискреннему отношенію привилегированнаго сословія къ калмыкамъ много способствовало и калмыцкое духовенство.

Оно вмѣстѣ съ первымъ, въ лицѣ своихъ представителей, также страшилось предстоящихъ преобразованій въ управленіи калмыками и въ измѣненіи ихъ правъ и также силзлось вытѣхать на народной шѣ и укрыть личные свои интересы за его спиной.

Въ этихъ видахъ духовенство всѣми мѣрами старалось поддержать среди калмыковъ значеніе и власть привилегированнаго сословія. Въ этомъ былъ прямой для него расчетъ. Духовенство хорошо понимало, что вслѣдъ за уничтоженіемъ правъ и привилегій войоновъ и зайсанговъ и паденіемъ прерогативъ ихъ власти,—уничтожится и его исключительное положеніе, опиравшееся на престижъ власти войоновъ и зай-

санговъ и падеть обаявіе, о которомъ такъ они заботились, поддерживая другъ друга,—вслѣдъ за преобразованиемъ устои поколеблются, съ глазъ калмыковъ спадеть завѣса и они увидятъ, что не о нихъ печаловались, а о сохраненіи своего жирнаго куска.

Въ рукахъ же духовенства было могучес орудіе держать калмыковъ въ слѣпотѣ. Такимъ орудіемъ несомнѣнно служила, какъ и служитъ пока, религія—эта единственная опора народа, которой до самаго послѣдняго времени никто не колебалъ и за подрывъ которой калмыки начали опасаться только въ самое недавнее время, именно съ 1889 года, когда покойнымъ казанскимъ архіепископомъ Владиміромъ крещено было сразу около пятнадцати семействъ.

Извѣстно, что калмыки настолько глубоко уважаютъ представителей своего духовенства, послѣдніе пользуются такимъ непоколебимымъ авторитетомъ среди народа, слѣпо вѣрящаго въ ихъ непогрѣшимость, что этому духовенству рѣшительно не было никакой нужды измышлять еще новыя, положительно противныя ученію Будды, религіозныя обряды съ цѣлью направить мысли калмыковъ въ желаемую сторону—именно воздѣйствовать на народъ въ смыслѣ необходимости не что бы то ни стало удержать существовавшее положеніе потомковъ „древнихъ“ народныхъ правителей и духовенства, убѣдить, что въ этомъ—единственное спасеніе, что народъ и религія погибнутъ, если такъ или иначе не будетъ защищенъ существующій порядокъ сословныхъ отношеній, установленный предками и освященный вѣками и религіей и что, поэтому, нужно усиленно молиться, молясь же, жертвовать на расходы по ходатайствамъ объ удержаніи старины.

Съ цѣлью поднятія народнаго духа въ этомъ направленіи и побужденія его къ жертвамъ на пользу привилегированнаго сословія, но отнюдь не самого народа (о чемъ умалчивалось) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ цѣлью освѣжить его религіозныя бредни (разумѣемъ массу суевѣрій, перемѣшав-

шихся съ буддизмомъ),—въ 1890 году высшимъ калмыцкимъ духовенствомъ придумано было особое всенародное религиозное торжество, съ поразительной для калмыковъ обстановкой богослуженія. Въ виду значенія въ калмыцкой жизни этого праздника, мы опишемъ его съ необходимыми подробностями.

Предварительно купленъ былъ „небжалый“ буланой масти (эту масть любятъ божество) конь, и молодой, „не бывшій подъ челоуѣкомъ,“ верблюдъ. Покупались эти животныя духовенствомъ по указанію „Зурухайчи“ (астрологовъ, хиромантовъ, вообще знатоковъ судебъ) и обошлись народу болѣе пяти сотъ рублей, т. е. какъ разъ вдвое, если не болѣе, противъ дѣйствительной цѣны. Для лошади сдѣлано было сѣдло съ полнымъ приборомъ, богато украшенное чеканной работы золотомъ и серебромъ и усыпанное драгоценными камнями, богатая, штая золотой и серебряной канителью попона, уздечка съ серебряной насѣчкой и разпыми, тоже серебряными, бубенчиками и погремушками, и желтый чехоль въ видѣ тѣхъ, какіе надѣваются на лошадей, впряженныхъ въ траурную погребальную колесницу. Для верблюда былъ купленъ дорогой персидскій коверъ и на вьюкъ его кибитка. Затѣмъ вылили изъ драгоценныхъ металловъ бурхана (божество). Къ сожалѣнію, я не могъ узнать дѣйствительной суммы расходовъ на пріобрѣтеніе всего нужнаго для торжества.

Снарядивъ все, что требовалось для праздника, лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть хурули ¹⁾ (капища), въ улусѣ устраивались никогда ранѣе небывалыя торжественныя процессіи при громадномъ стеченіи народа.

Внѣшняя сторона процессій состояла въ слѣдующемъ. На осѣдланнаго и убранныго коня утверждали бурхана и книжные свѣтки; на верблюда, покрытаго ковромъ и тоже осѣдланнаго, навьючивали разобранную на составныя части кибитку, жилище бурхана, возлѣ коня и верблюда становились

---

¹⁾ Хуруловъ въ улусѣ нѣтъ закономъ существующихъ и столько же распространенныхъ къ существованію.

стражники, одѣтые въ древніи кольчуги, со шлемами на головахъ въ видѣ бычьей головы съ рогами и въ латахъ. Стражники держали въ рукахъ обнаженные старинные хорошо отточенные мечи и сабли. Рядомъ со стражниками стояли замаскированные галюны. Маски ихъ состояли изъ головъ разныхъ звѣрей, которымъ придава была уродливость и свирѣпое выраженіе. Во главѣ стражниковъ и масокъ былъ самъ бакша ¹⁾, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ, а по бокамъ его хоругвелосцы и музыканты. Въ такомъ строѣ торжественно, при пѣвѣ речитативномъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ ²⁾, фиваль которыхъ сопровождался трубными звуками, гуломъ бубновъ, лязгомъ мѣдныхъ тарелочекъ (цамъ), произвольнымъ завываніемъ въ раковины, вся процессія три раза обходила вокругъ хурула и затѣмъ останавливалась у главныхъ его дверей, въ которыя бакша и входилъ въ хурулъ въ сопровожденіи части главнаго духовенства, другая же часть оставалась ассисевтами при бурхатѣ, водруженномъ на спицѣ коня. По уходѣ бакши народъ всей своей массой толпился предъ конемъ и протиснувшись къ нему „счастливыцѣ“ сначала падали три раза ницъ и затѣмъ прикладывались лбомъ ко всѣмъ частямъ туловища коня, не минуя и хвоста,—кто куда попалъ. При этомъ конь, дѣлѣ паче чаппа не лягулъ кого либо изъ своихъ поклонниковъ, былъ стреноженъ. Во время поклоненія коню и сидящему на немъ бурхану „жертва“ дѣлалась рѣкой. Звенѣли не только трудовыя „мѣдяшки“ бѣдняковъ, но сверкало серебро, шелестѣли также и „бумажки“.

Каждый приходящій на торжество приносилъ съ собой араку (водку изъ молочныхъ паровъ), а на общественный счетъ покупались десятки барановъ, мясо которыхъ варилось, складывалось въ хурулъ и затѣмъ, послѣ отдѣленія потребной части его галюнамъ, остальное раздавалось народу.

Смыслъ и значеніе этой торжественной, такъ дорого стоющей народу процессіи, какъ объясняли мнѣ калмыки, но

¹⁾ Главное духовное лицо въ улусѣ

²⁾ Кстати замѣтимъ, что тибетскаго языка никто въ улусѣ не знаетъ

не духовенство,—таковъ: народъ уклонился отъ исполненія прадѣдовскихъ обычаевъ, забылъ завѣты отцовъ, явщается съ русскими, перенимаетъ ихъ обычаи и нравы, становится болѣе похожимъ „на ороса“ (русскаго), не повинуется въ должной мѣрѣ установленнымъ предками властямъ (это попонанъ то и зайсангамъ!), пошатнулся въ вѣрѣ и не крѣпокъ въ древнемъ благочестіи (имѣется въ виду крещеніе въ 1889 году пятнадцати семействъ), разгнѣвался воспріятіемъ чужихъ обычаевъ и всѣмъ образомъ своей жизни и наклонностями идетъ къ вѣрной гибели, чѣмъ и *оскверняется* все то, что такъ дорого истинно калмыцкому сердцу и что отличало народъ, какъ вѣрныхъ поклонниковъ Шакья-Муни (Будды) отъ остальныхъ людей, враждебныхъ калмыцкой національности. Все же это суть тягчайшія преступленія. За нихъ, какъ за измѣну святому прошлому, завѣтамъ отцовъ и требованіямъ религіи, разгнѣванное божество отступилось отъ калмыковъ и хочетъ жестоко покарать ихъ, къ чему уже и приступило. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ полная разладаща въ жизни калмыковъ, постигнувшая ихъ нищета и болѣзни, ослаба въ вѣрованіяхъ, измѣна властямъ—словомъ, по божьему поущенію, все клонится къ тому, что калмыковъ сравниваютъ съ оросами, припишутъ къ крестьянамъ, отнимутъ „вольности (?) и права“ и въ концѣ концовъ самое имя „калмыкъ“ исчезнетъ съ лица земли; хурулы запустѣютъ или обратятся въ русскія церкви.... „Бѣда, великая бѣда грозитъ калмыцкому народу“, говорили мнѣ, „бѣда неминуемая, еслионъ отступится отъ вѣры своихъ предковъ и ихъ обычаевъ, освященныхъ муками отцовъ и не обратится душой и сердцемъ къ прошлому.... Нужно молиться и усиленно молиться, чтобы разгнѣванное божество умилостивилось и благоволило возвратить народу свою защиту и покровительство и вновь поселилось среди него. Тогда, быть можетъ, мивуетъ нависшая бѣда, вновь укрѣпится народъ и его не коснется рука, стремящаяся измѣнить его бытъ, религію и права!“

Мрачныя и грозныя эти внушенія народу наглядно видѣлись въ его понятія торжественной обстановкой процессіи

съ конемъ, на которомъ ѣхало божество, и верблюдомъ, везущимъ его обиталище. Удалившееся божество, вслѣдствіе усиленныхъ „моливъ и прошеній,“ какъ бы возвращалось въ калмыцкія степи и для новаго его жилища готова была уже и кибитка.... Просто и понятно! И калмыки глубоко вѣрили въ правдивость смысла и причинъ торжественныхъ процессій и служенія. Взвирая на коня и поклоняясь ему, народъ думалъ, что „буланка“ есть дѣйствительно пегасъ небожителей и въ простотѣ души своей полагалъ, что духовенствомъ все такъ мудро устроено, что въ лицѣ укрѣпленной на сѣдлѣ фигуры бурхана дѣйствительно возвращается къ нимъ божество во всей своей славѣ и уже не карающимъ и гнѣвнымъ, а милостивымъ, готовымъ простить имъ прегрѣшенія и измѣны; что оно поможетъ вновь воскреснуть къ прежней жизни по старому завѣту и дастъ къ тому силу; привилегированное сословіе вновь будетъ править калмыками и преобразованія не коснутся ихъ. Привоса же покаяніе за прошлые нравственные и религіозные недочеты, народъ молитвенно и съ надеждой кланялся „вою и всаднику“ и просилъ привилегированное сословіе и духовенство не покидать его, не дѣлать безпомощнымъ и приниматься „за большой хлопотъ,“ чтобы все осталось по старому!

Небывалое торжество, притомъ такъ пышно обставленное, дѣйствительно производило, какъ того и ожидали,—сильное, впечатлѣніе на невѣжественныхъ калмыковъ, да и не только на нихъ. Даже русское населеніе, заинтригованное невиданнымъ равнѣ зрѣлищемъ, массой стекалось посмотреть на „моленіе твари“; глядя же, многіе вынесли сильное впечатлѣніе отъ торжественности и необычайности праздника и рѣшили, что оно *достойно энкиманія, а не ламаснія и на комедію не похоже*. Нѣсколько иронично отнеслись только къ мелкой особености „моленія,“ именно—всѣмъ казалось „человѣки“ то, что „тварь тычетъ лбомъ въ хвостъ коля, когда“.... и пр.

Да и какъ было не поразиться калмыкамъ.... Степь.... масса народа... богатая, необычайная по своей обстановкѣ про-

цессія, предводимая многочисленнымъ духовенствомъ и охраняемая вооруженными стражниками и страшными масками.... громъ днкой, раздрающей душу, ошеломляющей своимъ заунывнымъ, монотоннымъ завываніемъ, музыки.... Божество, возвращающееся къ народу съ грядущими милостями.... поражающій глаза блескъ збрун пегаса... предвзятая мысль о причинахъ „молекія“ ... Все это, естественно, въ сильной степени должно было вліять на сердце и воображеніе калмыковъ, предварительно настроенныхъ на пзвѣстный ладъ. А при такихъ условіяхъ, разумѣется, легко было вести народъ къ намѣченной цѣли, не опасаясь за потерю своего авторитета.

Но, чтобы понять причины такой мѣры воздѣйствія на умъ и сердце калмыковъ и въ то же время судить объ экстраординарности поводовъ, вызвавшихъ ее, нужно помнить то поклоненіе представителямъ религін, точно какимъ то земнымъ божествамъ, какое калмыки оказываютъ имъ. Поклоненіе же это простирается до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ наприимѣръ цѣлованіе мѣста, на которомъ сидѣлъ бакша, колесъ его экипажа, слѣдовъ отъ ногъ, питье воды, которой онъ умывается во время священнодѣйствій и пр. И не было (не знаю, какъ теперь, т. е. послѣ 1893 г.) той жертвы, которой не принесли бы бакшѣ калмыки, если къ тому была хотя малѣйшая возможность. А если такъ, если таково вліяніе главы духовенства на народъ, то естественно спросить—зачѣмъ же было прибѣгать къ „ковю и всаднику?“ Неужели опасно было опираться только на одинъ еще непоколебленный свой „авторитетъ“? Положимъ—обстоятельства были таковы (разумѣемъ *конемъ* старыхъ порядковъ), что требовалась сила авторитета и сила не заурядная. Еще въ концѣ пятидесятныхъ годовъ правительство возбудило вопросъ объ освобожденіи калмыцкаго народа отъ нойоновъ и зайсанговъ и о дарованіи имъ тѣхъ же правъ, кои предполагалось дать помѣщичьимъ крестьянамъ, т. е. права „свободныхъ сельскихъ общинъ“. Но весьма важный этотъ вопросъ, по несчастію для него, попалъ для разработки въ мѣстные комиссіи и

подкомиссія, стараніємъ членовъ конхъ лежнемъ и пролежалъ въ нихъ едва ли не „тридцать лѣтъ и три года.“ Попытно, что особенное усердіе къ ублаживанію его прилагали нойоны и зайсанги щедрыми подарками комиссіоннымъ нянъкамъ, благодаря чему интересы самихъ нянекъ соотвѣтствовали желаніямъ нойоновъ, чтобы вопросъ еще столько же, если не дольше, пролежалъ въ комиссіонной люлькѣ, не выгѣзалъ бы оттуда и не вторгался бы въ ихъ сытую жизнь. Кто, наконецъ, вспомнилъ о калмыкахъ и пробудилъ отъ летаргій вопросъ объ освобожденіи ихъ, вызвалъ его къ дѣятельной жизни и далъ ему настолько сильный толчекъ, что ублажать его уже не было возможности и пришлось вынуть изъ люльки—не знаю... Но съ конца восьмидесятихъ годовъ обстоятельства сложились такъ, что лица, заинтересованныя въ неизбѣжномъ измѣненіи существовавшего въ улусѣ порядка, поневолѣ должны были хвататься за соломинку и пускаться въ ходъ все, чтобы только попытаться удержать, хотя бы только на время, гнилой, распатанный до основанія и видимо быстро разваливающейся строй калмыцкой жизни, но и гнилью своею выгодный привилегированному сословію и духовенству, ибо на немъ зиждились знаніе, власть и богатство въ особенности перваго. Солидарное между собой и связанное общностью интересовъ духовенство и привилегированное сословіе осязательно почувствовало, что почва подъ его ногами сильно колеблется, блое величіе, вмѣстѣ съ соединенными съ нимъ благами земными, приходитъ къ концу и неизбѣжно должно рушиться.... Перенолохъ еще болѣе увеличился отъ того, что „вѣрные люди“ сообщали изъ Петербурга, что въ „высшихъ сферахъ“ серьезно принялись за разсматриваніе вопроса объ освобожденіи калмыковъ и дарованіи имъ *кравъ* „свободныхъ сельскихъ обывателей.“ Одновременно съ этими слухами въ улусѣ вдругъ, совершенно неожиданно, крестилась кучка калмыковъ. Для этой „кучки,“ несмотря на ея ничтожную малочисленность (около пятнадцати семействъ) сразу же отводится слишкомъ семь тысячъ десятинъ земли, на усиленные протесты противъ

бросить и поидетъ „въ крещеніе,“ гдѣ сдѣлается недосигаемымъ для притѣснителей. Словомъ, „предержащая власть“ оказалась не только сконфуженными, но и окончательно выбитыми изъ привычной колеи, по которой онѣ шли столѣтія во благо своему и нищетѣ народа, но мириться съ такимъ положеніемъ не хотѣли и въ то же время хорошо понимали, что для того, чтобы „устоять“—пужно, если не чудо, то какія либо чрезвычайныя мѣры. Всѣмъ понятно стало, что однимъ авторитетомъ ничего уже не подѣлаешь съ народомъ, вступившимъ на путь сомнѣній и недовѣрчивости къ словамъ и посуламъ привилегированнаго соловія. За неимѣніемъ же другихъ наличныхъ средствъ къ возвращенію народа „осияемъ“ вожаки обратились къ религіи и именемъ ея устроили „чрезвычайную мѣру,“ именно—необычно торжественныя процессіи водворенія божества среди покинутаго имъ народа. Весь фокусъ такой мѣры состоялъ въ томъ, чтобы направить мысли калмыковъ на прошлое, затронуть въ нихъ религіозную струнку, оживить и освѣжить любовь къ своей національности; ярко освѣтить грѣховность измѣны завѣтамъ отцовъ и тѣмъ, хотя и косвенно, но вѣрно, побудить народъ—не только къ устойчивости въ желаніяхъ сохранить все „по старому,“ но и къ ходатайствамъ и жертвамъ на то, чтобы „калмыки остались калмыками,“ иначе говоря, чтобы привилегированное сословіе попрежнему царило бы надъ ними. Для вѣщаго же успѣха, „пускались слухи“ и запугиванія солдатчиной, отобраніемъ, землі, насильнымъ крещеніемъ и проч. и проч.

Авторитетъ религіи, разумѣется, въ сильной степени повліялъ на калмыковъ, заставилъ временно забыть о томъ гнетѣ, какой онѣ несли, благодаря безправію своему и рабской покорности привилегированному сословію, настолько повліялъ что ловко пущенная въ народъ мысль о перекочевкѣ въ Монголію, какъ то сдѣлали ихъ предки при Убуши ханѣ, начала бродить между калмыками и они нешута занялись „помышленіями“ объ этомъ важномъ шагѣ.

„Мы не о себѣ хлопочемъ,“ увѣряли калмыковъ...

„Намъ чтó.... Васъ же скоро заберутъ въ солдаты... припишутъ къ крестьянамъ.... перекрестать“...

„Въ Монголіи же вы останетесь такими же калмыками, какъ были и есть... Русскій попъ не даромъ поселился“.....

Извѣстно же, что вѣртный народъ на многое можетъ рѣшиться, когда неумѣлой, чисто полицейской проповѣдью чуждой ему религіи пробудятъ его духъ отъ неподвижной слячки и затронутъ самыя дорогія и святыя его чувства.

Положимъ, отъ нищаго, забитаго, рабски покорнаго своей судьбѣ народа трудно было ожидать твердой рѣшимости поспѣдовать примѣру своихъ предковъ; если калмыки и „храбрились,“ указывая на примѣръ выселенія кавказскихъ горцевъ въ Стамбулъ, то этимъ они только подбодряли себя, желая показать, что и они не манекены.... Тѣмъ не менѣе, хотя калмыки и не „черкесы,“ все таки могли произойти очень и очень нежелательныя осложненія со скверными послѣдствіями для народа, если бы броженіе это не прекратилось встать подоспѣвшимъ объявленіемъ закона 15 марта 1892 г., по которому „калмыки простолюдины“ освобождались отъ обязательныхъ отношеній къ своему привилегированному сословію и въ своихъ правахъ сравнивались со свободными сельскими обывателями.—Законъ этотъ далъ новый толчекъ предположеніямъ калмыковъ:—

Ознакомившись съ упомянутымъ закономъ, калмыки начали понимать, что всѣ страхи ихъ были напрасны, что нѣтъ „приказа“—ни хрестить ихъ насильно, ни въ солдаты отдавать; ни земли не отбираютъ, ни русскими не называютъ; не трогаютъ и хуруловъ, а только *нойоны* и *зайсаны* разъ на всегда лишаются права собирать съ народа албанъ въ свою пользу, устраняются отъ административной и всякой другой власти надъ народомъ и дѣлаются совершенно посторонними людьми по отношенію къ правамъ и обязанностямъ калмыковъ—изъ прежнихъ владыкъ ихъ обращаются въ ничто для формальной стороны жизни и даже уравниваются съ

ними *въ правахъ, какъ со свободными гражданами.*—Словомъ,— наступилъ только конецъ юридическому рабству во всѣхъ его проявленіяхъ. Самъ же народъ, получая свободу и права, не лишается *прежнихъ своихъ льготъ по владѣнію землей, по самоуправленію и не привлекается къ отбыванію воинской повинности натурой.*“

Кажется все просто, ясно и удобопонятно. Тѣмъ не менѣе, *религіозныя процессіи* и иные воздѣйствія на калмыковъ со стороны не желавшихъ новаго закона не прошли бесслѣдно и заявили о себѣ даже въ такую торжественную минуту, какъ объявленіе самаго закона. Въ день объявленія закона собрана была масса калмыковъ. Послѣ „служенія,“ совершеннаго по желанію главнаго пристава даже съ „конемъ и всадникомъ его,“ послѣ обѣда, рѣчей, выпивки и проч.— калмыки все таки, выслушавъ всѣ „теплыя“ слова и начальственныя пожеланія—*обратились къ главному приставу съ просьбой: нельзя ли составить общественный приговоръ, чтобы все осталось по старому. „Дѣлсти слишкомъ льтъ... нами отцы.... дѣды.... пра“.... слышалось со всѣхъ сторонъ.*

Но это было уже предсмертной всплывшей желаній окончательно потерявшихъ свои права и привилегіи. Жаль только, что главный приставъ позволилъ себѣ не принять подававшегося ему прошенія отъ имени калмыковъ о восстановленіи правъ нойона и вообще объ отмѣнѣ закона 15 марта 1892 г. Жаль во первыхъ потому, что многіе убѣдились бы въ бесполезности „праздничныхъ“ разглагольствованій, красивыхъ по формѣ и безсодержательныхъ по существу; а во вторыхъ, и особенно потому, что прошеніе это было бы въ своемъ родѣ важнымъ историческимъ документомъ—не въ смыслѣ выражителя дѣйствительныхъ желаній калмыковъ и ихъ чувствъ къ нойону и зайсангамъ,—даже и не въ смыслѣ показателя пониманія народомъ значенія въ его бытѣ только что совершившагося факта—нѣтъ, прошеніе это явилось соломиньей, за которую силлось ухватиться утонувшее прошлое нойоновъ и зайсанговъ, соломиньей, предусмотрительно приготовленной ими отъ имени бывшихъ ихъ рабовъ—это одна сторона

дѣла. Съ другой же фактъ подачи калмыками прошенія ясно свидѣтельствовали объ умѣннѣ улусныхъ властей обращаться съ народомъ, „вдѣлблнзвть ему пониманіе,“ говорилъ объ ихъ авторитетности, значеніи и довѣрїи къ нимъ. Въ подачѣ прошенія вылилось все прошлое отношеній къ калмыкамъ приставовъ и попечителей и вполне заслуженно поставило ихъ въ комическое положеніе въ самую, такъ сказать, патетическую минуту ихъ фигурированія предъ народомъ.....

Затѣмъ—соломинка эта сожглась бы самими калмыками вскорѣ же послѣ объявленія „закона,“ если бы объявившіе его имѣли осторожность не допустить въ день объявленія безтактности, повлекшей за собой недовольство калмыковъ, разны^е кривотолки и протесты, конми впоследствии и сумѣли воспользоваться недовольные. Безтактность же эта настолько важна по своимъ послѣдствіямъ, что ми о ней не умолчимъ. Состояла она, во первыхъ, въ рѣчахъ, въ конхъ „начальство,“ несмотря на болѣзненную подозрительность калмыковъ, сразу заговорило о крещеніи, солдатчинѣ и пр.; во вторыхъ, устроители „общественнаго обѣда“ слишкомъ понадѣялись на безаппелляціонность своего авторитета, простоту калмыковъ и послушаніе приказамъ. Понадѣявшись же, самовольно, не имѣя на то права, всѣ расходы по устройству „обѣда“ отнесли на счетъ общества, даже не предваривъ его о томъ и не спросивъ согласія, но, дабы оформить расходъ и законно вывести его по приходо-расходнымъ книгамъ, велѣли составить общественные приговоры. Такимъ исходомъ дѣла общество калмыковъ поставлено было въ тупикъ потому, что всѣ думали и были увѣрены въ томъ, что ихъ угощаютъ не на общественныя деньги. Думать же такъ калмыки имѣли основаніе, благодаря прозрачнымъ начальственнымъ намекамъ на то въ день обѣда.—

Разочаровавшись въ увѣренности, что „на даровщину пообѣдали,“ калмыки начали роптать, и ропотъ свой часть болѣе смѣлыхъ родовыхъ обществъ облекла въ общественные приговоры, конми прямо отказывалась „платить за угощеніе“ и смѣло высказывала недоумѣніе—почему раньше не спросили

ихъ — „желаетъ ли народъ тратиться на угощеніе?“ Вышло непріятное *qui pro quo*... Въ концѣ концовъ власть взяла, разумеется, свое. Но въ народѣ пошла молва: „такъ съ нами всегда поступаютъ; что хотятъ, то и дѣлаютъ... Теперь кой-кого нѣтъ и защититъ некому... кто поддержитъ старину?“ Благодаря такому исходу „угощенія“, калмыки не избавились и отъ ироническихъ замѣчаній со стороны своихъ сородичей, не бывшихъ на торжественъ. А что? Хорошо угостили васъ? Платитесь-ка теперь!“ Въ этой бестактности вскорѣ же прибавилась еще худшая — именно, не давши народу одуматься и осмотрѣться, понять суть своего новаго положенія; не давши улечься взбудораженнымъ страстямъ, успокоиться отъ вольныхъ и невольныхъ волненій и притупиться вниманію къ самымъ разнообразнымъ, въ большинствѣ негнѣшимъ, слухамъ, — главный приставъ рѣшился наложить свое *veto* на полученіе самими калмыками доходовъ съ отведенной въ ихъ пользованіе земли и на право распоряжаться по своему желанію не только излишкомъ ея, но даже и *пайками*. Врелныя послѣдствія такого распоряженія не только перепутали, какъ увидимъ, всѣ экономическіе устои быта калмыковъ, поставили ихъ во враждебныя отношенія къ русскому сосѣднему населенію, съ коимъ связаны были интересы первыхъ, и перепутали всѣ ихъ долговныя обязательства, но и заставили задуматься надъ своею дальнѣйшею участію, ибо обычный источникъ средствъ къ жизни взмахомъ пера вырванъ былъ изъ рукъ народа и калмыки окончательно сѣли на мель. Лишившись же правъ распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, народъ невольно поставилъ себѣ подсказанный другими (а можетъ быть и самъ по себѣ) вопросъ: „позволятъ ли ѣсть, что хочется и когда хочется; не заставятъ ли переменить покрой одежды? Не запечатаютъ ли хурулы?“... Пошли толки, что „если бы мы были, то не было бы этого.“ Народъ вновь остановился на своемъ прошломъ; рѣшилъ, что пережитое не такъ страшно, какъ грядущее невѣдомое, вновь возложилъ свои упованія на „воя и всадника“, забылъ прежнія

обиды.... и прикнужъ въ „депутаціи въ Петербургъ“; да же, въ улусѣ началось открытое высказываніе недовольства „установленнымъ порядкомъ“ и сожалѣніе о „добромъ старомъ времени.“ А такъ какъ выше указанная вами „мѣра“ главнаго пристава составляетъ, если можно такъ выразиться, эру въ экономической жизни калмыковъ, то мы подробно и рассмотримъ ее, когда будемъ говорить о способахъ пользованія калмыками землей; теперь же окончимъ рассказъ о нойонахъ и зайсангахъ.

Благодаря разнымъ „ошибкамъ“ и преждевременности нѣкоторыхъ мѣръ, настойчиво проводимыхъ въ бытѣ калмыковъ, вліяніе привилегированнаго сословія на простолюдиновъ пока еще не устранено и только формально оно „отторгнуто“ отъ послѣднихъ. Тѣсная связь эта будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока улусная администрація не будетъ замѣнена другимъ, болѣе подходящимъ органомъ управленія, не имѣющимъ ничего общаго съ институтомъ главныхъ приставовъ, попечителей и т. п. Новый органъ управленія навѣрное пойметъ, что и калмыки имѣютъ права, умѣютъ имѣть законныя желанія и не нуждаются въ нянькахъ типа нойоновъ и попечителей съ главнымъ приставомъ во главѣ, пойметъ, что излишне строгая опека убиваетъ энергію, инициативу, предприимчивость и вообще расслабляюще вліяетъ на волю и умъ.... Въ чему давать право примѣнять поговорку: „изъ огня да въ полымя“.....

Не безынтересно знать, что закономъ 15 марта 1892 г. калмыки освободились отъ привилегированнаго сословія чрезъ посредство выкупа съ уплатой нойону около семидесяти тысячъ рублей, т. е. суммы, составляющей пятилѣтнюю сложность ежегодно получавшагося имъ албана; таковой же точно расчетъ произведенъ былъ и зайсангамъ, сообразно съ причитавшимся имъ албаномъ. Но получили выкупъ только аймачные зайсаны, т. е. тѣ, которые владѣли родами. Кромѣ выкупа, еще въ 1871 году нойонъ получилъ земельный надѣлъ въ 1775 десятинъ, аймачные же зайсанги по 400 д. и безъ-

аймачные по 200 д. на душу. Выкупные деньги уплачены, какъ уже говорилось, не изъ государственнаго казначейства, а изъ калмыцкаго общественнаго капитала,—иными словами калмыки сами себя выкупили, что съ большимъ успѣхомъ можно было бы сдѣлать и гораздо раньше....

Что же касается земли, отведенной нойону и зайсангамъ въ нихъ *пользованіе*, то вопросъ о ней еще не оконченъ, почему и неизвѣстно, признаются ли права на нее потомственными или же она останется во временномъ пользованіи.

Въ виду нерѣшенности вопроса о правахъ на землю позволимъ себѣ высказаться, что, по нашему мнѣнію, усадебная земля должна быть потомственной, остальная же только во временномъ пользованіи,—иначе за что же данъ выкупъ? Одно что нибудь—или земля, или деньги. Положимъ, оставить привилегированное сословіе совсѣмъ безъ земли нельзя. Тогда пусть оно получитъ такой же душевой надѣлъ, какъ и прочіе калмыки. Вѣдь уравнили же нойоновъ и зайсанговъ съ „простолюдными“ въ дѣлѣ взноса „подымной подати“—тѣ и другіе теперь одинаково вносятъ по шести рублей въ годъ съ *кибитки*, а не съ *имущества*. Почему же не уравнять и въ правахъ на землю? За что давать ей больше, да еще въ такомъ не пропорціонально громадномъ количествѣ? Въ уравненіи правъ на одинаковое количество земли всѣхъ безъ исключенія калмыковъ справедливость ни въ какомъ отношеніи не была бы нарушена. Земля не есть—ни родовая, ни жалованная, ни благопріобрѣтенная, а данная въ 1871 году *во временное пользованіе*. Слѣдовательно, въ признаніи временности правъ на землю и въ незакрѣпленіи ея за потомствомъ бывшаго привилегированнаго сословія нигдѣ и ни въ чемъ не будетъ посягательства *на чужія права собственности*, ибо всѣ калмыки пока имѣютъ только временныя права пользованія занимаемой ими землей. Зачѣмъ же допускать исключеніе для бывшихъ нойоновъ и зайсанговъ? Справедливость заставляетъ предполагать, что такъ и будетъ поступлено, тѣмъ болѣе, что не придется—ни уничтожать документовъ,

ни считать ихъ недѣйствительными, ибо никакихъ документовъ на эту землю, говорящихъ о потомственности правъ на нее—нѣтъ и не было.

Закончимъ курьезомъ. Закономъ 15 марта привилегированное сословіе привлечено ко взносу въ казну податей наравнѣ съ простолюдинами и по одинаковому съ ними окладу (6 р. въ годъ). Такое уравненіе показалось обиднымъ для „сословія“, какъ бы унижающимъ его достоинство по происхожденію. „Какъ! нойона, его сіятельство! насъ, зайсанговъ! и пр. сравнять съ простолюдинами?“ „Да берите съ насъ вдвое, втрое, только отличите насъ“....

Такъ говорили обиженные и въ такомъ смыслѣ возбудили ходатайство предъ министромъ государственныхъ имуществъ; для поддержанія же ходатайства послали ходочковъ въ Петербургъ. Но, какъ и слѣдовало того ожидать, ходатайство окончилось ничѣмъ, хотя и не угомонило разгнѣваннаго самолюбія не славныхъ потомковъ славной и могучей когда то орды Чингисъ-хана.

Такъ миновала власть и богатство порабитителей калмыцкаго народа и есть надежда, что съ уничтоженіемъ разныхъ инородческихъ приставовъ калмыки стряхнутъ съ себя плѣсень проплага. Избавившись же отъ ненужныхъ, но самолюбивыхъ и властолюбивыхъ мундирныхъ нянекъ, они вскорѣ уравняются съ крестьянами, и затѣмъ умѣло и охотно приналягутъ на землю, въ обработкѣ которой ихъ спасеніе.....

Обратимся теперь къ калмыцкой чиновной администраціи и посмотримъ, что она сдѣлала и какъ относилась къ калмыкамъ.

V.

Законъ 15 марта 1892 г., похоронивъ власть и права нойоновъ и зайсанговъ по отношенію къ калмыкамъ, нисколько не коснулся административнаго управленія ими,—оно во всѣхъ

частяхъ своихъ осталось прежнимъ, покоящимся на „Положеніи объ управленіи калмыками,“ изданномъ въ 1847 году, и только усилилъ и расширилъ права попечителя улуса передачей ему обязанностей воёныа. Въмѣсто послѣдняго во главѣ улуснаго управленія сталъ попечитель улуса и два его помощника.

„Положеніемъ“ 1847 года кругъ дѣятельности попечителя улуса и его помощника сводился главнымъ образомъ къ чисто полицейскимъ обязанностямъ. Громкое же и многозначное названіе должности: „попечитель“ въ существѣ дѣла оставался пустымъ звукомъ. И это потому, что тѣмъ же „положеніемъ“ воёноу предоставлено было право предсѣдательства въ улусномъ управленіи и вмѣнялось въ прямую и непосредственную его обязанность: „вѣдать калмыцкими землями, распорядиться мѣстами кочевыхъ стойбищъ, заботиться о продовольствіи народа, развитіи скотоводства, склоненіи калмыковъ къ осѣдлой жизни и занятію земледѣліемъ, ходатайствовать объ удовлетвореніи ихъ законныхъ нуждъ, увеличивать общественный капиталъ, заботиться о благосостояніи народа и добромъ его поведеніи“. Словомъ, вся судьба народа и по преимуществу экономическое его положеніе находились въ рукахъ воёныа; попечитель же улуса являлся какъ бы чѣмъ то придаточнымъ къ воёноу, со второстепенными, мало значащими правами, и могъ дѣйствовать не иначе, какъ по совѣту съ воёноу, но только съ правомъ входить въ критическую оцѣнку „дѣйствій“ его, „несогласныхъ съ закономъ,“ о чемъ и доносить высшему начальству. Иначе говоря, попечителю вмѣнялось въ обязанность быть улуснымъ „недреманнымъ окомъ,“ долженствующимъ зорко смотрѣть за всѣмъ, что дѣлается въ улусѣ, и если этому недреманному оку приходилось узрѣть что либо несуразное и противное законамъ, оно должно было спѣшить съ „доношеніемъ,“ „дабы тѣмъ оградить интересы народа и предотвратить могущіе быть ущербы казнѣ.“ Роль незавидная, если смотрѣть на нее съ „формальной точки зрѣнія.“ Но при желаніи поступать нелицеприятно

и дѣйствовать не только за страхъ, но и за совѣсть—попечитель, помимо его чисто полицейскихъ обязанностей, могъ многое дѣлать и въ пользу, и во вредъ калмыкамъ, могъ быть дѣйствительнымъ ихъ попечителемъ и ограждать интересы народа отъ произвола ноионовъ и зайсанговъ. Оставляя въ сторонѣ форму и основываясь на точномъ смыслѣ „Положенія“ 1847 года, попечитель сосредоточивалъ въ лицѣ своемъ и мирового посредника, и нотариуса ¹⁾, до введенія же судебной реформы въ Ставропольской губерніи онъ былъ и мировымъ судьей по „смѣшаннымъ“ дѣламъ (т. е. въ тяжбахъ калмыковъ съ русскими), и судебнымъ слѣдователемъ. Но на бѣду калмыковъ улусное око всегда было вообще подслѣповато и обладало способностію зорко видѣть только свою пользу. Что же касается полицейскихъ дѣлъ, то въ сферѣ ихъ попечитель пользовался совершенно независимой отъ ноиона властью, и раздѣлялъ такую со своимъ помощникомъ, не имѣвшимъ никакого самостоятельнаго значенія въ улусѣ.

Загѣмъ въ штатѣ улуснаго управленія состоялъ и состоятъ еще письмоводитель, писецъ, письменный переводчикъ и толмачъ.

О письмоводителѣ говоритъ нечего, обязанность его одинакова во всѣхъ канцеляріяхъ. Но зачѣмъ „сін два“: толмачъ и письменный переводчикъ? Выходитъ, какъ будто одинъ пишетъ и переводитъ, а другой толмачитъ переведенное. Интереснѣе же всего то, что много уже лѣтъ служащій при управленіи толмачъ ни одного слова не знаетъ по калмыцки.

Всѣ „чины улуснаго управленія“ въ матеріальномъ отношеніи болѣе чѣмъ обезпечены. Такъ, попечитель улуса получаетъ до 1800 р. въ годъ, его помощникъ около 1200 руб., письмоводитель до 600, писцы и толмачи отъ 25 р. до 40 р. въ мѣсяцъ. Весь этотъ расходъ пополнялся изъ калмыцкаго

---

¹⁾ Договоры, не засвидѣтельствованные въ улусномъ управленіи, равно и контракты, считаются не дѣйствительными и не должны быть свидѣтельствомъ нотариуса.

общественнаго капитала; изъ него же черпались средства и на всѣ другіе расходы по содержанію улуснаго управленія и канцеляріи его, такъ что собственно казны казны и управленіе ими ничего не стоило.

Къ числу улусной администраціи, хотя уже и не чиновной, слѣдуетъ отнести также и родовыхъ писарей, получающихъ отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ.

Затѣмъ верховнымъ жрецомъ всей этой „улусно-полицейской команды“ состоитъ главный приставъ, живущій въ Ставрополь-Кавказскомъ и завѣдующій также „магометанскими народами, кочующими въ предѣлахъ Ставропольской губерніи“, какъ то: эдсандами, эдишкульцами и др. Права и обязанности главнаго пристава можно точно обозначить слѣдующими немногими словами: „надзирать, направлять, разрѣшать, карать, охранять и сохранять“. Охраняетъ онъ одни общественные капиталы, всѣ же остальные обязанности сводятся къ операциямъ надъ народами и „чинами“. За исполненіе этихъ обязанностей онъ получаетъ до пяти тысячъ рублей въ годъ изъ общественныхъ суммъ. Жалованье огромное и.... напрасное. Вообще всѣ служащіе въ инородческомъ управленіи получаютъ, какъ говорятъ ставропольцы, „не русскіе, а инородческіе оклады“.

Оставляя въ сторонѣ помощниковъ попечителя улуса и ниже ихъ стоящихъ на улусной служебно-іерархической лѣстницѣ, по причинѣ несамостоятельности круга ихъ дѣйствій, обратимся къ попечителю улуса—не какъ къ лицу, а какъ къ должности. Эта оговорка необходима, ибо мѣткое замѣчаніе Гоголя, что стоитъ произнести печатно бранное слово и навѣрное найдется кто либо изъ желающихъ принять его на свой счетъ—и теперь справедливо. Итакъ, мы будемъ говорить о должности, а не о лицахъ.

Въ долгій періодъ господства нойоновъ, въ особенности до 1871 года (до разверстки земель), попечителю улуса жилось хорошо, даже очень хорошо. По словамъ зваточковъ ихъ жизни выходитъ, что у нихъ каждый день была масляница и затѣмъ

во всю послѣдующую свою жизнь они не знали поста, если были умны и хранили масло и сыръ про черный день. Единственно, что дѣлало порой масло горькимъ и сыръ соленымъ, это неизбежныя столкновения съ войномъ и зависимость отъ него, если и не служебная, то чрезъ посредство „вліяній въ губерніи“. Суть въ томъ, что, по служебному своему положенію, попечитель долженъ былъ быть, какъ мы уже сказали, „недреманнымъ окомъ“, что войнамъ не всегда было по нутру. Для того же, чтобы „дѣло“ шло на ладъ, попечителю, если онъ былъ не врагъ себѣ и не „разоритель семьи“, приходилось входить въ сдѣлку со многими изъ нравственныхъ требованій и заключать нѣмое, но выгодное по своимъ послѣдствіямъ, соглашеніе съ войномъ—вродѣ, напримѣръ, такого: „Ты молчи и закрой око“, мимически показывая войонъ попечителю, „и благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь въ улусѣ“.

„Ладно! не мѣшай только пахтать масло“, отвѣчалъ попечитель, „да хвали меня гдѣ слѣдуетъ“.

Исторія попечителей свидѣтельствуетъ, что почти всѣ они не были себѣ врагами, имѣли здравый умъ, практическую сметку, почему и предпочитали лучше дремать, нежели вытаращивать глаза и входить въ пререканія съ войнами. Къ тому же послѣднее было весьма и весьма опасно. Войонъ получалъ болѣе двѣдцати тысячъ рублей въ годъ, дохода этого не могъ лишиться, пользовался полной доступностію во всѣхъ „домахъ“, имѣлъ вѣсь въ губерніи и слово его принималось въ резонъ. А все это были настолько вѣскія дѣянія, что попечителю, какъ чиновнику, притомъ не сановному, трудно было бороться съ войномъ и идти наперекоръ его желаніямъ. На случай же пробужденія недреманнаго ока и помѣхи въ чемъ либо, войонъ имѣлъ полную возможность заглѣпнуть око и сдѣлать его на вѣки безвреднымъ для себя. Соображался съ этимъ, попечитель обыкновенно смирался,—особенно на первыхъ порахъ службы въ улусѣ, не перечилъ войонамъ, не раздражалъ ихъ самолюбія и... благо ему было.

Но такъ ужъ устроенъ человекъ, что чуть только онъ „оперится“ и почувствуетъ ожирѣніе кармана, какъ и начнетъ колобродить. Истина эта оправдывалась, между прочимъ, почти на всѣхъ попечителяхъ, бывшихъ въ улусѣ. „Поджившиися“ (такъ характеризуютъ мѣстные обыватели результатъ взятокъ) и „насытившиися“, даже и не всегда „до отвала“, всѣ они кончали „подриваніемъ корня“—иначе говоря, такъ или иначе начинали ссориться съ ноёонами, „подкапываться подъ нихъ“ и заявлять кстати и не кстати о томъ, что, у нихъ есть чиновничье самолюбіе и зашвышшее чужимъ жиромъ понятіе о „чести мундира“. Понятно, что изъ такихъ „пререканій“ съ ноёонами толку для народа не выходило и попечители, по настоянію ноёоновъ, такъ или иначе „вылетали изъ улуса“. Одинъ же изъ нихъ, выражаясь мѣстнымъ жаргономъ, даже былъ набитъ калмыками, но уже по собственной инициативѣ послѣднихъ, безъ всякаго въ томъ участія привилегированнаго сословія.

Вообще говоря, причиной ссоръ ноёоновъ съ попечителями улуса было отнюдь не „стояніе ихъ на стражѣ калмыцкихъ интересовъ“—нѣтъ. „Соблюденіе закона и защита народа отъ притѣсненій“ служили только канвой, на которой плелись, сплетались и переплетались личныя страсти, мелкое самолюбіе, зависть къ „наживѣ“ другого, „поддѣвка“ другъ друга на почвѣ взяточничества и другихъ хищеній. Затѣмъ съ теченіемъ времени личныя недоразумѣнія и недовольство переходили въ ссору, оканчивавшуюся традиціоннымъ: „мы съ вами служить вмѣстѣ не можемъ“. Народъ же, его интересы, защита отъ несправедливостей и забота объ его благосостояніи въ ссорахъ попечителей съ ноёонами не играли никакой роли.

Судя по воспоминаніямъ калмыковъ и, съ не меньшей достовѣрностью, по рассказамъ арендаторовъ калмыцкой земли—попечители никогда не были для калмыковъ *помочикислами* въ томъ смыслѣ, какъ понималъ и понимаетъ эту должность законъ и какъ слѣдуетъ понимать, зная значеніе этого слова. По общему отъзыву всѣхъ и каждого, попечители улуса считали

ниже своего достоинства заговаривать съ калмыками человѣческимъ языкомъ. Брань, кулаки, плети, казачьи нагайки, „сидѣніе въ казармѣ“, оплеухи и „затрещины“ „по поводу и безъ онаго“—вотъ что „преподносилось твари“ (мѣстное выраженіе) вмѣсто „языка“ при всѣхъ сношеніяхъ съ народомъ. Особенно же памятно народу „сидѣніе въ казармахъ“, о которомъ калмыки безъ нервнаго содраганія и вспомнить не могутъ; по ихъ словамъ, за часъ „сидѣнія“ въ казачьей казармѣ они готовы были заплатить годомъ тюремнаго заключенія, до того оно было ужасно.

Разскажемъ о немъ.

При улусномъ управленіи, расположенномъ на самой отдаленнѣйшей окраинѣ Больше-Дербетскаго улуса, именно въ селѣ Ивановкѣ, устроены были казачьи казармы для помѣщенія казаковъ, высылаемыхъ въ улусъ изъ Кубанской области для отправленія военно-полицейской службы. Казаки всегда были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ попечителей улуса, всякое приказаніе ихъ исполнялось *точно*, несмотря ни на противозаконность его, ни на жестокость. Такъ вотъ, если бывало калмыкъ въ чемъ либо провинится или же только будетъ заподозрѣнъ въ совершеніи преступленія, даже и безъ основаній къ тому, то его вызывали въ улусное управленіе и, въ случаѣ „*амирательства*“, посылали „*одуматься*“ и „*подумать*“ въ казарму. Казаки же хорошо знали, что нужно дѣлать съ присланнымъ къ нимъ калмыкомъ. Такого несчастья не только были и встязали, но и всячески надѣвались надъ нимъ... Не было той жестокости, не было той „издѣвки“ и „надругательства“, котораго не производили бы надъ калмыками тароватне на это казаки, видѣвшіе въ лицѣ своей жертвы—не равнаго себѣ человѣка, а *жарь*, мучить которую они не считали для себя ни грѣхомъ, ни жестокостью. Истинно звѣрская жестокость казаковъ и теперь еще съ болью въ сердцѣ отзывается у калмыковъ при воспоминаніяхъ о „казарменной бивальщинѣ“.

Все искусство въ истязаніяхъ надъ „тварью“ должно было состоять въ томъ, чтобы не оставалось на тѣлѣ „знаковъ“, кои могли бы изобличить казаковъ,—разумѣется не предъ попечителями, а такъ, на всякій случай,—въ томъ, что они „продѣлывали“ съ тварью.

Понятно, что послѣ такой „побивки“ въ казармѣ, калмыкъ „одумывался“ и, лишь бы избавиться отъ казармы и сдѣлать въ ней, *охоотно* возводилъ на себя все, что нужно было и угодно попечителю и *сознавала* въ совершеніи такихъ преступленій, о коихъ и понятія не имѣлъ. Но попечителямъ не было дѣла до того, правдивы ли показанія, сдѣланныя подъ страхомъ и болью отъ истязаній; имъ нужно было только то, чтобы преступникъ былъ на лицо и сознался въ совершеніи взводимаго на него преступленія. Нужно же это было для того, чтобы официально доказать, что *власть не бездѣйствуетъ, напротивъ энергично заботится о раскрытіи преступленій, предупрежденіи и пресѣченіи ихъ*. Затѣмъ, если на судѣ калмыкъ и отказывался отъ своихъ показаній, придуманныхъ имъ въ казачьей казармѣ,—не бѣда. „*Вся калмыки и всегда врутъ; воры же они завѣдомые*“—вотъ конекъ, на которомъ попечители всегда и выѣзжали благополучно, не спотыкаясь на обвиненія ихъ калмыками въ жестокостяхъ и истязаніяхъ.

„Въ зубы ему, вору, въ зубы дать бы, да хорошенько—тогда онъ и сознался бы... А то нѣжности!.. Вы, Джембиновъ, что скажете?... вы, Сокогоровъ, что знаете?... Да развѣ можно такъ обращаться съ тварью?“

Такъ и въ такихъ словахъ негодовали попечители улуса, присутствуя въ окружномъ судѣ въ качествѣ свидѣтелей по калмыцкимъ дѣламъ, и почти вслухъ высказывали свое *негодование на мягкое обращеніе членовъ суда съ „калмыцкой тварью“*; мало этого, въ этой *мягкости обращенія* видѣли потворство преступленіямъ и убѣждали другихъ, что *судъ мѣшаетъ имъ, попечителямъ, искоренять преступленія въ улусѣ*.

„Если бы и на судѣ, какъ въ улуcѣ, трещали ка-
мыцкіе зубы и скулы и трещали бы за все, за самагдѣйшіе
пустяки, тогда дѣло другое. Можно было бы бороться съ
„поганью“ и выбить изъ нея привычку воровать“....

Эта теорія искорененія преступленій вседѣло царилъ въ
улуcѣ. Били калмыковъ и войны, и попечители улуса, и ихъ
помощники, и писаря; съ ихъ же *лежкой руки* били и всѣ,
кто только хотѣлъ, такъ что, по словамъ самихъ же калмы-
ковъ, не билъ ихъ только лѣнливый. Отъ вараочитыхъ же жалобъ
начальству, кромѣ заявленій у „мирового“, на побой, калмыки
положительно отучены и даже со страхомъ помышляютъ о нихъ,
ибо изъ горькаго опыта знаютъ, что имъ своей же „шкурой“
придется отвѣчать за подачу „*моршени*“ (прошеній).

Мы уже упоминали о томъ, что за послѣднее время не
было случая, чтобы кто либо—не только изъ попечителей
улуса, но даже и изъ частныхъ лицъ,—отвѣтилъ за побой
калмыковъ. Начиная съ самаго отдаленнаго прошлаго, калмыки
знаютъ только одинъ случай, когда помощникъ попечителя
улуса А. былъ сосланъ въ Сибирь за то, что до смерти
„*засякъ подъ розами*“ одного изъ нихъ. Другой же случай
жалобы, тоже на „помощника“ Р. главноначальствующему
на Кавказѣ за истязанія и побой—окончился ничѣмъ. Дѣло
затерли, замазали, исказили и виновникъ оказался кроткимъ
агнцемъ. Если же письмоводитель Я. и заплатилъ по при-
говору мирового судьи сто рублей калмыку за побой, то это
исключительный случай, исключительный потому, что Я. никто
не захотѣлъ *поддержать*. И только недавно, именно въ 1893
году, попечитель улуса Г. въ своихъ истязаніяхъ калмыковъ
настолько перешелъ всѣ возможныя границы, что дѣло о немъ
не могло быть *скрыто*, почему и попало въ руки судебного
слѣдователя. Исхода его мы не знаемъ, но оно такъ харак-
терно и настолько, повидимому, неправдоподобно, что мы
считаемъ нужнымъ предать его гласности, не сгушая, а
напротивъ, смягчая краски.

Въ 1893 году калмыки Пиктукунова рода, нуждаясь въ деньгахъ на покупку корма для скота, который въ ту необычайно суровую зиму, со страшными ея вьюгами и метелями, массама пропадалъ съ холода и голода, — твердо рѣшили не вносить въ улусное управление для храненія собственныхъ своихъ денегъ, слѣдуемыхъ имъ съ арендаторовъ за землю, на что, разумѣется, и имѣли безспорное право. Попечитель же улуса Г., несмотря на всю очевидность нужди народа въ деньгахъ, настаивалъ на своемъ и, опираясь на распоряженіе главнаго пристава, требовалъ отъ калмыковъ и ихъ арендаторовъ, чтобы деньги были отданы ему. Послѣ неоднократныхъ, но безуспѣшныхъ пререканій, попечитель созвалъ общественный сходъ. А такъ какъ калмыки и на сходѣ заявили, что они не могутъ дать нужныхъ имъ денегъ и не понимаютъ даже права, по которому хотѣли отобрать отъ нихъ изъ же собственныхъ денегъ, то Г. вмѣсто того, чтобы разъяснить калмыкамъ смыслъ своихъ требованій и сказать имъ что либо болѣе разумное, чѣмъ: „такъ требуетъ главный приставъ, а вы должны подчиниться и выворачивать свои карманы, а не рассуждать о какихъ то своихъ глупыхъ нуждахъ и правахъ на свои деньги“, — велѣлъ сходу собраться на другой день, но не предупредилъ, для чего. Собранный на завтра народъ сбился въ кучу вызванные ночью казаки. На вопросъ Г., „желаютъ ли отдавать деньги“, калмыки скромно заявили, что не могутъ — иначе „лишимся скота и сами голодны будемъ“. Слова эти показались возмущеніемъ и Г. велѣлъ казакамъ обнажить шашки и „взять подлую тварь въ нагайки“. Приказъ былъ въ точности исполненъ. Несмотря на то, что струсившіе калмыки не оказывали никакого „сопротивленія“, — казаки все таки „аттавовали“ ихъ, взбили нагайками и исполосовали саблями, одному же изъ нихъ даже ранили лицо. При этомъ самъ Г., не отставалъ отъ казаковъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ избіеніи „паршивцевъ“, т. е. калмыковъ. Мало этого, въ то время, какъ казаки громили „поганцевъ“, — Г.

успѣлъ ворваться въ хату арендатора земли, принялся кричать, грозить „казаками“ и лѣзть ко всѣмъ съ кулаками „доморды“. Словомъ, надѣлалъ такого переполоху, что одна изъ хозяекъ квартиры, женщина беременная, съ перепугу „тронувшись умомъ“ и вскорѣ же преждевременно родила.

Понятно, что послѣ такого разгрома перепуганные и избитые калмыки, арендаторъ и его семья, не только отдали Г. деньги, но готовы были отдать ему и послѣднее свое достояніе, лишь бы избавиться отъ казацкихъ нагаекъ.

Деньги получены, калмыки избиты... кажется бы и конецъ исторіи. Такъ нѣтъ же—Г. этимъ не ограничился. Онъ считалъ необходимымъ еще и арестовать старшину и двухъ „почетныхъ стариковъ“, которыхъ торжественно, какъ трофей своей побѣды, и повезъ съ собой въ г. Ставрополь-Кавказскій, чтобы посадить въ тюрьму „за бунтъ и сопротивленіе власти“. Къ счастью, губернаторъ иначе взглянулъ на дѣло; не допустилъ послѣдняго издѣвательства надъ ни въ чемъ неповинными калмыками и „арестантамъ“ дана была свобода. Поступокъ же Г. остался безнаказаннымъ и онъ продолжалъ служить попечителемъ улуса до конца іюня мѣсяца, т. е. до времени когда онъ самъ сознался главному приставу, что растратилъ казенныя деньги!.

Не правда ли, что все это настолько дико, что съ трудомъ вѣрится въ возможность такихъ фактовъ? Между тѣмъ все это было—и было, случившаяся не гдѣ нибудь въ медвѣжьемъ углу, не на окраинахъ нашихъ, а близехонько и въ 1893 году. Естественно возникаетъ вопросъ, что же раньше происходило?..

Кстати расскажем интересный конецъ службы Г. въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, такъ какъ конецъ этотъ весьма характеренъ для „попечителя“.

Растративъ около шести сотъ рублей общественныхъ калмыцкихъ денегъ, Г. въ іюль мѣсяцѣ 1893 года уѣхалъ въ г. Симферополь, а затѣмъ уже въ 1894 году ухитрился изобразить изъ себя начальника пограничной стражи,

полковника П. и по подложным ассигновкамъ на его имя пытался получить изъ армавирскаго казначейства (Кубанской области) сто тысячъ рублей изъ числа двухъ сотъ тысячъ, аккредитованныхъ на сформированіе пограничной бригады. Документы и ассигновки такъ ловко были поддѣланы, что у казначея не было основанія заподозрить Г. въ мошенничествѣ и подмогахъ, тѣмъ болѣе, что изъ г. Тифлиса отъ тамошнихъ властей получены были телеграммы, подтверждавшія фактъ необходимости выдачи денегъ, а изъ Ставропольскаго казначейства высланы деньги на усиленіе средствъ армавирскаго казначейства же. Словомъ, все подготовлено было настолько искусно, что Г. непременно получилъ бы деньги, если бы на бѣду его въ числѣ служащихъ въ армавирскомъ казначействѣ не оказался одинъ изъ товарищей ловкаго плута, который, узнавъ Г., секретно далъ знать о томъ казначею, а затѣмъ и атаману кубанскаго казачьяго войска, который немедленно и арестовалъ книмаго П.

О крайне интересныхъ подробностяхъ этого дѣла мы не будемъ говорить. Имъ переполнены всѣ кавказскія газеты за февраль и мартъ мѣсяца 1894 года.

Предъ послѣднимъ мошенничествомъ Г., разумѣется, поблѣднѣетъ на судѣ дѣло объ истязаніи имъ, чрезъ посредство казачьей команды, калмыковъ Иктукутунова рода и оно затрется „въ совокупности преступленій“ его, хотя, по нашему мнѣнію, оно важнѣе мошенничества въ армавирскомъ казначействѣ.

Говоря вообще о всѣхъ попечителяхъ Больше-Дербетскаго улуса и оставаясь только въ предѣлахъ правды, безъ преувеличенія фактовъ, нужно замѣтить, что всѣмъ имъ принималось за систему—видѣть калмыковъ всегда и во всемъ виноватыми и признавать, что несправедливыхъ жалобъ на нихъ не бываетъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, хорошо извѣстной крестьянамъ и арендаторамъ, имѣющимъ непосредственныя сношенія съ калмыками, каждый попечитель принималъ за истину всякія небывлицы отъ „жалующихся на тварь“ и, не

входя въ дальнѣйшія разбирательства, по своей расправлялся съ „ворами и мошенниками отъ чрева матери своей“, что и ставилъ себѣ въ особенную заслугу и гордился предъ другими своею строгостью, авторитетно заканчивая свои филиппики въ защиту нравственно-воспитательнаго значенія собственнаго кулака и казачьей плети—увѣреніемъ, что „иначе ничего не подѣлаешь съ этой поганью—калмыками. Слово она не понимаетъ; только кулакъ и плеть и могутъ научить ее восьмой заповѣди“...

Не ограничиваясь такъ сказать единичными, собственноличными и казарменными расправами съ „калмыцкой поганью“,—почетители и главные пристава периодически устраивали еще и „общественныя порки“, „на міру“ показывали, какъ законъ караетъ преступниковъ.

„Порки“ эти устраивались обыкновенно такъ.

Во время „служебной поѣздки главнаго пристава по кочевьямъ“ въ каждомъ родѣ, въ заранѣ назначенные для того дни, собирались общественныя сходки, на изъ однихъ только выборныхъ отъ рода, а со всего мужского взрослого населенія. На сходкахъ, въ присутствіи „всѣхъ чиновъ“ улуснаго управленія и казаковъ, сначала „разговоры разговаривались“, какъ говорятъ калмыки, знающіе русскій языкъ, или же „переливалось изъ пустого въ порожнее“, какъ отзывались о томъ же русскіе крестьяне,—и все въ „мягкомъ“, загранивающимъ тонѣ „съ посулами“. Послѣ такой предварительной подготовки, приступалось къ „вычитыванію“ калмыцкихъ злыхъ дѣяній, но уже повышеннымъ тономъ; въ концѣ причитаній объявлялось, что „проступковъ и преступленій безъ наказанія нельзя оставить“..., а посему: „такъ одумайтесь же, мы васъ оставляемъ и на время уйдемъ, потолкуйте между собой, укажите намъ порочныхъ своихъ родомичей и тогда составимъ приговоръ о наказаніи ихъ розгами, дабы это послужило добрымъ урокомъ не только для воровъ и преступниковъ, но и для всѣхъ остальныхъ, у коихъ не чиста совѣсть“.

„Ну что?.. повязи? Смотрите, чтобы не пришлось вамъ каяться, если не укажете на негодяевъ изъ вашего общества...“, грозно заканчивалось начальническое воззваніе къ „чести общества“.

Родозичи, жалѣя своихъ собратьевъ, „переминаются“, отказываются выдавать, увѣряютъ, что въ средѣ ихъ нѣтъ особенно порочныхъ членовъ, что всѣ они „богу грѣшны и начальству виноваты“, но неперемѣнно постараются исправиться къ лучшему и т. д.

Такия „отнѣкиванія“ раздражаютъ начальство и оно уже гнѣвно, съ „прискокомъ“ и внушительными жестами замѣчаетъ:

„Напрасно время теряете. Мы знаемъ, кто изъ васъ воры и таковыхъ сами накажемъ; но тогда вамъ же всѣмъ хуже будетъ. Сгонять ваши кибитки въ одну кучу, поставить казаковъ и нигуда никого не будутъ отпускать. Одумайтесь. И безъ вашего приговора имѣемъ право выпоротъ, кого захотимъ, ибо *вы все воры назолю*.—Но вамъ же лучше будетъ, если вы сами укажете своихъ негодяевъ. Это будетъ свидѣтельствомъ о томъ, что среди васъ нѣтъ потворщиковъ ворамъ и мошенникамъ, что сами вы способны къ исправленію и поймаете, что законъ запрещаетъ укрывать преступниковъ“ и пр. въ этомъ же родѣ. Калмыки убѣждаются, наконецъ, въ томъ, что имъ нѣтъ возможности отклонить бѣду, что милости имъ никакой не будетъ и по общему между собой совѣту избираютъ изъ среды своей двѣ три жертвы искупленія винъ всего рода и обрекаютъ ихъ на удовлетвореніе начальническихъ понятій „*объ искорененіи зла въ народѣ и держаніи его въ почтительномъ страхѣ и увѣренности, что законъ не дремлетъ и власти бдятъ, стоя на стражѣ его*“. Быть можетъ, калмыки были бы и устойчивѣе въ дѣлѣ защиты своихъ собратьевъ отъ розогъ, но угроза „сбить“ кибитки въ одно мѣсто всегда оказываетъ сильное давленіе на рѣшительность отказа въ выдачѣ „виновныхъ“. Сборъ кибитокъ въ „кучу“ равносильна обреченію народа на голодъ, въ особен-

ности гѣтомъ.—Колодець нѣтъ, корма для скота тоже; отлучаться изъ хотона не смѣй, если не отпустить начальство—словомъ, томись безъ воды и пищи скотъ и люди. Во избѣжаніе такой перспективы, не разъ уже извѣданной калмыками, волей—неволей обществу, дабы не страдать массою, приходится удовлетворять требованію начальства и указывать, какъ на воровъ, на безотвѣтныхъ своихъ членовъ, по преимуществу бѣдняковъ, наказаніемъ которыхъ пріобрѣтается общественное спокойствіе и нествѣсенная жизнь.

Выдачей „негодяевъ“ начальство остается довольнымъ и даже не интересуется узнать ихъ *curriculum vitae*, а просто велитъ попечителю улуса „начернить“ общественный приговоръ о желаніи наказать розгами воровъ, проредактируетъ его, исправитъ текстъ, въ мѣстахъ, гдѣ не сильно отѣвнены причины наказанія, сдѣлаетъ добавленія и со словомъ: „валайте“ отдастъ писарю „набѣлить“, т. е. переписать приговоръ „начисто“; покуда же писарь пишетъ... „по сему, по общему нашему согласію, мы единогласно приговорили подвергнуть такихъ то двадцати пяти ударамъ розогъ...“, на сцену являются казаки и стелется солома, на которой по очереди и распластываются обреченные на истязаніе. По обѣимъ сторонамъ обваженной части гѣла становятся казаки съ пучками розогъ и по командѣ „ассистента экзекуціи“, мѣрно, не торопясь, дабы ассистентъ не сбился со счета, хлещутъ по нимъ въ чемъ не повинному гѣлу. Раздается отвратительный свистъ розогъ и жалобный стонъ жертвы, но ассистента это не смущаетъ; свистъ и стонъ не отзывается болѣзненно въ сердцѣ его; напротивъ, онъ какъ бы съ особеннымъ смакомъ считаетъ удары и при этомъ, приказывая казакамъ бить „порѣже, да покрѣпче надавать“, „вычитываетъ“ вини наказуемаго. Но в этого мало,—считающій удары розогъ умышленно сбивается со счета и ошибку свою поправляетъ злораднымъ приговариваніемъ:

„А это тебѣ за то, чтобы не жаловался, не жаловался, не жаловался... не будешь, не будешь, не будешь кляузникъ“

чать... Не воруй, не воруй, не воруй... Не вводи, не вводи меня въ грѣхъ... Сыпь, сыпь, сыпь ему канальѣ. Жарь, жарь, жарь *)".

По мѣрѣ же произнесенія этихъ словъ казаки „въ двѣ руки“ продолжаютъ „сыпать удары“ и „жарить“ надающего стоны калмыка. Благодаря же такимъ „ошибкамъ“ въ счетѣ, наказуемый получаетъ двойную порцію. Замѣчательно, что калмыки считаютъ для себя большимъ позоромъ кричать подъ ударами розогъ. Они только глухо стонуть, нѣкоторые же, дабы не издавать и стонувъ, предъ наказаніемъ розгами берутъ палку въ ротъ и грызутъ ее, что сердобольнымъ улуснымъ начальствомъ и не возбравается.

Къ числу давно уже забытыхъ въ Европейской Россіи особенностей наказанія калмыковъ розгами нужно отнести и ту предварительную подготовку къ нему, какою заплата бываетъ улусная администрація.

По мѣрѣ усиленія воровства въ улусѣ распложается и переписка съ разными „мѣстами и лицами“—то о поимкѣ воровъ и грабителей, то съ объясненіями „причинъ усилившагося воровства“, то пишутся проекты „объ уничтоженіи грабежей и разбоевъ“, то составляются цѣлыя соединенныя комитеты для выработки „руководящихъ началъ, принявъ кои за основу можно надѣяться, что хищничество и воровство, если не уничтожится въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, то значительно ослабѣетъ“. Но конечнымъ результатомъ всѣхъ разсужденій и переписокъ являются ничѣмъ незамѣнимыя, какъ самая радикальная исправительная мѣра наказанія, все тѣ же розги. И нужно замѣтить, что характернымъ признакомъ многоплодности переписки служитъ число наказанныхъ розгами калмыковъ. Чѣмъ обильнѣе переписка, тѣмъ больше „полосуютъ тварь“. Послѣднимъ „номеромъ бумагъ“ исходитъ предписаніе попечителю улуса—къ назначенному числу при-

*) Переданы факты, видѣнные нами лично.

готовить должное количество розогъ. Вотъ тутъ то и начинается комико-трагическая дѣятельность улуснаго начальства. Известно, что въ калмыцкой степи нѣтъ „матеріала для заготовленія орудій наказанія педагогической части тѣла“. Не только лѣсовъ, но и кустарниковъ не водится. Въ приходо-расходной же смѣтѣ на этотъ предметъ нѣтъ назначенія, — „хоть на свои покупки“, ибо нельзя же составлять общественныхъ приговоровъ объ отпускѣ родовыхъ суммъ на предметъ покупки въ г. Ставрополѣ розогъ. Въ этомъ случаѣ выручаютъ попечителей изъ бѣды метлы, ежегодно закупаемыя цѣлыми возами въ г. Ставрополѣ—Кавказскомъ для „уничтоженія пруса“ Дня за три—четыре до пріѣзда въ родъ главнаго пристава, попечитель улуса дѣлаетъ распоряженіе: „зашить въ рогожи требуемое количество розогъ, выбранныхъ изъ метель“, причемъ обращается вниманіе на длину и гибкость прутьевъ. Зашитыя въ рогожу розги *секретно* развозятся по родамъ, въ коихъ назначено „быть поркѣ“. Секретно это дѣлается для того, чтобы калмыки „не провюхали“ о предстоящемъ имъ наказаніи и не разбѣжались бы. — Опасаясь этого, съ розгами и возятся какъ съ писаной торбой, сохраняя серьезность и таинственность такого важнаго въ глазахъ улусной администраціи событія, какъ „порка“ калмыковъ.

При „сѣканціи“ калмыковъ не обходилось дѣло и безъ игры въ великодушіе. Такъ, „по приговору“ назначено было высѣчь одного старика въ числѣ другихъ пяти жертвъ, что и было объявлено ему; конфиденціально же рѣшили, въ виду старости его и болѣзни, не наказывать розгами. Несмотря же на такое рѣшеніе бѣднягу все таки „обнажили“, когда пришла его очередь, положили на солому, велѣли казакамъ „приготовиться“, т. е. поднять руки съ розгами для удара, и въ тотъ мигъ, когда онѣ готовы были опуститься на тѣло испытывающаго муки ожиданія перваго удара, раздалась команда „стой“. Казаки опустили розги, старика подвiali, дали ему, дрожащему отъ страха и позора, возможность одѣться, прочли должную нотацию, дали понять, что онъ обязанъ восчувство-

вать все великодушiе милости начальства, обратили на это вниманiе всего общества и, самоуслаждаясь великодушiемъ своего поступка, подтвердили, что въ ихъ рукахъ „право и милловать и наказывать“. Старикъ и все общество слушали... молчали... минута была тяжелая и кончилась тѣмъ, что старикъ палъ въ ноги начальству;—общество же, какъ бы отнувшись отъ кошмара, кланялось и благодарило за избавленiе старика отъ позора... Въ общемъ получилась картина, *умилительная* для экспериментаторовъ, гнетущая для посторонняго зрителя и бессмысленная, но тяжелая для калмыковъ, справедливо удивлявшихся и не понимавшихъ причинъ, побудившихъ къ „*продължившю комедiи раскладыванiя и прощенiя*“. Устроители же этой комедiи вѣроятно не знали, что для чрезвычайно стыдливыхъ калмыковъ самымъ тягчайшимъ наказанiемъ служить именно *обнаженiе „позорныхъ частей тела“*, а не побои въ какомъ бы то ни было видѣ. Побои для нихъ—ничто; они привыкли къ нимъ, но не привыкли обижать то, что не принято обижать и что по взглядамъ ихъ считается величайшимъ позоромъ. Слѣдовательно—*для помилованнаго старика*, въ существѣ дѣла, никакой *милости* не было въ освобожденiи отъ тѣлеснаго наказанiя, разъ тѣло бѣдыги было обнажено. Напротивъ—онъ перенесъ жесточайшую нравственную пытку. Перенесши же ее, что называется, до конца,—вынужденъ былъ еще и *кланяться въ ноги и благодарить*—иначе говоря, долженъ былъ прибавить плюсъ униженiя къ испытанной уже пыткѣ позора... Что долженъ былъ чувствовать старикъ, кланявшiйся въ ноги своимъ милостивцамъ—думаю и безъ словъ понятно...

Но быть можетъ, несмотря на всѣ выводы науки о вредѣ тѣлесныхъ наказанiй вообще для всѣхъ людей,—по отношенiю къ калмыкамъ, въ видѣ исключенiя, эти выводы оказываются ложными и калмыковъ можно нравственно воспитывать только чрезъ посредство кулаковъ, плетей, розогъ, казарменныхъ сидѣнiй,—въ особенности же розогъ, какъ наиболѣе дѣйствительной мѣры исправленiя?... Посмотримъ,

что на этотъ вопросъ отвѣчаютъ всѣмъ извѣстныя въ улусѣ факты и факты непреложныя.

Послѣ одной изъ вышеописанныхъ „публичныхъ экзекуцій“, участвовавшіе въ общественномъ сходѣ калмыки, раздѣжаясь по своимъ хотонамъ, напали на отару овецъ, распугали ее и захватили изъ нея нѣсколько штукъ. Фактъ весьма важный. Не вдолгѣ спустя, а сейчасъ же послѣ созерцанія начальническихъ приемовъ „вѣдренія нравственности въ народѣ чрезъ посредство розогъ“, находясь подъ свѣжизнью, не потерявшимъ еще своей остроты впечатлѣніемъ отъ процесса наказанія, со звономъ еще въ ушахъ отъ выслушанныхъ правоученій, свиста розогъ и угрозъ, что „если воровство будетъ повторяться, то примутся еще болѣе строгія мѣры“— калмыки, едва успѣли показать свои спины, скрыться съ глазъ исполнявшихъ свой административный долгъ и покинуть мѣсто своего позора, какъ, ни мало не медля, совершили воровство, т. е. какъ разъ именно то, за что ихъ „пороли“ часъ тому назадъ и за что обѣщали „еще строже наказать“. Мало этого. Въ сосѣднемъ родѣ собранные въ тотъ же день и для той же цѣли калмыки,—зная, что происходитъ у сосѣдей и что ихъ вскорѣ же ожидаетъ,—„соскучились“ ожидать, томиться и голодать *и... со степи украли быка, зарытали, съели и затѣли уже апатично выжидали приѣзда начальства!* Не знавшее же объ этомъ ничего начальство точно также продѣлало съ ними все то, что и съ первыми. Разговоры, увѣщанія... отказы... общественный приговоръ... розги... только, кажется, не было акта великодушія... калмыки точно также слушали... молчали... кланялись... обѣщали... благодарили... и... несомнѣнно смѣялись въ душѣ и глумились надъ *комедіей*, чувствуя сытость въ желудкѣ отъ только что съѣденнаго быка, раздобытаго способомъ, который такъ красно порицается и такъ жестоко наказывается. То же, что они думали, глядя на устроителей публичнаго позорища,—было бы весьма поучительно знать для послѣднихъ. Навѣрное, узнавъ, они почувствовали бы, по меньшей мѣрѣ, неловкость и впредь не рѣшились бы ста-

новиться въ такое комическое положеніе, какъ то было съ ними въ дѣйствительности...

Приводить другіе факты не будемъ. Разсказанные нами на столько характерны и такъ ясно иллюстрируютъ пользу и практическую пригодность плетей и розогъ для исправленія калмыковъ, что рѣшительно нѣтъ нужды ни прибавлять отъ себя что либо для поясненія ихъ, ни касаться другихъ фактовъ, однородныхъ съ приведенными. Развѣ только добавимъ, что послѣ одной изъ такихъ расправъ калмыки, высказывая свои сужденія о личности и характерѣ устроителя расправы, между прочимъ не безъ ироніи замѣтили, что у него „старые штаны“ и по этому поводу пришли къ заключенію, что „она за тѣмъ такой сердита, что хочетъ новый штаникъ... нашь-сетъ новый штаникъ—будетъ мяка“... Горькимъ опытомъ приобретена эта многозначительная увѣренность въ возможности измѣненія правилъ человѣка, развѣ у него заведутся „новыя штаники“! И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ указанная нами выше мѣры исправленія нравственности народа вели и ведутъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Калмыки, какъ и слѣдовало того ожидать, обтерпѣвшись и присмотрѣвшись ко всякаго рода наказаніямъ, потеряли всякій страхъ къ нимъ и только лѣтомъ не выносятъ тюремнаго заключенія, платясь за него чахоткой. Но это послѣднее происходитъ не въ силу какихъ либо нравственныхъ мукъ, связанныхъ съ понятіями калмыковъ о лишеніи свободы и о позорѣ за то, а въ силу отмѣченной уже нами неприспособленности ихъ организма къ жизни въ нихъ, кромѣ кибитки, помѣщеніяхъ. Вообще же наказанія ни въ какой мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи, несмотря на всю ихъ жестокость и разнообразіе, отнюдь не исправляли калмыковъ и не удерживали ихъ отъ совершенія преступленій, а только изощряли способности въ выборѣ способовъ совершенія хищничества и воровства и содѣйствовали укрѣпленію обычая взаимно поддерживать другъ друга. Достаточно сказать, что строгости никогда не вели къ дѣйствительному раскрытію преступленій среди

калмыковъ. Несли же наказаніе по суду не изблеченные полиціей и не размысканные „чинами“ ея, а только попавшіеся на мѣстѣ совершенія преступленія, или же съ полиціи. Всѣ же вообще преступленія, безъ этихъ важныхъ условій, оставались и остаются нераскрытыми.

О причинахъ скрытія преступленій калмыками мы уже говорили. Калмыки, благодаря общей солидарности между собой, не только умѣло скрываютъ слѣды преступленій, но всегда охотно и также умѣло скрываютъ и преступниковъ, бѣжавшихъ не только изъ остроговъ, но даже и съ каторги и послѣдніе совершенно свободно живутъ среди своихъ сородичей, даже обзаводятся семьей и хозяйствомъ. Всѣ ихъ знаютъ, только для улусной администраціи они какъ будто ходятъ въ шапкахъ—невидимкахъ. Мало этого—благодаря тому, что при улусномъ управленіи, по непонятной причинѣ, никогда не велось, какъ не ведется и теперь, метрическихъ записей, калмыки имѣютъ полную возможность выступать официально подъ псевдами и фамиліями умершихъ своихъ сородичей, ни въ чемъ никогда не заподозрѣваемыхъ, что и практикуется всѣми калмыками съ большимъ успѣхомъ въ случаѣ неудобства называть свое имя и прозвище. Въ такихъ случаяхъ у полиціи нѣтъ никакихъ данныхъ для установленія личности того или другого калмыка и ей поневолѣ приходится вѣрить на слово и свидѣтельствовать, что такого то зовутъ положимъ *Манжикомъ*, а не *Бадьмой*, и что Бадья умеръ, а Манжикъ живъ,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ именно Манжикъ умеръ, а Бадья живъ. Калмыки же свободно могутъ доказать противное.

Съ своей стороны русское населеніе не способствуетъ администраціи къ раскрытію преступленій, ибо каждый, соприкасающійся съ „калмыцкими дѣлами“, изъ опыта знаетъ о формальномъ отношеніи полиціи къ дѣлу преслѣдованія преступленій, сопровождающагося только бесполезными побоями калмыковъ. Зная это, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, сами „раздѣлываются“ съ ворами и хищниками и рѣдко,

развѣ только для очистки совѣсти, доносятъ начальству. Не заявляютъ же отчасти по безполезности такихъ заявленій, но больше изъ боязни мести. Последняго особенно боятся арендаторы калмыцкихъ земель. Положимъ и есть отъ чего имъ трусить. Извѣстно, что калмыки мстятъ не только за себя и своихъ родныхъ, но и за всѣхъ вообще родовичей. Обычнымъ средствомъ мести служатъ поджоги сѣна и хлѣба, кража овецъ, скота и лошадей. Дабы оградить себя отъ такихъ „случайностей“, арендаторы стараются не раздражать калмыковъ и имѣть у себя пастухами не русскихъ, а калмыковъ, кои и служатъ какъ бы порукой за цѣлость скота и овецъ. Администрація же почти всегда бессильна оградить русское население калмыцкой степи отъ мести кочевниковъ, точно также бессильна и преслѣдовать преступленія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что никто не доврѣяетъ почетному улусу и, въ совершенствѣ зная всю „уть“ многихъ преступленій, равно и мѣста укрывательства преступляющихъ, никто не хочетъ содѣйствовать властямъ въ поимкѣ воровъ и хищниковъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой арендаторъ имѣетъ фактическія доказательства въ рукахъ.

Изъ видахъ справедливости нужно замѣтить, что господствующими преступленіями среди калмыковъ служатъ только воровство и грабежи скота, лошадей и овецъ, со всѣми послѣдствіями этихъ преступленій, исключая убійствъ, которыя весьма рѣдки. Другого же рода преступленія по азіатичности, что рѣзко отличаетъ калмыковъ отъ сосѣдняго съ ними крестьянскаго населенія, во все говорятъ о томъ, что въ скоромъ времени всѣ пороки и преступленія пышно расцвѣтутъ среди выбитыхъ изъ обычной кони калмыковъ. Что же касается статистическихъ данныхъ о количествѣ преступленій въ разныхъ ихъ видахъ, то въ настоящее время таковыя въ гораздо большей степени предѣлаютъ среди крестьянскаго населенія, чѣмъ среди калмыковъ. Если же взять во вниманіе податчивость калмыковъ, то если бы улусная администрація стала въ другихъ отношеніяхъ къ нимъ и оставила бы излюбленный

ею способъ „пресѣкать и предупреждать, а равно и опекать“, то не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что калмыки, измѣнивъ свой образъ жизни, что неизбежно въ скоромъ времени и совершится, въ общемъ не были бы такъ преступны, какъ то есть теперь и какъ то причисляется имъ. Для этого же нужно кореннымъ образомъ измѣнить всю обветшалую уже, оставшуюся позади современной жизни систему управления калмыцкимъ народомъ, перестать смотрѣть на него, какъ на нѣчто неспособное, нуждающееся въ опежѣ архаическихъ попечителей и главныхъ приставовъ, обратить калмыковъ въ дѣйствительно свободныхъ сельскихъ обывателей и преобразовать весь строй управления ими, дабы и самое названіе настоящаго управления изгладилось изъ памяти народа и не напоминало бы калмыку о быломъ прошломъ. Иначе калмыки, оставаясь въ настоящемъ своемъ положеніи относительно неупорядоченія правъ и управления, окончателно извратятся и преступления въ средѣ ихъ разовьются въ сильной степени; изъ простыхъ воровъ они обратятся въ разбойниковъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи на этомъ пути усвоить всѣ роды преступленій, наклонность къ чему уже замѣчается. При этомъ люди, хорошо знакомые съ бытомъ калмыковъ, прямо говорятъ, что если калмыки останутся подъ такимъ же управленіемъ, какое есть теперь, то улусъ обратится въ открытый острогъ. Нищета, лишеніе права самостоятельно распоряжаться доходностью съ земли, ненужное вмешательство въ имущественныя дѣла и строгая во всемъ опека надъ калмыками прямо ведетъ къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ и усиливаетъ развитіе наклонностей къ воровству и всевозможнаго рода и вида преступленіямъ.

Но если попечители улуса не только бесполезны для калмыковъ, а даже въ нѣкоторомъ отношеніи и прямо вредны, какъ задерживающіе естественное развитіе народа, то, быть можетъ, они оправдываютъ свое существованіе въ другомъ какомъ либо отношеніи, находящемся внѣ обязанностей „предупреждать и пресѣкать преступления“? Быть можетъ, они

ограждаютъ матеріальные интересы калмыковъ и содѣйствуютъ поднятію ихъ крайне жалкаго экономическаго положенія? Праздный вопросъ!

Мы уже знаемъ, что прежніе попечители улуса, находясь въ экономической и отчасти служебной зависимости отъ бывшихъ нойоновъ—владѣльцевъ улуса, не рѣшались оправдывать свое назначеніе и не входили въ активное разбирательство отношеній нойона къ народу, хотя на послѣднее имѣли всѣ права и это составляло прямую ихъ служебную обязанность, какъ *попечителей*. Но „шурный вопросъ“ всегда отодвигалъ ихъ заботу о „благѣ народа“ далѣе, чѣмъ на задній планъ. Слова нѣтъ, что всѣ попечители улуса вслѣдствіе извлекали и притомъ умѣло извлекали всѣ выгоды изъ своего положенія, но не въ пользу народа, а въ свою собственную, не брезгуя въ этомъ направленіи ничѣмъ. Недаромъ же среди высшей ставропольской администраціи и въ обществѣ составилось представленіе объ инородческомъ управленіи, какъ о воровскомъ; недаромъ же до принятія обязанности главнаго пристава уважаемымъ А. А. Самойловымъ (конецъ семидесятыхъ годовъ) мѣсто попечителя улуса и его помощника покупалось за тысячи рублей! Да—недаромъ! Еще свѣжи рассказы,—такъ свѣжи, что какъ будто это было вчера,—о томъ, какъ попечители жили, поживали и добро наживали въ улусѣ. „Веселья“ не прекращались, шампанское и „заморскія вина“ лились рѣкой; по рѣкѣ Ягурлыкку, на берегу котораго была улусная ставка (мѣсто сосредоточенія управленія улусомъ) устраивались лѣтомъ „увеселительныя флотиліи“ съ казаками-гребцами, пѣсенниками, музыкой и разумѣется дамами „разнаго калибра“; зимой же „шли балы за балами,“ на которыхъ „солидные мужчины“ (разумѣй „чины“ улуснаго управленія) проигрывали въ „трынку“ цѣлыя состоянія... Живы еще участники этихъ роскошныхъ пировъ попечителей, и съ сожалѣніемъ вспоминаютъ они о быломъ прошломъ величій этихъ опекуновъ калмыцкаго народа... Слушая же рассказы о изобиліи млека и меда въ калмыцкой степи для попечителей,

повнимашь, почему всё такъ жадно ловили мѣста въ улусѣ и за право ловли платили громадна деньги.....

Но откуда же брались средства на покупку служебныхъ мѣстъ въ улусѣ и на обращеніе личной жизни въ немъ въ безпрерывную масленицу съ ея пирами и весельемъ?..

До 1871 года, т. е. до разверстки земли между калмыками Больше-Дербетскаго улуса, вся степь была въ общемъ пользованіи кочевниковъ, излишекъ же ея они не имѣли права отдавать кому либо въ аренду даже на годовой срокъ, равно и вообще лишались права пользоваться доходностью съ нея путемъ не личнаго, а чужого труда. Положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ право извлекать доходы изъ земли предоставлялось улусному управленію, т. е. попечителю улуса и нойону; по нойонъ устранился отъ сбора денегъ за землю и пріятная эта обязанность всецѣло возлагалась на попечителя улуса и, по его довѣрію, на помощника попечителя. Всякій, нуждающійся въ калмыцкой землѣ—для распашки ли ея, для выпаса ли на ней скота, овецъ и сѣнокосенія—долженъ былъ сначала обратиться къ попечителю улуса, получить отъ него „бланку“ на дозволеніе пользоваться землей и за срочное право пользованія ею взнести произвольно условленную плату, а затѣмъ уже пахать и выпасывать скотъ, не входя ни въ какіе переговоры съ калмыками. При этомъ контроля надъ дѣйствіями попечителя не было никакого. Никто не усчитывалъ ни скота, пущеннаго на выпасъ, ни десятинъ земли, сданной подъ распашку и сѣнокосеніе,—провѣрялась только записъ въ приходорасходныхъ книгахъ и то не по существу, а чисто съ вѣшной, формальной стороны. Обращалось вниманіе по преимуществу на то, нѣтъ ли гдѣ подчистокъ, помарокъ и неправильно ли выведены итоги и транспорты. Такая ревизія была весьма выгодна для попечителей улуса въ томъ отношеніи, что они имѣли полную возможность безнаказанно входить во всякія личныя сдѣлки съ нанимателями земли. Условившись съ арендаторомъ, попечитель улуса совершенно свободно и безобязанно показывалъ

валъ въ книгахъ самую минимальную часть арендной платы, остальную же часть „приспособлялъ“ въ свой карманъ. Сами калмыки, какъ очевидцы, а также чабаны, гуртовщики скота, овцеводы, рассказываютъ, что попечитель и его помощники во время весенняго объезда степи для дозора—нѣтъ ли на ней самовольно выпасывающихъ свой скотъ и овецъ, равно и не распахиваютъ ли ее—*„собирали полную шкатулку бумажекъ, было также серебро и золото“*. Сборъ этотъ былъ независимъ отъ того, какой получался попечителемъ, сѣдя на мѣстѣ, т. е. въ улусномъ управленіи. Такимъ путемъ не десятки, а сотни тысячъ скота и овецъ ежегодно выкармливалось на калмыцкой степи, и не сотни, а десятки тысячъ десятинъ распахивалось калмыцкой землей и только развѣ сотая доля получаемаго со всего этого дохода попадала въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала, остальная же львиная доля расплзалась по карманамъ попечителей улуса и ихъ помощниковъ. Насколько великъ былъ доходъ попечителя улуса и чиновъ управленія во главѣ съ патронномъ его, именуемымъ главнымъ приставомъ, можно судить по тому, что калмыцкій общественный капиталъ, несмотря на всѣ хищенія и утайки попечителей, все таки смогъ возрасти до двухъ сотъ съ половиною тысячъ рублей. Положимъ, въ пользу его собиралось ежегодно по двадцати семи копѣекъ съ выбитки; но эти копѣйки—капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что давала земля и изъ чего только крупницы попадали по своему назначенію,—и все таки крупницы эти составили двѣ трети общей суммы капитала. Впослѣдствіи мы скажемъ, что благодаря этой статьѣ дохода, т. е. взиманію арендной платы за землю, почти вся калмыцкая степь давно уже распахана самымъ хищническимъ способомъ и цѣлнная земля встрѣчается какъ рѣдкость, несмотря на то, что владельцы ея—калмыки—не земледѣльцы. Нѣтъ слова, что съ 1871 года доходность съ земли собственно для попечителей и другихъ чиновъ улуснаго управленія въ значительной степени сократилась и совершенно измѣнился способъ извле-

чепиз ея,—но все таки нажива по этой статьѣ осталась весьма крупной и вотъ въ какомъ отношеніи.—

Извѣстно, что послѣ наръзки земли, что было въ 1871 году, калмыки получили право сдавать излишекъ душевого надѣла въ аренду отдѣльными участками по своимъ общественнымъ приговорамъ на срокъ до двѣнадцати лѣтъ. Такіе приговоры приводились въ исполненіе не иначе, какъ послѣ „разсмотрѣнія законности ихъ попечителемъ улуса и санкціи главнаго пристава“. Вотъ въ этомъ то и заключается главный секретъ. Секретъ же этотъ вполне будетъ понятенъ, когда мы скажемъ, что *калмыцкая земля сдавалась въ аренду отъ семи копѣекъ въ годъ за десятину подъ распаху и снокошение, тогда какъ действительная стоимость той же десятины между крестьянами никогда не была ниже пятидесяти коп. въ годъ*. Пониженіе стоимости земли, разумѣется, было обратно пропорціонально личной доходности попечителей улуса. Но еще болѣе мы поймемъ суть секрета, когда узнаемъ, что попечители улуса, по соглашенію съ арендаторами, съ успѣхомъ реформировали единицу мѣры земли и казенныя 2400 сажень въ десятинѣ обратили въ 3600 саж. и такую мѣру земли называли *калмыцкой десятиной*. Что сами попечители улуса и арендаторы придумали такую мѣру, обративъ полторы десятины въ одну, того доказывать нечего, ибо извѣстно, что у калмыковъ, какъ у кочевого народа, не было понятія о drobныхъ измѣреніяхъ земли, а слѣдовательно не существовало и единицъ для опредѣленія общаго и частичнаго количества земельныхъ участковъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ между прочимъ и то, что во всѣхъ общественныхъ приговорахъ по поводу сдачи земли въ аренду калмыками не опредѣляется количество десятинъ таковой, а указываются границы участка—„отъ кургана такого то до другого кургана, отъ балки до дороги“ и пр. и затѣмъ уже сами арендаторы для нормировки платы добавляютъ отъ себя, что въ этомъ участкѣ „считается приблизительно столько до десятинъ“.

Добавивъ же къ установленію арендной платы за землю

и произвольному опредѣленію количества сажень въ десятиѣ еще и исключительное право только *повечителя улуса* свидѣтельствовать договоры по сдачѣ земли въ аренду ¹⁾, ни не только поймемъ повечительскій секретъ извлеченія доходовъ въ свою пользу, но и сообразимъ приблизительную сумму таковыхъ, особенно, когда на основаніи достовѣрныхъ данныхъ добавимъ, что половина калмыцкой земли, т. е. около ста десяти тысячъ десятинъ ея, находится въ арендѣ,—но не крестьянскихъ обществъ, а отдѣльныхъ лицъ, съ коими гораздо легче вступать въ „*нѣтимныя соглашенія*“. Результатомъ же такихъ соглашеній всегда было сильное давленіе на общество, сдающее землю, а также и пониженіе арендной платы до невозможнаго минимума... Что же тутъ удивительнаго, что не въ особенно еще далекомъ прошломъ Больше-Дербетскій улусъ представлялъ изъ себя для администраціи его обитованную землю съ молочными рѣками и кисельными берегами, страну, въ которую всѣ стремились въ неложномъ упованіи „откормиться, обрости шерсточкой и сдѣлать записецъ про черный день“. Желанія эти, разумѣется, скрывались и на видъ выставлялась только необходимость поправить калмыцкимъ кумысомъ свое, разстроенное на службѣ, здоровье. Слушая рассказы объ этомъ, мнѣ невольно припомнился случай изъ служебной практики одного изъ лучшихъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, именно г. Спелельникова. Гвардейскій офицеръ, желавшій поправить разстроенные свои финансы, выхлопоталъ себѣ мѣсто исправника въ Иркутской губерніи. Извѣстно же, что сибирскіе исправники, до травли ихъ графомъ А. П. Игнатьевымъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ В. Сибири, получали не менѣе двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ. Озвонамившемуся же съ мѣстными условіями службы гвардейцу показалось и это не-

---

¹⁾ По закону нотаріусы не имѣютъ права свидѣтельствовать какіе бы то ни было письменные договоры калмыцковъ съ кѣмъ бы то ни было. Обязанность эта возложена на повечителя улуса.

достаточным. Онъ узналъ, что горные исправники получаютъ гораздо больше и что золотопромышленники, кромѣ денегъ, даютъ еще „квартиру и полное содержаніе включительно до шампанскаго“... Соблазнительно... Соблазнившись же, гвардеецъ отправился къ генералу Сивельникову просить мѣста горнаго исправника. На вопросъ генералъ-губернатора, — что заставляеть просителя забираться въ глушь и мѣнять высшую должность на низшую, ¹⁾— гвардеецъ краснорѣчиво началъ доказывать, что будто бы доктора совѣтуютъ ему пользоваться горнымъ воздухомъ, къ тому же онъ любить охоту и проч. въ этомъ же родѣ. Слушалъ, слушалъ г. Сивельниковъ небылды исправника, и, не замѣтивъ въ нихъ ни слова правды, вынулъ изъ кармана кошелекъ, потрясъ имъ передъ носомъ гвардейца и внушительно проговорилъ: „неправда! Вотъ что манить васъ туда, а не горный воздухъ!“ Точно также попечителей улуса, какъ горныхъ исправниковъ, манить въ улусъ не калмыцкій кумсы, а нѣчто другое, на основаніи чего и составилъ взглядъ на инородческое управленіе, какъ на воровское.

Итакъ земля составляла главную статью доходовъ попечителей улуса. Пользовались же ею они и искусно, и беззастѣнчиво. вмѣстѣ съ этимъ они не брезгали также и другими отраслями своего управленія, могущими приносить дары. Калмыцкая степь и ея обитатели представляли изъ себя въ этомъ отношеніи во истину классическую страну барановъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что они, какъ характерно выразился Щелринъ въ одномъ изъ „Писемъ къ тетенькѣ“, „въ стрижѣхъ ласковыи“ (поватно не калмыковъ онъ имѣлъ въ виду) и послѣ оголенія вновь обрастаютъ съ изумительной быстротой. Кто будетъ ихъ стричь, къ этому вопросу они, повидимому, равнодушны, ибо знаютъ, что стрижка есть нѣчто неизбежное въ ихъ жизни. Какъ только они завидятъ, что впередъ грядеть человекъ стригущій и брѣющій, то подгибають подъ себя погн

---

¹⁾ Должность горнаго исправника ниже двумя классами должности земскаго исправника.

и жлуть, подгибать же ноги калмыкамъ приходилось всякій разъ, когда наѣзжали въ нихъ стойбища улусные чины. Стриглись они и за избавленіе отъ казарменнаго сидѣнья, и за измѣненія въ ранѣ сдѣланныхъ показаніяхъ по тому или другому уголовному дѣлу, и за уничтоженіе протоколовъ, и за неотбываніе почтовой гоньбы, и за несвоевременный сборъ на сходку, и за чуму, и за пруса—словомъ, варіаціи предлоговъ къ стрижкѣ были самыя многостороннія и многообразныя и всецѣло зависѣли отъ творческой изобрѣтательности попечителей, ихъ помощниковъ и всѣхъ другихъ, имѣвшихъ оффиціальное соприкосновеніе съ калмыцкими дѣлами. Бралось же всемір—и скакунами, и рысаками, и деньгами, и баранами, и мерлушками, брались даже части педоѣденнаго барана. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно прославился ибѣто О. Калмыки и теперь безъ смѣха не могутъ вспомнить, какъ этотъ помощникъ попечителя улуса, вѣзшая въ хотонъ (поселеніе), всегда и непомѣнно выкрикивалъ: „сію же минуту рѣзать барана! Передокъ сварить, а задокъ и кожу въ тарантасъ живо!“ И его безпрекословно слушались. Но болѣе всего приходилось платиться калмыкамъ за почтовую гоньбу, чуму и пруса. На этихъ „зввахъ“ калмыцкой жизни мы пока и остановимся.

Кажется до семидесятыхъ годовъ въ калмыцкой степи не было обывательскихъ станцій, устроенныхъ въ опредѣленныхъ пунктахъ улуса, какъ то есть теперь. Попечитель улуса, равно какъ и всѣ чины, имѣвшіе право „разѣздовъ“ по улусу на обывательскихъ лошадяхъ, предъ поѣздками своими обыкновенно посылали впередъ верховныхъ казаковъ съ приказами о заготовкѣ лошадей въ мѣстахъ, кои предполагалось „обозрѣть“. Нужно замѣтить, что у калмыковъ не было ни збруи, ни навыка къ упряжкѣ лошадей, ни умѣнья править ими (даже и въ настоящее время имѣющихся ве у многихъ). Лошади же, какъ совершенно дикія, плохо поддавались неумѣлымъ усиліямъ калмыковъ втиснуть ихъ въ оглобли и запрячь. Поэтому проѣздъ разныхъ чиновъ по улусу былъ

истиннымъ мученіемъ и для калмыковъ, и для ихъ лошадей. И сами калмыки, и ихъ дикія лошади доходили до изнеможенія и только послѣ этого измученныя и „замордованныя“ лошади позволяли надѣть на себя хомутъ и впрячь въ тарантасъ. Случалось и такъ, что попечитель почему либо не пріѣзжалъ въ хотонъ въ назначенное время; тогда лошади оставались въ ожиданіи проѣзда по нѣскольку дней въ хомутахъ. Но вотъ начальство нагрянуло... началась возня запряжки лошадей неумѣлыми людьми... Крикъ... безтолковая суетня... Плеть по ковымъ... плеть по калмыкамъ... зуботычины... неумолимая ругань... Но и это еще не бѣда... тарантасъ, такъ или иначе, все таки тронется съ мѣста... Горе же въ томъ, что чиновникъ легко могъ на первыхъ же двухъ-трехъ верстахъ бездорожной ѣзды загнать тройку лошадей на смерть или же запалить ее, т. е. сдѣлать никуда негодной, чѣмъ и причинить убытокъ минимумъ въ полтораста рублей, да кромѣ того и наложить совершенно на законномъ основаніи штрафъ въ нѣсколько рублей за „дачу негодныхъ къ говбѣ лошадей.“ И приходилось бѣднякамъ „умасливать“ начальство и тѣмъ спасать свои спины отъ плетей и своихъ лошадей отъ гибели. Не менѣе начальства разоряли калмыковъ и казаки. Разъѣжая по улусу съ приказами и для дозора, казаки велѣли сдѣлать себѣ не тѣхъ лошадей, кавыхъ давали имъ калмыки, а лучшихъ изъ табуна. Калмыки по опыту знали, что значило такое требованіе и къ чему оно клонилось. Въ сущности казаку было все равно, какую лошадь ни дали бы ему, лишь бы она не была ключей, если же опъ и требовалъ лучшаго коня, то потому лишь, что зналъ, что калмыки будутъ откупаться отъ выдачи хорошей лошади, иначе ей грозила опасность быть испорченной, устранить же это можно было только путемъ подачекъ казакамъ.

Для выѣздовъ попечителей улуса и ихъ помощниковъ изъ улусной ставки калмыками куплено было двѣ тройки упряжныхъ лошадей, збруя, экипажи, да кромѣ того на фуражъ лошадей и содержаніе збруи и экипажей въ порядкѣ

ежегодно платилось попечителю до 1800 рублей въ годъ, которые почти цѣлкомъ и поступали въ его карманъ, ибо для выпаса лошадей отводилась еще и „кутина“, т. е. заливной лугъ на берегу р. Ягуралка, развѣромъ около ста десятинъ. Лугъ этотъ помимо того, что доставлялъ годовой запасъ сѣна, давалъ еще и доходность до двухъ сотъ рублей въ годъ, которые и шли на покрытие расходовъ по найму ямщиковъ. Эту статью дохода попечитель улуса потерялъ только въ 1889 году, потому, что она *поправилась* войною и онъ постарался обратить ее въ свою личную пользу.

Благословляли попечителя улуса и пруса, истребляшаго кормъ и хлѣбъ на калмыцкихъ степяхъ. Всегда, изъ года въ годъ, въ концѣ мая и въ июнѣ мѣсяцѣ, когда прусъ бываетъ еще не на полетѣ, попечитель улуса дѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи его, для чего и приказывалъ собираться массамъ калмыковъ въ мѣстахъ появленія пруса. Способъ истребленія пруса практиковался и практикуется до сихъ поръ такой. Даются метлы и лопаты деревянные и желѣзныя; роется канава и калмыки метлами подгоняютъ пруса къ канавѣ, лопатами загребаютъ въ нее и затѣмъ закрываютъ землей. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ есть солома, таковая разстилается по землѣ и на нее метлами же и лопатами загоняется тотъ же прусъ. Когда онъ въ достаточномъ количествѣ соберется на разостланной соломѣ, ее зажигаютъ. Кажется, все дѣлается несложно, просто, не обременительно и безъ особенной затраты физическаго труда. Такъ кажется,—на самомъ же дѣлѣ уничтоженіе пруса есть одна изъ тягчайшихъ для калмыковъ повинностей. Во первыхъ, сгоняется почти все правоспособное въ смыслѣ физическаго труда населеніе даннаго рода, въ участкѣ котораго появился прусъ, а во вторыхъ, и самое главное, калмыкамъ во время работъ по истребленію пруса рѣшительно нечего ѣсть. „жить же на прусѣ“ приходится недѣлю и болѣе. Объяснимъ это послѣднее. По условіямъ веденія своего хозяйства калмыки лѣтомъ питаются только молочной пищей; хлѣба у нихъ нѣтъ. Слѣдовательно, идя

на работу вдаль от хотона, они, если не желаютъ быть голодными, должны забиратьъ съ собой все свое хозяйство, иначе говоря, кочевать вслѣдъ за двигающимся прусомъ, что, разумѣется, невозможно. Но невозможно также и оставаться безъ пищи—поэтому, во избѣжаніе голода, они и покупаютъ овецъ и коровъ, что, какъ повседневная пища, очень дорого обходится и не по средствамъ народу. Затѣмъ у калмыковъ нѣтъ ни бочекъ для возки воды, ни колодезь, изъ которыхъ по близости можно было бы брать воду, въ силу чего имъ и приходится платить по два и болѣе рублей въ день за доставку воды. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ бѣдняковъ выть волкомъ во время работъ по уничтоженію пруса и искать средствъ такъ или иначе откупиться отъ пруса. Положимъ, Министерство государственныхъ имуществъ, по представленію улуснаго управленія чрезъ свое начальство, ежегодно отпускало по нѣскольку тысячъ руб. на расходы по истребленію пруса, но деньги эти расходовались на приобрѣтеніе орудій истребленія, т. е. на покупку лопатъ и метель, и платилось только по 20 копѣекъ въ день взрослому и по 10 к. малолѣтку, да и то деньги выдавались не во время производства работъ, когда онѣ дѣйствительно крайне нужны, а вдолгъ спустя, иногда даже зимой. Въ настоящее же время главный приставъ почему то считъ необходимымъ уничтоженіе пруса обратить въ натуральную повинность, безъ всякой поденной за то платы изъ калмыцкаго общественнаго капитала, и тѣмъ самымъ лишилъ калмыковъ и тѣхъ крохъ, за кои они, въ надеждѣ расплаты по полученіи заработанныхъ денегъ, могли покупать въ долгъ чай и часть мяса. Лишеніе заработной платы сдѣлало то, что „бить пруса“ стало для калмыковъ самой тяжелой каторжной работой. Если въ силу этого распоряженія чины улуснаго управленія и потеряли кое что, то за то калмыкамъ надѣлась мертвая петля.

Еще хуже пруса для калмыковъ чума на рогатомъ скотѣ. Вопросъ о мѣрахъ прекращенія чумы въ калмыцкой степи весьма сложенъ и важенъ и намъ очень жаль, что въ настоящемъ очеркѣ

мы не имѣемъ возможности рассмотреть его подробно и по-невогѣ, дабы не расширять настоящаго очерка, должны ограничиться указаніемъ только на то, какъ улусная администрація и калмыки относятся къ ней. Дѣло въ томъ, что по требованію ветеринарныхъ врачей, требованію, основанному на узкомъ знаніи своей книжной специальности, почему и игнорирующему мѣстныя условія борьбы съ чумой, улусная администрація, дабы получить похвалу начальства, что называется *ожметъ* калмыковъ, не принимая отъ нихъ ничего „въ резонъ“. Вся суть ветеринарныхъ мѣръ къ прекращенію чумной эпизоотіи сводится къ изоляціи больного скота отъ здороваго. Имѣющіеся въ данномъ хотонѣ скотъ сбивается въ два-три стада 1) здоровыхъ, 2) подозрительныхъ и 3) явно чумныхъ. Для подозрительныхъ и явно чумныхъ устраиваются базы и ветеринаръ ежедневно термометрируетъ скотъ. Дѣло же улусной полиціи состоитъ въ содѣйствіи ветеринару примѣнять къ скоту изоляціонныя мѣры, составлять протоколы о появленіи болѣзни, „сгонять“ народъ на работы по требованію ветеринара,—вообще исполнять „всѣ законныя требованія“ послѣдняго и привлекать къ отвѣтственности нарушителей ихъ.

Опять такія и въ дѣлѣ „уничтоженія чумы“, какъ и въ дѣлѣ „пруса“, все кажется несложнымъ и удобоисполнимымъ. Въ действительности же все до того сложно, трудно, перепутано и подъ часъ трагикомично, что калмыкамъ рѣшительно не подъ силу исполнить „законныя требованія“ ветеринаровъ, тѣмъ болѣе, что народъ ясно видитъ практическую непригодность предпринимаемыхъ мѣръ, неуцѣлость самихъ ветеринаровъ и ихъ безсмысленную придирчивость и въ связи съ этимъ убѣжденъ, и не безъ основанія на то, что собственныя, чисто народныя, добытыя вѣковымъ опытомъ способы изоляціи скота гораздо полезнѣе, разумнѣе и проще практикуемыхъ ветеринарами,—въ большинствѣ педантичными, казенно и притомъ узко-формальными въ примѣненіи къ дѣлу своимъ, лишешныхъ опыта и практической сметки, ветеринарныхъ зна-

ній ¹⁾. Въ этомъ именно и заключается рѣшеніе вопроса о причинахъ роковыхъ недоразумѣній между населеніемъ ветеринарами, влекущихъ за собой не только сильный ропотъ и страстную ненависть къ *лужнымъ* формалистамъ, но и болѣе активное высказываніе своихъ чувствъ къ нимъ; недоразумѣнія эти еще болѣе усиливаются отъ того, что народъ вообщу убѣждается, что ветеринары положительно менѣе егѡ свѣдуши въ дѣлѣ практически разумнаго примѣненія карантинныхъ мѣръ и ровно никакого вниманія не хотятъ обращать на мѣстныя благопріятныя для изоляціи условія и являются—не практиками, а учеными, вѣрными своимъ учебникамъ, не вносящими никакой личной инициативы въ дѣло борьбы съ чумой; народъ видитъ, что даже причины появленія и распространенія чумы *изучаются ветеринарами по полицейскимъ протоколамъ* и затѣмъ дѣльнѣйшая дѣятельность ихъ ограничивается только вставкой больному и здоровому скоту термометровъ; да и за послѣднее „скотскіе врачи“ принялись въ силу настоячиваго распоряженія о томъ г. ставропольскаго губернатора. Между тѣмъ чума въ степяхъ Ставропольской губерніи существуетъ искони. Калмыки, какъ тоже исконные скотоводы, хорошо ее изучили и не менѣе ветеринаровъ понимаютъ всю важность изоляціи больного скота отъ здороваго. Устраняютъ же они ее такъ. Замѣтивъ болѣзнь на скотѣ, сейчасъ же отдѣляютъ больныхъ отъ здоровыхъ. Первыхъ отгоняютъ внизъ балокъ, расположенныхъ въ глубинѣ степи, а вторыхъ въ верховья, причемъ собираются балки, расположенныя такъ, чтобъ ложе ихъ было за вѣтромъ, а не противъ вѣтра, дабы послѣднимъ не заносилась чума въ здоровыя стада. Внизу же балокъ располагаютъ больной скотъ потому, чтобы сточной водой,—наружной и подпочвенной—не заразить водоносовъ. Павшихъ животныхъ калмыки ни мало не медля обдираютъ, варятъ мясо и ѣдятъ, но тѣмъ самымъ не разносятъ заразы, ибо и вете-

---

¹⁾ Мы говоримъ о тѣхъ ветеринарахъ, съ дѣятельностью которыхъ въ Ставропольской губерніи хорошо знакомы.

риары признають, что прокипяченное мясо не содержитъ въ себѣ чумныхъ бактерій. Кожи также не ввозятся въ хотоны, пока не признаются безвредными. Затѣмъ, по прекращеніи чумы, оставшіяся въ живыхъ скотъ выдерживаетъ сорокадневный карантинъ и затѣмъ уже вгоняется въ общія мѣста пастбищъ и въ хотоны. Кажется калмыки дѣлаютъ все какъ слѣдуетъ и въ своихъ мѣрахъ борьбы съ эпизоотіей не идутъ въ разрѣзъ съ требованіями ветеринаріи, тѣмъ болѣе, что незаселенная степь съ ея укромными уголками даетъ калмыкамъ полную возможность изолировать заболѣвшій скотъ, къ чему собственно и сводятся всѣ требованія ветеринаровъ при „борьбѣ съ чумой“. Такъ нѣтъ же, въ ветеринарныхъ учебникахъ ничего не сказано о калмыцкомъ способѣ „прекращенія чумы на рогатомъ скотѣ“. Значитъ, „нужно его похерить“. Условія же жизни калмыковъ таковы, что имъ нѣтъ возможности въ точности, даже относительно, исполнять требованія ветеринаровъ и улусной полиціи, относительно изоляціи скота по учебникамъ и полицейскому уставу. Во первыхъ, у нихъ не изъ чего строить загородей для загона скота. Дѣсь въ степи чрезвычайно дорогъ, денегъ же на покупку нѣтъ, ибо таковыя у нихъ отобраны распоряженіемъ главнаго пристава о вносѣ арендной платы въ улусное управленіе. Чтобы израсходовать изъ нихъ хоть копѣйку, нужно, какъ мы уже знаемъ, сначала просить о разрѣшеніи схода, затѣмъ получить разрѣшеніе, ждать, пока оно чрезъ четырнадцать дней войдетъ въ законную силу, потомъ собрать сходъ, написать приговоръ, отослать въ улусное управленіе, подождать утвержденія главнаго пристава, и тогда уже, по крайней мѣрѣ мѣсяца чрезъ полтора, получить деньги на расходы, т. е. во времени, когда весь скотъ погибнетъ отъ чумы и будетъ составлено десятковъ, а то и болѣе протоколовъ о привлеченіи къ отвѣтственности за неисполненіе законныхъ требованій ветеринаровъ и непринятіе своевременныхъ мѣръ къ прекращенію чумы... Во вторыхъ, по требованію ветеринаровъ, скотъ исключительно утроямъ долженъ быть привязанъ къ палочкамъ для

термометраціи его. Легко требовать этого, исполнить же подчас физически невозможно. Веревки пѣть, паволокѣ тоже; но это еще не бѣда, если бы скотъ у калмыковъ былъ *домашній*, а не дикій, никогда не знающій, что такое загонъ, ярмо, веревка для роговъ и пр.... Такой скотъ еще кое какъ, съ трудомъ и усиліями многихъ людей, можно загнать въ загородъ, но ловить его, привязывать или, вѣрнѣе, прикручивать головой къ столбу и держать за хвостъ во время термометраціи,—настоящее мученіе, сопряженное даже съ опасностію для жизни. Перепуганная скотина до того рвется и мечется, что сравнительно плохую ворову еле-еле могутъ поймать и привязать къ столбу человекѣвъ пять-шесть калмыковъ, о быкахъ же в бугаяхъ нечего и говорить,—не только люди, но и верховыя лошади замучиваются, гоняясь за ними по степи.—Словомъ, мученіе для всѣхъ невѣроятное, особенно въ лѣтніе знойные дни, когда воздухъ раскаленъ и жара невыносима. Одни только ветеринары, стоя подъ зонтиками, пронзируютъ на счетъ неумѣвнн калмыковъ сразу поймать разяренную скотину и глубокомысленно рѣшаютъ вопросъ: „какъ же они воруютъ изъ стада, если здѣсь такъ человекѣ?“

Понятно, что при такомъ способѣ приготовленія скота къ термометраціи, когда о сповойномъ его состояніи (только и возможномъ для измѣренія дѣйствительнаго состоянія температуры животнаго),—не можетъ быть и рѣчи, правильность отдѣленія здоровыхъ отъ больныхъ посредствомъ опредѣленія температуры организма болѣе чѣмъ сомнительна. Самый здоровый быкъ или корова напуганная, возбужденная гонкой и страхомъ, всегда имѣетъ выше тридцати семи градусовъ теплоты и рѣдко ниже 40°. Имѣя же показателемъ такую высокую температуру, ветеринары большинство здоровой скотины причисляютъ къ заболѣвающимъ, держатъ въ баззахъ или отдѣльныхъ стадахъ, а если есть разрѣшеніе убивать, то немедленно же и убиваютъ. При этомъ при оцѣнкѣ убиваемаго скота ветеринары, воображая, что стоятъ „на стражѣ интересовъ казны,“—просто смеются надъ калмыками. Другого слова,

какъ „смиются“, я не могу подыскать для опредѣленія побужденій ветеринара или попечителя улуса, обвиняющаго корову въ одну копейку, а это фактъ, многимъ въ улусѣ извѣстный. Все это вмѣстѣ взятое, т. е. чума и въ связи съ ней ветеринары и попечители улусовъ, заставляетъ калмыковъ искать всяческихъ способовъ скрыть чуму, самимъ бороться съ ней и заявлять о ней тогда, когда она уже на „исходѣ“, т. е. когда новыхъ заболѣваній среди животныхъ не предвидится. Дабы не имѣть дѣла съ ветеринарно-полицейской заботливостью о „благополучіи скота отъ чумы“, калмыки и даже русскіе скотоводы, выпасывающіе свой скотъ на калмыцкой степи, практикуютъ даже такую крайнюю мѣру, какъ умышленное распространеніе чумной заразы между всѣми стадами заразы. Для этого обдираютъ кожу павшаго отъ чумы животного, намазываютъ ее солью, перемѣшанной съ кровью, и даютъ лизать здоровому скоту, который отъ этого быстро и заражается чумой. Изъ зараженнаго такимъ способомъ скота падаетъ въ общемъ не болѣе тридцати процентовъ, остальной же выздоровливаетъ. Затѣмъ, когда чума начнетъ прекращаться, хозяева скота, если не могутъ избѣжать огласки распространенія эпизоотіи въ ихъ стадахъ, дабы избѣжать отвѣтственности за „скрытіе чумы“,—по необходимости заявляютъ улусному управленію о *появленіи чумы*. Въ результатѣ свидѣтельствованія по такимъ заявленіямъ ветеринарами скота почти всегда является донесеніе, что у такого то „скотъ зараженъ чумой въ слабой формѣ“. Суть же дѣла остается скрытой...

Не менѣе тяжела для калмыковъ и обязанность натурой отбывать „карантинную повинность“. Тяжела опять такъ потому, что калмыкъ, оторванный на болѣе или менѣе продолжительный срокъ отъ кибитки, по условіямъ своего хозяйства, обрекается на голодъ. Въ его хозяйствѣ нѣтъ продуктовъ, кои онъ могъ бы брать съ собой, отлучаясь изъ дому. И поневолѣ приходится ему брать съ проѣзжихъ черезъ карантинъ хлѣбъ, сухари, гроши и пр., иначе онъ умеръ бы съ голода. Понятно, что находясь въ такомъ положеніи, калмыкъ, какъ карантин-

ный стражникъ, не только не полезенъ, но прямо вреденъ. Ранѣе, когда главный пристава не запрещалъ калмыкамъ лично пользоваться доходами съ земли, карантинные стражники получали отъ общества определенное жалованье—до пятнадцати рублей въ мѣсяцъ—на которое и могли существовать, находясь внѣ своей кибитки. Теперь же у нихъ нѣтъ къ тому возможности, почему они въ сильной степени и злоупотребляютъ правомъ пропуска чрезъ карантинъ всего того, что способствуетъ не прекращенію, а развитію чумы, за что, разумѣется, и плачутся.

Но самой настоящей дойной коровой для попечителей улуса и вообще улусной администраціи служили арендаторы калмыцкой земли. Помимо „платъ“ за засвидѣтельствованіе контрактовъ и невмѣшательство въ сдѣлки съ калмыками, арендаторы не только платили ежегодный „оброкъ“ за разныя содѣйствія, но являлись еще, какъ характерно выражаются мѣстные обыватели, „поставщиками дворовъ ихъ степныхъ высокоблагородій“, т. е. во время поѣздокъ въ г. Ростовъ на Дону привозили оттуда все, что „нужно было по дому“. Предлоговъ же и поводовъ къ „воспріятію даровъ“ было много—и чума, и безбилетные рабочіе, и отправка „непокорныхъ изъ нихъ“ по этапу, и „привзять“ земельки въ большомъ, чѣмъ сказано въ контрактѣ, количествѣ и пр. и пр. Для улусной же администраціи „всякое даяніе было благо и всякъ даръ совершенъ“...

Итакъ, улусная администрація ни въ коей мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи не ограждала интересовъ калмыцкаго населенія и не служила, какъ то слѣдовало бы, противовѣсомъ склонности войновъ къ эксплуатаціи подвластнаго имъ народа, а заботилась только о приумноженіи личныхъ своихъ статей дохода. Если же со стороны, такъ сказать, чисто экономической, попечители соблюдали только свои выгоды, то, быть можетъ, они заботились такъ или иначе о развитіи народа, старались сблизить калмыковъ съ русскимъ населеніемъ, приобщивали кочевниковъ къ занятію земледѣліемъ, къ осѣд-

лой жизни и „способствовали усвоенію народомъ русскаго быта“? Отнюдь нѣтъ....

Положимъ, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ есть школа для калмыцкихъ дѣтей. Существуетъ она уже давно. Въ періодъ нашего знакомства съ ней обученіе въ ней шло недурно и велось опытнымъ въ своемъ дѣлѣ учителемъ. Несмотря на это, она все таки положительно бесполезна для калмыковъ, существуетъ точно какой то придатокъ къ канцеляріи улуснаго управленія и ни въ какой мѣрѣ не удовлетворяетъ желанію народа обучать своихъ дѣтей. Суть въ томъ, что „улусная школа для калмыцкихъ дѣтей“ находится не *въ улусѣ*, т. е. не среди калмыцкихъ поселеній, какъ то слѣдовало бы, а *въ селѣ Ивановкѣ*, т. е. совершенно вдали отъ хотоновъ, почему и является уродливымъ продолженіемъ канцеляріи попечителя улуса и помѣщается въ одной съ нею квартирѣ.

Условія существованія калмыцкой школы таковы: на содержаніе ея съ учителемъ и наймомъ квартиры тратится болѣе тысячи рублей въ годъ. Въ счетъ этой суммы входятъ и плата десяти пансіонерамъ, по пяти рублей въ мѣсяцъ за учебное время, которые и выдаются учителю для расплаты съ хозяевами квартиръ, въ конѣ ученики помѣщаются и кормятся. Изъ этихъ же пяти рублей должна быть соблюдена и экономія на покупку бѣлья и обуви.

Весь расходъ на школу покрывается изъ процентовъ калмыцкаго общественнаго капитала. Расходъ же этотъ настолько значителенъ, что калмыцкая народная школа, повидному, должна быть вполне обеспечена и не нуждаться ни въ выборѣ учителя, ни въ учебныхъ и педагогическихъ пособіяхъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности и школа эта была бы, какъ говорится, биткомъ набита калмыцкими дѣтьми, если бы она помѣщалась не въ селѣ Ивановкѣ, а гдѣ либо среди калмыцкихъ жилищъ. Существованіе же школы не на своемъ мѣстѣ положительно лишаетъ калмыковъ возможности пользоваться ея услугами, что вполне и понятно. Во первыхъ,

для обученія въ ней дѣтей нужны средства на наемъ квартиръ, таковыхъ же у обнищавшихъ калмыковъ нѣтъ, но крайней мѣрѣ у значительнаго большинства; во вторыхъ, отдаленность мѣстопребыванія школы въ значительной степени расхолаживаетъ желаніе калмыковъ отдавать своихъ дѣтей „въ школьную учѣбу“. Въ силу этихъ то главныхъ причинъ въ улусной школѣ изъ года въ годъ учится только десять мальчиковъ, единственно благодаря тому, что они получаютъ по пяти рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ же стипендіатовъ, другихъ учениковъ нѣтъ и не было и школа совершенно опустѣла бы, если бы уничтожены были стипендіи... Въ то же время совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы школа существовала въ улусѣ гдѣ либо среди калмыцкихъ жилищъ. Своихъ дѣтей калмыки очень охотно обучаютъ грамотѣ, понимаютъ пользу ея и сознательно ропщутъ на волю начальства, de facto лишившаго ихъ возможности пользоваться улусной школой... Но на ропотъ ихъ никто ровно никакого вниманія не обращалъ. Мало этого,—настоятельное желаніе калмыковъ перевести школу изъ села Ивановки въ центръ своихъ поселеній безпричинно игнорируется. Такъ еще въ 1891 году на улусномъ сходѣ, по собственной инициативѣ калмыковъ и по ихъ настоячивому требованію, составленъ былъ общественный приговоръ о постройкѣ училища внутри стойбищъ; но приговору этому „ее дали хода“ и онъ гдѣ то завалился между дѣловыми бумагами. Приговоромъ этимъ, очевидно, кто то недоволенъ и почему то (быть можетъ въ видахъ высшихъ какихъ либо административныхъ соображеній) тормозитъ дѣло перенесенія школы въ то мѣсто, гдѣ ей давнымъ давно слѣдовало бы быть. Но почему именно главный приставъ держитъ приговоръ о школѣ на своемъ письменномъ столѣ, трудно и даже невозможно понять... Не понимаютъ этого и также удивляются и калмыки и терпѣливо ждутъ конца „разъясненій недоразумѣнія“, а вслѣдъ за этимъ и осуществленія своего насущнаго и во всѣхъ отношеніяхъ законнаго желанія имѣть свою шко-

лу у себя, а не въ селѣ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своихъ кочевій.

Насколько трудно калмыкамъ отдавать своихъ дѣтей въ существующую школу, между прочимъ безошибочно можно судить и по тому, что даже и тѣ *десятыя* счастливицы, кои получаютъ по пяти рублей въ мѣсяцъ, поступаютъ въ училище не путемъ добровольной отдачи въ него родителями своихъ дѣтей, а *изъ силу попечительскихъ приказовъ*. Последняго отнюдь не могло бы случиться, если бы школа существовала въ улусѣ, а не въ селѣ... И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Ивановской школѣ, дабы имѣть всегда „полный комплектъ учениковъ“, т. е. *десятыя*, одни и тѣ же школяры, такъ или иначе, „удерживаются въ классахъ“ по нѣскольку лѣтъ подрядъ безъ всякой къ тому нужды въ смыслѣ успѣховъ обученія; случается и такъ, что обучение въ школѣ прекращается только женитьбой ученика. За все время существованія школы въ с. Ивановкѣ, на сколько мнѣ извѣстно, только три ея ученика *были особо приготовлены* въ Уладовскую учительскую семинарію, одинъ въ Тифлисскую Михайловскую фельдшерскую школу и три въ Ставропольское духовное училище. Случилось это потому, что нужно же было, хотя изрѣдка, посылать учениковъ на стипендіи, ежегодно вносимы калмыками въ эти учебныя заведенія, исключая духовнаго училища, въ которое присланы были „калмычата“ по особенному желанію бывшаго ставропольскаго епископа Германа. Къ слову сказать, всѣ эти стипендіаты окончили курсъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ кои были отданы. Два изъ нихъ были потомъ, хотя и кратковременно, учителями въ улусной школѣ. Но ихъ не сумѣли и не захотѣли ни приохотить къ службѣ, ни удержать на ней. Напротивъ—пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ, какъ калмыкамъ, отношеніемъ съ высоты своего начальническаго величія, оттолкнули отъ школы. Послѣ учительства одинъ изъ нихъ и до сихъ поръ служитъ родовымъ старшиной, а другой былъ родовымъ же писаремъ.

Если же въ улусной школѣ таково количество обучающихся, то понятно, что не можетъ быть и рѣчи о вліаніи этой школы на калмыцкое населеніе, равно и о развитіи русской грамотности среди него. Въ этомъ отношеніи значеніе училища сводится къ нулю и нѣтъ ничего удивительнаго, что калмыкъ, вышедшій изъ него, пишетъ не „квитанція“, а „капитанція“... Совсѣмъ внаше поставлено дѣло обученія калмыцкихъ дѣтей ихъ родной грамотѣ. Знающихъ ее очень значительный процентъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что половина населенія улуса знаетъ калмыцкую грамоту. Объясняется это тѣмъ, что при каждомъ хурулѣ есть школа, въ которой галюны (духовныя лица) охотно и безвозмездно обучаютъ калмыцкихъ дѣтей грамотѣ. Не лишне замѣтить и то, что школы эти существуютъ внѣ закона и официальныхъ лицъ пока не касаются ихъ.

Итакъ, „школьное дѣло“ среди калмыковъ не развивается, а напротивъ—какъ будто бы тормозится. Слѣдовательно, мы считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что забота о развитіи грамотности, а въ связи съ нею и о просвѣщеніи калмыцкаго народа, по меньшей мѣрѣ игнорируется попечителями улуса и ихъ начальствомъ...

Не въ лучшемъ положеніи находится и забота администраціи о „пріохочиваніи“ калмыковъ къ занятію земледѣліемъ.

Мы уже упоминали, что калмыки Больше-Дербетскаго улуса едва только ступили на путь земледѣльческой культуры и къ обработкѣ земли пока еще не имѣютъ ни навыка, ни особенной охоты, ни средствъ, ни самаго необходимаго сельскохозяйственнаго инвентаря. У массы населенія нѣтъ ни плуговъ, ни боронъ, ни быковъ или же лошадей, прирученныхъ къ плугу. Калмыцкіе же культуртрегеры, начиная съ попечителя улуса и кончая главнымъ приставомъ, на все это не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія, не признаютъ никакой постепенности въ дѣлѣ обученія земледѣльческому труду, ухватились за „общественныя запашки“, какъ за нѣчто

красивое и громкое на страницахъ разныхъ отчетовъ и вслѣдствіе стараются о созданіи такихъ „запашекъ“. Къ счастью, хлопоты о созданіи общественныхъ запашекъ ограничиваются пока еще чисто канцелярской перепиской, почему и безжизненны, и безрезультатны. Обыкновенно осенью и весной, предъ началомъ пахоты, пишутся родовымъ старшинамъ строжайшіе *приказы* „распахать не менѣе пятнадцать десятинъ земли“... „иначе привлечены будете къ законной и строгой отвѣтственности“... и... дѣлу конецъ. Но какъ распахать, чѣмъ обдѣлать... этого, какъ малозначащаго дѣла въ глазахъ попечителя улуса и главнаго пристава, никто не касается. Насколько же трудно калмыцкому народу исполнять такіе „строжайшіе приказы“, можно судить, между прочимъ, уже по одному тому, что калмыки, дабы избавиться отъ „строгой отвѣтственности по закону“ за неисполненіе требованія „провести общественную запашку“, не имѣя никакой возможности провезти ее своими силами, панимаютъ русскихъ и за распашку земли и посѣвъ хлѣба платятъ имъ втроядорога. Мѣстные власти знаютъ это, но „не обнаруживаютъ“, что собранный съ такой „общественной запашки“ хлѣбъ обходится калмыкамъ болѣе, чѣмъ въ пять разъ дороже противъ существующей цѣны, ибо онъ убирается и молотится также чужими руками. Отсюда понятно, что такіа „общественная запашка“ ложатся тяжелымъ бременемъ на калмыковъ, являются одной изъ тягчайшихъ „натуральныхъ повинностей“, причиняютъ несомнѣнные убытки и, что главное, отвращаютъ народъ отъ плуга, ибо каждый изъ боязни, что, какъ общественника, его заставятъ пахать „на общественной нивѣ“, не рѣшается обзавестись собственнымъ плугомъ и бороной, а норовитъ войти въ соглашеніе съ крестьянствомъ даже на самыхъ убыточныхъ для себя началахъ, но лишь бы его руками и скотомъ обработать свой пай, т. е. клочокъ земли. Вслѣдствіи мы увидимъ, что попечители улуса разными своими распоряженіями, побуждающими калмыковъ къ занятію земледѣліемъ, скорѣе убиваютъ, а не развиваютъ земледѣльческую культуру среди

ожидаемаго ими народа и въ сильной степени замедляютъ усвоеніе калмыками русскаго быта и связанную съ нимъ перемѣну образа жизни. И если калмыцкій народъ дѣйствительно находится наканунѣ преобразованія гражданскаго своего строя, то таковое должно начаться съ юрты, т. е. съ радикальной реформы инородческаго управленія, цѣлымъ столѣтіемъ доказавшаго и притомъ вполне всю практическую свою непригодность для народа... Въ настоящее время управленіе калмыцкимъ народомъ среди общихъ нашихъ административныхъ управленій представляетъ какую то археологическую рѣдкость, сохранять обособленность которой равносильно обреченію калмыковъ на вѣрный изморъ и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніи. До сихъ поръ калмыки, пока, чужды страсти къ кляузнничеству, но упорное преслѣдованіе и стѣсненіе ихъ правъ распорядиться землей и пользоваться доходами съ нея вынуждаетъ уже заниматься и этимъ дѣломъ. А жаль! путь кляузнничества скользокъ... Но что же дѣлать? Дети не плачутъ—мать не разумѣетъ... Не можетъ же быть, чтобы калмыки вотще надѣялись на то, что плачь ихъ будетъ услышанъ...

VI.

Разсмотримъ теперь юридическія права калмыковъ на занимаемую ими землю, способы пользованія ею и послѣдствія вмѣшательства главнаго пристава и попечителя улуса въ права народа на пользованіе своими земельными надѣлами.

Извѣстно, что въ 1771 году калмыки, не желая подчиниться вмѣшательству русскихъ въ ихъ жизнь и административный строй управленія, подъ предводительствомъ *Убуши-хана* вздумали убѣжать, какъ выразился г. Завалишинъ, въ „Великую Татарію“, т. е. въ Монголію. Но снявшаяся съ при-

волжскихъ степныхъ кочевій орда не вся достигла предѣловъ Монголіи; часть ея возвратилась на прежнія мѣста и возбудила вопросъ о своемъ правѣ на владѣніе тѣми же землями, на которыхъ привольно кочевала до ухода изъ Россіи. На основаніи этого ходатайства въ 1780 году послѣдовало правительственное распоряженіе, конимъ повелѣвалось „отвести калмыкамъ всѣ тѣ земли, на которыхъ до ухода ихъ въ Китайскую Имперію предки ихъ имѣли кочевье“. Получивъ такое распоряженіе, мѣстная, т. е. астраханская, администрація затруднилась выполнить его потому, что калмыкамъ съ точностію никогда отвода земель дѣлано не было, что на многихъ изъ этихъ земель поселились уже казенные и помѣщичьи крестьяне и что безъ разоренія тѣхъ селеній отвести калмыкамъ прежнія земли невозможно. Причины эти, выставленныя астраханскимъ начальствомъ, петербургскимъ властямъ показались удовлетворительными и заслуживающими вниманія, въ силу чего указомъ 12 іюня 1803 года и поручено было астраханскому губернатору, князю Циціанову, „обозрѣть чрезъ особаго чиновника земли, занимаемыя кочевьями калмыковъ и представить о нихъ подробныя свѣдѣнія ¹⁾“.

Обозрѣніемъ калмыцкой степи, по счастливому выбору князя Циціанова, занимался генералъ-маіоръ Завалишинъ.

Въ результатѣ изслѣдованія Завалишина оказались настолько важными, что всецѣло на основаніи ихъ издано было 19 мая 1806 года Высочайше утвержденное положеніе объ отводѣ калмыкамъ земель. Самыя же изслѣдованія и „предположенія“ г. Завалишина вошли въ составъ Полнаго Собранія Законовъ въ видѣ приложения къ указу 1806 года ²⁾.

Такимъ образомъ указъ 1806 года былъ первымъ извѣстнымъ правительственнымъ актомъ въ дѣлѣ признанія и упо-

---

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Пол. Соб. Зак. Т. 1, 3 и 4.

²⁾ Записка г. Завалишина представляеть изъ себя весьма цѣнный матеріалъ по исторіи первоначальнаго пребыванія калмыковъ въ приволжскихъ степяхъ.

рабоченія правъ калмыцкаго народа на кочевья его въ извѣстныхъ предѣлахъ обширнѣйшаго нашего приволжскаго степного пространства.

Изъ положенія 19 мая 1806 года видно, между прочимъ, что, обезпечивая права калмыковъ на кочевку въ извѣстныхъ границахъ степного пространства, правительство, въ то же время и тѣмъ же положеніемъ, однако, не дало имъ права на неотъемлемое, исключительное владѣніе земель, отведенной подъ кочевья. Напротивъ, оно въ ясно выраженной формѣ только дозволяло калмыкамъ Дербетскаго улуса кочевать въ указанныхъ имъ мѣстахъ, но не присвоивало имъ правъ собственности на эти мѣста. Мало этого, — и самое дозволеніе было, такъ сказать, съ неполнѣйшимъ милостивымъ ограниченіемъ. Такъ, пунктомъ 7 и 8 положенія 1806 года калмыкамъ запрещалось, между прочимъ, *кочевать близъ рѣки Ягурмаха (Ставропольской губерніи) на мѣстахъ, удобныхъ для поселенія и изобилующихъ водопами, равно и быть всегда готовыми къ уступкѣ земли на случай необходимости наградить ея кого либо по высшему усмотрѣнію.* Иными словами, дозволялось кочевать вездѣ, но только на худшихъ мѣстахъ и въ то же время не забывать, что во всякое данное время кочевники могутъ быть согнаны со своихъ стойбищъ даже безъ предваренія о томъ; послѣднее для калмыковъ, какъ кочевого народа, считалось, повидимому, излишнимъ. Но выходцамъ изъ „Великой Татаріи“, калмыкамъ, какъномадамъ, чуждымъ понятія о земледѣльческой культурѣ, при изобиліи свободнаго степного пространства, не было нужды заботиться ни объ устраненіи ограниченій правъ на землю, ни о закрѣпленіи правъ на пользованіе ею. Свободной, никѣмъ не занятой земли была масса, вольнымъ перекочевкамъ по всей громаднѣйшей степи астраханской губерніи никто не мѣшалъ, приволье было полное и о стѣсненіяхъ въ выборѣ мѣстъ для стойбищъ не могло быть и рѣчи, почему ни у кого изъ калмыковъ и не могло зародиться вопроса о закрѣпощеніи земель и о недопущеніи въ предѣлы кочевій иныхъ какихъ либо, кромѣ калмыцкихъ, по-

селеній. Вслѣдствіе же того, что земли для кочевковъ было болѣе, чѣмъ вдоволь, калмыки, въ первое время наплыва крестьянъ въ ихъ степи и захвата ими земель подъ свои поселенія, не обращали серьезнаго на то вниманія, на вырастающія поселенія крестьянъ смотрѣли со страхомъ и, не зная цѣны землѣ, не защищали своихъ правъ на нее. Будучи исконными кочевниками, калмыки, такъ сказать, временно цѣнили землю—только въ пору ея пригодности для выпаса скота, табуновъ лошадей и овецъ. По вытравленіи же корма земля въ ихъ глазахъ теряла всякую цѣнность. Вытравивъ кормъ на одномъ мѣстѣ, калмыки переходили со своимъ скотомъ на другое, разойтись же было гдѣ и затрудненій къ перекочевкамъ не существовало. Все хозяйство номадовъ приволжскихъ степей состояло изъ скота, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Всѣ постройки кочевника ограничивались немудрой по своему устройству войлочной кибиткой, въ которой онъ укрывался со своей семьей. Затѣмъ ни о какихъ загородахъ, загонахъ, запасахъ сѣна для своего скота калмыки не заботились. Климатическія условія степной части Ставропольской губерніи вполне благоприятствовали патриархальному способу веденія скотоводства. Только въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ являлись нѣкоторыя затрудненія для прокорма скота, который въ эту пору съ трудомъ и кое какъ могъ пользоваться подножнымъ кормомъ. Вообще же зимы бывають безснѣжны и рѣдкіе сильные холода случаются рѣдко, періодически, и держатся непродолжительное время, хотя пора ихъ и губительна для скота. Но въ пору холодовъ и степныхъ бурановъ калмыки изъ открытой степи забирались со своимъ скотомъ въ камыши, обильно росшіе въ лиманахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Большого* и *Малого Бурукшума*, затѣмъ по рѣкамъ: Манычу, Ягуринку, Калаусу, Башантѣ, Большой Джалгѣ и др. Кстати замѣтимъ, что эти громадные заросли камыша теперь совершенно исчезли и только по р. Манычу еще кое гдѣ попадаются жалкіе остатки ихъ. Въ такихъ затишьяхъ, какъ заросли камыша, скотъ съ удобствомъ защищался отъ вьюговъ, бурановъ и другихъ зимнихъ

невзгодъ. Словомъ, калмыки, какъ кочевники, по условіямъ веденія своего хозяйства, не только не нуждались въ одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ клочкѣ земли, но не имѣли и возможности постоянно жить на одномъ и томъ же мѣстѣ, вслѣдствіе чего у нихъ, какъ истыхъ номадовъ, не было ни привязанности къ мѣсту, ни понятія о правахъ собственности на одно опредѣленное какое либо мѣсто, какъ то есть у земледѣльцевъ. Въ калмыцкой поговоркѣ: „гдѣ развелъ огонь, тамъ и жилище; гдѣ привязалъ коня, тамъ и пастбище“ весьма ярко и точно выразился взглядъ народа на права собственности на землю и его привязанность къ извѣстному мѣсту. Калмыкъ привязанъ только вообще къ мѣсту родины *всего своего рода* и племени, почему онъ и до сихъ поръ еще считаетъ Монголію *своею землею* и своими помыслами тяготеетъ къ ней.

При такомъ взглядѣ на права земельной собственности понятно, что калмыки не считали нужнымъ дорожить тѣми окраинами своихъ степныхъ кочевій, кои захватывались крестьянами — выходцами подъ свои поселенія. Съ теченіемъ времени, когда наплывъ переселенцевъ въ вольныя степи не только захватилъ окраины ея, но проникъ и внутрь калмыцкихъ стойбищъ и заставилъ кочевниковъ сжаться, особенно въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, калмыки начали „разбираться“ въ своихъ правахъ на землю и привались усиленно ходатайствовать объ огражденіи своихъ кочевій отъ вторженія въ нихъ крестьянскихъ поселеній, равно и о выясненіи, какъ и тѣмъ они могутъ пользоваться изъ числа занимаемой ими земли. Этотъ земельный вопросъ, какъ мы уже знаемъ, окончился только въ 1871 году, когда болѣе или менѣе положительно выяснены были права калмыковъ на извѣстныя земельныя дачи и составлены геверальные планы послѣднихъ, благодаря чему у калмыковъ явилась возможность съ планомъ въ рукахъ во всякое данное время возстановлять границы своихъ владѣній на случай захвата кѣмъ либо части ихъ.

Какъ и съ какою выгодною для калмыковъ произведено

было размежеваніе земли, мы уже знаемъ (гл. II). Остается только сказать, что разверстка остатковъ калмыцкой степи между населеніемъ Больше-Дербетскаго улуса, оконченная въ 1871 году, была вторымъ послѣ 1806 года опредѣленнымъ и важнымъ правительственнымъ актомъ въ дѣлѣ выясненія и оформленія правъ калмыцкаго народа на занимаемую имъ землю. Но и этотъ актъ, точно такъ же, какъ и первый, не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ даже на душевой земельный надѣлъ, оставивъ таковой только во временномъ пользованіи. Объяснить это можно тѣмъ, что положеніе 1806 г., установившее условность и временность правъ калмыковъ на землю, занятую ихъ кочевьями, всецѣло перешло потомъ въ „Положеніе объ управленіи калмыцкимъ народомъ“, изданное въ 1847 году, служащее и до настоящаго времени единственнымъ руководящимъ закономъ въ дѣлѣ административнаго управленія калмыками и опредѣленія ихъ правъ и привилегій. Этимъ положеніемъ категорически, между прочимъ, опредѣлено, что вся земля, занимаемая калмыками подъ ихъ кочевья, считается принадлежащей Министерству Государственныхъ Имуществъ, калмыкамъ же она отводится только во временное пользованіе, безъ правъ собственности на нее. Очевидно, что и по положенію 1847 года, какъ и по первому, т. е. 1806 года, калмыки должны были всегда быть готовыми въ оставленію тѣхъ или другихъ мѣстъ своихъ кочевій, разъ въ нихъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, являлась нужда, что народу съ большими неудобствами и потерями постоянно приходилось испытывать вплоть до 1871 года. Мы уже говорили, что за этотъ періодъ времени калмыки волею-неволею должны были уступить болѣе трехъ четвертей своихъ кочевій на разныя и разныхъ лицъ и сословія надобности, безъ разбора правъ на захватъ земель. Положимъ, и актъ 1871 года также не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ на землю, отведенную имъ въ видѣ душевого надѣла, но все-таки этимъ актомъ сдѣлавъ весьма важный шагъ впередъ въ

дѣль приобрѣтенія народомъ правъ собственности на душевой надѣль на общинныхъ началахъ. Такое предположеніе съ увѣренностью можно основывать на томъ, что съ 1871 года земля отведена была калмыкамъ уже *не подъ ихъ кочевья*, какъ то было ранѣе, а *подъ осѣдла поселенія* со строгимъ и точнымъ разграниченіемъ земельныхъ дачъ для каждаго отдѣльнаго рода, а не сплошь для всего населенія Больше-Дербетскаго улуса, равно и съ точнымъ же обозначеніемъ количества душевого надѣла, именно по тридцати десятинъ на каждую мужскую душу. Отсюда ясно, что разъ калмыки поселятся осѣдло на одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ участковъ, то отведенная уже и занятая ими земля, во имя справедливости, не будетъ и не должна уже считаться *только во временномъ пользованіи калмыковъ*. Напротивъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ навѣрное отчислитъ „калмыцкія дачи“ въ собственность этого народа на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно до сихъ поръ отчисляло принадлежащую ему землю разнымъ крестьянскимъ обществамъ. Затѣмъ, вслѣдъ за уступкой земли, хотя бы и въ общественную собственность, калмыки, естественно, должны будутъ перейти изъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на общемъ основаніи съ прочими „свободными сельскими обывателями“. Но все это ожидается въ будущемъ, хотя, нужно полагать, и не далеко. Теперь же важно уже и то, что, благодаря отводу земли подъ осѣдлое поселеніе, калмыки тѣмъ самымъ болѣе или менѣе опредѣленно застрахованы отъ необходимости „быть всегда готовыми къ оставленію мѣстъ своихъ кочевій“, равно и отъ запрещенія селиться тамъ, гдѣ есть „удобныя для пастбищъ и изобилующія водопами мѣста“. Въ противномъ случаѣ пришлось бы разорать народъ, недавно начавшій кое какъ осѣдло устраниваться на любимыхъ имъ мѣстахъ, что, разумѣется, не можетъ быть допущено, какъ не допускалось даже и по отношенію къ крестьянамъ, съ 1771 года занявшимъ калмыцкія земли, по уходѣ части ордн въ

Монголію, не допускалось потому и во все послѣдующее время, даже несмотря на самовольный захватъ переселенцами чужой земли. Въ настоящее время калмыкамъ остается сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ, именно—прочно объосѣдаться на одномъ мѣстѣ, заняться земледѣліемъ и тогда земля, находящаяся теперь во временномъ ихъ пользованіи, навѣрное отчислится въ ихъ собственность.

Послѣднее соображеніе высказывается потому, что часто и всегда весьма неосторожно официальные лица, а вслѣдъ за ними и другія, выставляютъ на видъ калмыкамъ, что земля не ихъ, что имъ только позволяютъ временно пользоваться ею впредь до усмотрѣнія начальства и что потому они, калмыки, не имѣютъ права распоряжаться ею по своему произволу, извлекать изъ нея самостоятельно доходы и входить даже въ мельчайшія сдѣлки съ крестьянами относительно обработки доли или за деньги „даже пяди, даже ступни на десятины“...

Всѣ такія и имъ подобныя „разъясненія правъ калмыковъ на отведенную имъ землю“, основанныя на личныхъ соображеніяхъ и выводахъ калмыцкаго начальства не только, какъ мы уже сказали, неосторожны, но и прямо вредны по своимъ послѣдствіямъ. Вредны потому, что, исходя изъ сравнительно авторитетнаго источника, въ сильной степени расхолаживаютъ желаніе калмыковъ прочно и порядкомъ селиться на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и тѣмъ окончательно объосѣдаться. Боязнь, что ихъ согонятъ, что имъ укажутъ мѣсто не по ихъ желанію, а по выбору улусной администраціи, что „разсуютъ ихъ между крестьянами“, заставляетъ калмыковъ селиться кое какъ, кучками, разбросанно, не обставляя своихъ жилищъ необходимыми сельско-хозяйственными пристройками. Въ силу той же неувѣренности въ правѣ облюбовать мѣсто для „осады“, калмыки даже къ постройкѣ избъ приступаютъ всегда нерѣшительно и осторожно, ибо у народа отнята увѣренность въ томъ, что они

собственные земли и не зависят отъ каприза... Что „дачи“ урѣжутъ, въ томъ успѣли уже увѣрить калмыковъ, хотя у увѣрявшихъ въ томъ не было положительно никакихъ къ тому оснований, кромѣ личныхъ недоброжелательныхъ, чтобы не сказать болѣе, соображеній... Соображенія же эти вызывались, между прочимъ, желаніемъ показать калмыкамъ все ихъ безправіе, зависимость отъ власти имущихъ и заставить чрезъ посредство застрачиванія дѣлать то, что имъ велятъ. Но такіа стремленія достигали какъ разъ обратныхъ результатовъ, т. е. калмыки всячески противились выполнять начальническія предписанія. И если бы не сама дѣйствительность, съ ея ничѣмъ неустранимымъ требованіемъ хлѣба и одежды, коихъ обнищавшимъ калмыкамъ негдѣ взять, такъ какъ скотоводство и овцеводство окончательно пало, о коневодствѣ же сохранились только преданія,—то администрація излюбленными ею способами не заставила бы народъ забыть про невозвратное прошлое кочевой жизни; калмыки и до сихъ поръ остались бы кочевниками и переходъ ихъ къ другому образу жизни и занятіямъ не подвинулся бы ни на шагъ впередъ... Только нищета пригнула калмыковъ къ землѣ и если бы ихъ перестали „обучать“, то они несравненно охотнѣе взились бы за плугъ и борону. Вѣрнымъ доказательствомъ послѣдняго могутъ служить родичи калмыковъ—*Сибирскіе Буряты*. Ихъ никто не принуждалъ къ осѣдлой жизни и занятію земледѣліемъ; между тѣмъ, въ Иркутской губерніи, исключая части тункинскаго края, именно кочевій по вершинамъ Саянскаго хребта (Мондинскій, Гарганскій и Окинскій караулъ), нѣтъ ни одного бурята, который бы зимой не жилъ въ крестьянской избѣ, окруженной амбарами и сараями, и не занимался бы земледѣліемъ съ знаніемъ дѣла и съ такимъ же усердіемъ, какъ и крестьянское сосѣднее съ нимъ населеніе, причемъ количество обрѣменяемыхъ бурятами полей по разверсткѣ на души ничуть не меньше, чѣмъ у крестьянъ. Но въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія мѣстной администраціи вдумалось заставить бурятъ „разводить картофель“. Энергіи со-

сторонн „чиновъ“ была потрачена масса, завелась огромная переписка ¹⁾, но... но никто изъ бурятъ не хотѣлъ взяться за посадку картофеля. Дѣлу не помогли ни угрозы, ни приведеніе ихъ въ исполненіе, ни приманки въ видѣ награжденія золотыми и серебряными медалями и почетными кафтанами... всѣ хлопоты администраціи привить картофельную культуру среди бурятъ не привели ни къ чему, кромѣ ропота противъ вводителѣй и даже „попытокъ къ бунту“. Затѣмъ, когда властямъ наскучило, наконецъ, возиться съ „этими невѣжественнымъ народомъ“ и „картофельная культура“ потеряла прелесть новизны, ведущей къ „отличкамъ за усердное исполненіе служебныхъ обязанностей“, буряты, оставленные въ покоѣ, вскорѣ сами, по своей волѣ начали садить и сѣять „ябала“, т. е. картофель, и въ огородахъ и въ полѣ, между посѣвами хлѣба. Въ восьмидесятыхъ же годахъ, какъ то лично извѣстно намъ, когда въ воспоминаніяхъ о „картофельной новизнѣ“ буряты начали относиться уже не зло, а иронически, они разводили „ябала“ (исковерканное русское слово „яблоко“) въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ крестьяне—сибиряки. Для большей ясности дѣла не нужно забывать и того, что буряты никогда не были подъ чьей либо особой опекой, у нихъ не было ни попечителей, ни главныхъ приставовъ, какъ то есть у калмыковъ; въ ихъ бытѣ никто не вмешивался и они давно уже, по собственной инициативѣ, сдѣлались осѣдлымъ и земледѣльческимъ народомъ. Калмыки же, несмотря на усиленную надъ ними опеку, и до сихъ поръ еще полукочевой народъ и занятіе земледѣліемъ у нихъ только въ зачаточной формѣ, хотя экономическій ихъ бытъ находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ у бурятъ. У послѣднихъ есть и рыбныя ловли, и звѣроловство, и масса скота,—слѣдовательно, кромѣ земледѣлія есть, изъ чего добывать средства

---

¹⁾ Съ перепиской о „введеніи посѣва картофеля среди бурятъ“ мы знакомы по архиву Тулунской инородческой думы и отчасти Идлинской (Балаганскаго округа).

къ жизни, къ тому же и болѣ легкимъ трудомъ, чѣмъ распашка земли. У калмыковъ же вслѣдъ за обнищаніемъ, какъ послѣдствіемъ полнаго упадка скотоводства, кромѣ земли рѣшительно не къ чему приложить руки и не изъ чего извлекать доходы. Но какъ же съ охотой прикладывать къ землѣ руки, когда народъ пугаютъ тѣмъ, что она можетъ быть при случаѣ и отобрана отъ него? Не вѣрить же этимъ запугиваніямъ нельзя, ибо въ прошломъ много и часто приходилось на опытѣ узывать послѣдствія непрочности своихъ правъ на землю и уступать насиженныя мѣста разнымъ пришельцамъ... Отсюда ясно, что если желаютъ, чтобы калмыки сдѣлались вполнѣ осѣдлымъ народомъ и занялись бы земледѣліемъ, безъ чего они—погибшій народъ, то прежде всего и главнѣе всего слѣдуетъ закрѣпить за ними землю и дать имъ свободу распоряжаться ею на общинныхъ началахъ, а затѣмъ немедленно же избавить народъ отъ ненужной, но вредной опеки и слить его по его правамъ съ крестьянскимъ населеніемъ, дабы калмыки не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности были бы „свободными сельскими обывателями“, какъ они и наименованы въ законѣ 15 марта 1892 года.

Но все таки, если правительственный актъ 1871 года и не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ на землю, а оставилъ ее только въ „пользованіи ихъ“, то все таки онъ важенъ для народа тѣмъ, что земля *отведена уже подъ осѣдлыя поселенія*, разгранчена и раздѣлена между отдѣльными родами, что и имѣло весьма важныя послѣдствія въ устройствѣ дальнѣйшаго экономическаго быта больше-дербетцевъ и заставило ихъ круто измѣнить строй своей жизни.

До 1871 года калмыки Больше-Дербетскаго улуса свободно перекочевывали съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ отведенной имъ степи и послѣдняя не загромождалась хуторами арендаторовъ, потому что ее нельзя было отдавать отдѣльными участками въ долгосрочную аренду. Со времени же разверстки земли между отдѣльными калмыцкими родами и съ ограниченіемъ количества ея расчетомъ по тридцати десятинъ на

душу, районъ кочевій поневогѣ долженъ былъ сузиться и войти въ точно опредѣленные границы безъ права выхода за нихъ. Мало этого—калмыки потеряли право совмѣстнаго пользованія всей степью Больше-Дербетскаго улуса, каждый родъ началъ пользоваться только землей своей дачи. Слѣдовательно, прежнее раздолье и свобода кочевать по выбору миновали. Нужда заставила избирать опредѣленные мѣста для зимнихъ стоянокъ и на нихъ устраивать базы, т. е. затѣны для скота отъ зимнихъ вьюговъ и бурановъ. Возможность укрываться въ камышахъ также миновала, ибо вслѣдъ за заселеніемъ калмыцкой земли и распашкой ея камыши начали быстро исчезать. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ заросли камышей видѣлись на многихъ лиманахъ и озерахъ, но затѣмъ изъ года въ годъ онѣ начали быстро исчезать. Въ настоящее же время существованіе калмыцкихъ притоновъ въ камышахъ отошло уже въ область мало вѣроятныхъ разсказовъ. Даже по бережьямъ рѣки Маныча, гдѣ прежде въ камышахъ водились дикіе кабаны, волки и лисыцы, остались только жалкіе клочки одиноко торчащихъ камышинъ. Вообще степь совершенно оголилась, уже истощена, не покрывается, какъ то было ранѣе, невылазной травой, и калмыкамъ волеяневолей приходится объѣздливаться, браться за плугъ и соху и устраивать базы для скота. А такъ какъ базы послужили основой осѣдлости калмыковъ, ячейкой будущихъ поселеній, то и не безынтересно познакомиться съ устройствомъ ихъ, тѣмъ болѣе, что мѣста, на которыхъ они устроены, калмыки считаютъ уже неотъемлемой своей собственностью и дорожатъ ими, какъ крестьяне своими усадьбами.

Извѣстно, что населеніе калмыцкой степи, какъ и вообще степной полосы Ставропольской губерніи, совершенно лишеной древесной растительности, терпитъ большую нужду въ лѣсномъ матеріалѣ. Доставляется онъ или изъ Ростова на Дону, или же изъ г. Царицына, т. е. болѣе, чѣмъ за триста верстъ, почему цѣнится очень дорого, и не всегда его можно достать въ желаемомъ количествѣ и желаемого сорта. Всякая

палочка, обломки доски сберегаются, какъ нѣчто цѣнное и крайне необходимое въ хозяйствѣ. Такой ощутительный недостатокъ въ лѣсномъ матеріалѣ заставилъ степняковъ изыскивать средства для замѣны его чѣмъ либо другимъ, гдѣ въ тому представляется хотя малѣйшая, возможность. Матеріаломъ, во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣняющимъ бревно и доски, оказался *саманъ*, т. е. сырцовый кирпичъ, затѣмъ просто грязь, образующаяся послѣ дождей и смѣшанная съ соломой, и *курай* (степной бурьянъ), въ изобиліи растущій на распаханыхъ поляхъ.

Саманъ, какъ матеріалъ, сравнительно дорого стоящій и требующій искусства въ приготовленіи его, употребляется по преимуществу на постройку жилыхъ помѣщеній и только зажиточные люди устриваютъ изъ него саран и конюшни. Обыкновенно же стѣны для хозяйственныхъ пристроекъ дѣлаются изъ дождевой грязи; загонъ же для скота, называемые *базами*, дѣлаются еще проще. Нужная для загона площадь окапывается болѣе или менѣе глубокимъ ровомъ; края рва обкладываются кураемъ, причемъ, дабы курай плотнѣе легался и стѣны изъ него были бы устойчивѣе, каждый слой его приваливаютъ землей. У кого же есть въ излишкѣ солома, то такимъ же способомъ устриваютъ и изъ нея базы.

Устроенный такъ базъ, вышиной въ сажень, если и остается открытымъ сверху, то все таки, какъ „затишекъ“, служитъ хорошей защитой отъ зимнихъ непогодъ. Къ тому же и устройство база, какъ видимъ, не затѣйливо, дешево и требуетъ затраты только личнаго труда; матеріалъ же находится подъ рукой.

Постановленные въ необходимость прекратить кочевку по всей степи со своимъ скотомъ и лишившись камышей, какъ единственныхъ зимнихъ приютовъ, калмыки, какъ уже сказано, поневолѣ привалились за устройство базовъ. А такъ какъ базъ все таки не давался даромъ, а на устройство его нужно было затрачивать трудъ, то калмыкъ, разъ устрой-

базъ, уже не только не бросаетъ его, но и старается поддерживать и подновлять, чѣмъ и привязывается къ мѣсту устройства его, которое дѣлается въ силу затраты труда на него постояннымъ мѣстомъ жительства бывшего кочевника.

Та же необходимость заставила калмыковъ пристраивать къ базамъ и *огороды* для склада сѣна, которое также понадобилось имъ вслѣдъ за прикрѣпленіемъ кочевниковъ къ ограниченному клочку земли. Ранѣе, когда степь была „свободна“, калмыкамъ легко было разыскивать подножный кормъ для скота не только лѣтомъ, но и зимой. Послѣ „душевого надѣла“, т. е. съ 1871 года, и раздачи излишка земли въ долгосрочную аренду не оставалось мѣстъ съ невывтравленнымъ лѣтомъ подножнымъ кормомъ, такъ что зимой скотъ долженъ былъ или пропадать съ голоду, или же кормиться заготовленнымъ сѣномъ. И опять таки калмыкамъ пришлось поневогѣ взяться за косу и устраивать огороды. Устраивать же ихъ еще легче, чѣмъ базы; стоитъ только выкопать широкій ровъ и обложить края его кураемъ—и огородъ готовъ.

Затѣмъ та же необходимость взаимопомощи, въ свою очередь, заставила селиться не одвною, а *хотонами*, т. е. группами кибитокъ, но преимуществу въ мѣстахъ зимнихъ стойбищъ. Эти то „зимніе хотоны“ съ базами, огородами и коегдѣ торчащими землянками и являются болѣе или менѣе прочными зародышами будущихъ калмыцкихъ поселеній на „русскій ладъ“.

Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Больше-Дербетскомъ улусѣ можно было видѣть близъ зимовниковъ одни только базы да огороды, безъ всякихъ другихъ жилыхъ помѣщеній при нихъ. Въ настоящее же время „въ зимовникахъ“ не мало уже построено набѣ, хлѣвчнковъ, амбаровъ, саманныхъ конюшенъ, есть даже и хорошіе дома, какъ, напримѣръ, упомянутого нами ранѣе Дордже Джембинова. Такія же поселенія калмыковъ, какъ, напримѣръ, въ *Кердаши* Будурмисова и Кюбетова родовъ, видомъ своимъ походятъ на крестьянскую, хотя и крайне плохую, деревушку,—плохую потому, что постройки въ Кердашѣ, во первыхъ, крайне безпорядочно разбросаны

вдоль балки, а во вторыхъ, онѣ сдѣланы, очевидно, неумѣльными руками,—всѣ приземисты, косы и кривы, съ подслѣповатыми окнами, съ низкими и узкими дверьми. Расположившись по краямъ балки, „мазанки“ то скрываются среди базовъ и огородовъ, то однимъ какимъ нибудь угломъ или бокомъ выглядываютъ изъ за нихъ, то одиноко высовываются на улицу, ставъ косо по отношенію ко двору, то лѣпятся съ боку, то совсѣмъ въ сторонѣ отъ двора. Полное отсутствіе симметріи и плана въ расположеніи калмыцкихъ поселеній какъ бы говоритъ о томъ, что живущіе въ нихъ люди впервые, безъ навыка къ дѣлу, вздумали обособдлиться, да и то какъ бы не совсѣмъ рѣшительно, а съ готовностью во всякое данное время святъ съ мѣста и оставить послѣ себя кучи нигуда негодной глины, соломы и курая. Впечатлѣніе какъ бы временности калмыцкихъ поселеній еще болѣе усиливается отъ того, что за каждымъ „дворомъ“ или противъ него стоитъ кибитка, не только лѣтомъ, но даже и зимой. О неустойчивости вообще поселеній собственно въ калмыцкой степи въ сильной степени свидѣтельствуеетъ также масса брошенныхъ въ разныхъ углахъ ея базовъ и огородовъ. Арендаторы калмыцкой земли, ихъ „скупщики“, ютящіеся цѣлыми десятками близъ хутора арендатора, по окончаніи срока найма земли, если вновь не берутъ почему либо „участка“, снимаютъ со своихъ строеній все „дерево“ и оставляютъ одни саманные остовы разныхъ построекъ, кои, размываясь дождемъ, образуютъ многочисленныя кучи глины, мрачно свидѣтельствующія о бывшей „осадѣ“.—Въ свою очередь и калмыки, по многимъ причинамъ, часто оставляютъ свои огороды и базы и вновь устраиваются на другомъ мѣстѣ. Между рядомъ причинъ, заставляющихъ калмыковъ сниматься со старыхъ пепелищъ, особенно характерны слѣдующія: 1) *оспа*, воплощая которую въ злого духа *чичика*, степняки, разъ она появилась въ хотонѣ, увѣрены, что мѣсто расположенія послѣдняго излюбилъ чичикъ—и, чтобы избавиться отъ него, нужно оставлять хотонъ и искать болѣе счастливаго мѣста, невѣдомаго пока чичику, 2) *смерть дѣтей въ семьѣ и вообще несчастія въ жизни,*

также приписываемыя влиянію злого духа, хозяйна данной мѣстности, что и побуждаетъ переселиться съ мѣста на мѣсто, 3) *близкое сосѣдство русскихъ поселеній* гонить калмыковъ далѣе отъ черты ихъ и 4) *административныя распоряженія*; такъ, въ 1890 году калмыки Икячунусова рода, въ числѣ около ста кибитокъ, т. е. семействъ, по распоряженію властей должны были оставить свои стойбища съ хатами, огородами и базами и вновь устраиваться на голой степи. Распоряженіе это названо было тѣмъ, что ихъ земля отведена была подъ поселеніе крещенныхъ икячунусцевъ же. Положимъ, за хаты и сарай было заплачено по оцѣнкѣ, огороды же и базы „парпалъ“ (т. е. пропали даромъ), какъ говорятъ калмыки. Затѣмъ нерѣдко въ случаяхъ „подозрѣнія въ усиленномъ воровствѣ“ начальство, „дабы имѣть болѣе правильный дозоръ за ворами-калмыками“, „сбиваетъ ихъ съ кучу“, т. е. назначаетъ мѣсто для стойбища, въ которомъ и заставляеть жить всѣхъ калмыковъ даннаго рода, причемъ ничто не берется во вниманіе—ни дальность разстоянія отъ воды, ни отсутствіе подножнаго корма для скота, ни оставленіе построекъ безъ прызора и проч., и проч. Мало этого—дѣлается строгое распоряженіе, чтобы калмыки до захода солнца были всѣ на лицо. Последнее особенно жестоко, такъ какъ лишаетъ народъ возможности поступать на дневныя работы.

Все это вмѣстѣ взятое, естественно, мало благоприятствуетъ устойчивости поселеній въ калмыцкой степи. Даже и внутренняя обстановка жилищъ говоритъ не о прочной, „домонитой“, осѣлости хозяевъ ихъ, а скорѣе о временности поселенія въ нихъ, такъ сказать, бивуачности. Въ жилищахъ ничего нѣтъ такого, что бы показывало, что „осадьба“ обстраивалась, если и не пожеланіями „хозяйственныхъ людей“, то по крайней мѣрѣ съ желаніемъ и расчетомъ не сниматься съ мѣста, а обстраиваться и устраиваться и въ дальнѣйшемъ, смотря по досугу и средствамъ. Не говоря уже о надворныхъ постройкахъ, и въ самыхъ калмыцкихъ избахъ нѣтъ даже бѣдной крестьянской обстановки. Во внутренность жилищъ перенесено все то,

что было въ кибиткѣ, т. е. котелъ для варки пищи (вмѣстѣ въ припечекъ), деревянная кадлушка для скопа молока, ящики для одежды, сѣдло, потники (войлоки), носильное платье, кожи—вотъ и все, что можно найти въ калмыцкой избѣ; нѣтъ тамъ ни „лавъ“ (скамеекъ), ни столовъ, ни шкафчиковъ, ни полочекъ, ничего такого, что напоминало бы о кухонномъ хозяйствѣ даже плохой русской женщины. Затѣмъ и то немногое, что есть въ избѣ, все безпорядочно разбросано и валяется, гдѣ и какъ попало, обличая полное неумѣніе располагать вещи по своимъ мѣстамъ, равно и пользоваться удобствами постоянного помѣщенія,—уютности въ жилищахъ нѣтъ и признаковъ; полный беспорядокъ и всюду грязь и нечистота не дѣлаютъ ихъ удобными и желательными пріютами случайно попавшаго въ нихъ человѣка,—напротивъ, производя тяжелое впечатлѣніе, заставляютъ избѣгать необходимости быть въ такихъ избахъ хотя бы даже и короткое время. Почевать же и просто тяжело—помимо сирада и тяжелого до удушья воздуха, въ жилищахъ калмыковъ такая масса вшей, что свѣжему, непривычному человѣку—не калмыку—нѣтъ физической возможности переносить нападеніе этихъ отвратительныхъ паразитовъ.... Если бы изба не служила зародышемъ основъ будущаго прочнаго поселенія калмыковъ, то можно было бы желать, чтобы ихъ и совсѣмъ не было, до того онѣ не только антигигиеничны и противны всякимъ, даже самымъ минимальнымъ, требованіямъ санитарныхъ условій, но нерѣдко кажутся просто невозможными, какъ жилища для человѣка и его семьи, въ особенности у бѣдняковъ.... Быть можетъ, со временемъ калмыки и лучше будутъ устраниваться, теперь же, знакомясь съ ихъ жилищами, поневолѣ скажешь, что къ счастью не во всемъ Больше-Дербетскомъ улусѣ есть „крестьянскія избы“. Такъ, напримѣръ, въ *Икичунусовомъ* родѣ, самомъ значительномъ по числу населенія, считается не болѣе пяти хатъ, а въ *Будумчинеровомъ* на семьдесятъ девъ семь только одна изба. Оба эти рода, расположенные на окраинѣ улуса, находятся въ выжидательномъ положеніи и не обстраиваются. Они увѣрены, скажемъ въ скобкахъ,

и не без основанія на то, что ихъ, рано или поздно, согнать съ насиженныхъ имъ мѣстъ и указать другія, гдѣ и заставить селиться.... Но, кромѣ этихъ двухъ родовъ, остальные калмыки мѣста своихъ постоянныхъ жилищъ считаютъ уже „смычными осадьбами“ и только опасаются того, чтобы начальство не вздумало приводить эти осадьбы въ „порядокъ“, переставлять „по плану“, проводить улицы и устанавливать однообразную единицу мѣры для всѣхъ вообще „осадьбъ“. Правы ли калмыки, предполагая такія невзгоды, разорительныя для ихъ осадьбъ,—мы не знаемъ, но опасенія эти служатъ для нихъ злобой дня, парализующей желаніе устраниваться лучше и прочнѣе. Чтобы выйти изъ такого неопредѣленнаго положенія, не опасаться за цѣлость и устойчивость своихъ „осадьбъ“ и еще болѣе закрѣпить свое право на нихъ,—калмыки въ 1892 году составили общественные приговоры, въ коихъ просили главнаго пристава выслать въ улусъ состоящаго при управленіи кочевыми народами Ставропольской губерніи земледѣра для наръзки усадебъ и распланировки мѣстъ подъ поселенія; но весьма важныя эти приговоры оставлены были почему то безъ вниманія, что и усилало путаницу въ понятіяхъ калмыковъ объ ихъ правахъ на землю—не только пахотную и сѣвокосную, но даже и на „осадебную“. Затѣмъ полную увѣренность въ неизмѣннѣ калмыками правъ на сѣвокосную и пахотную землю произвело распоряженіе главнаго пристава, сдѣланное имъ въ томъ же 1892 году, о томъ, чтобы вся доходность съ земли поступала непосредственно въ улусное управленіе, а не прямо, какъ то было ранѣе и какъ то слѣдовало, въ распоряженіе родовичей, и чтобы калмыки, безъ разрѣшенія „начальства“, т. е. главнаго пристава, не смѣли по своему желанію и усмотрѣнію распоряжаться ни одной пядью земли, составляющей ихъ душевой надѣль. Слишкомъ смѣлое распоряженіе это, не имѣющее за собой прочнаго юридическаго основанія, сбilo калмыковъ съ толку, перепутало всѣ ихъ понятія о правахъ на землю, весьма губельно отразилось на экономическомъ положеніи народа, въ сильной степени охладило начавшее было развиваться желаніе заниматься хлѣбопашествомъ, перевернуло

вверхъ дномъ всѣ сельско-хозяйственные расчеты, перепутало отношенія калмыковъ къ сосѣднимъ крестьянамъ, лишило возможности чрезъ посредство послѣднихъ обрабатывать землю и вообще, какъ крайне стѣснительная мѣра, кореннымъ образомъ измѣнившая экономическое положеніе родовичей, принудила ихъ изощряться во всевозможнаго рода и вида уловкахъ и ухищреніяхъ для обхода этого распоряженія, ибо иначе, т. е. подчинившись ему по совѣсти, многимъ бѣднякамъ, положительно не имѣющимъ ни средствъ, ни возможности личными силами обрабатывать землю, пришлось бы голодать и совершенно забросить едва начавшее устраиваться сельское хозяйство.

Въ виду важности по своимъ вреднымъ для благосостоянія народа послѣдствіямъ упомянутаго безтактнаго распоряженія главнаго пристава, убившаго у калмыковъ охоту и возможность братья за плугъ, борону и косу, мы постараемся рассмотреть его возможно обстоятельнѣе,—тѣмъ болѣе нужно это сдѣлать еще и потому, чтобы не дать права говорить о голословности указанныхъ нами выше вредныхъ послѣдствій его.

Распоряженіе главнаго пристава несомнѣнно есть продуктъ неупорядоченности правъ калмыцкаго народа на отведенную ему „въ пользованіе“ землю и характеризуется собой властное опекуновство надъ нимъ, вполне стѣсняющее личную инициативу, столь необходимую при веденіи сельскаго хозяйства, какъ и всякаго другого дѣла. Регламентировать всѣ возможные въ быту народа экономическіе случаи—немыслимо, обращаться же каждый разъ за „разрѣшеніемъ начальства“ при возникновеніи того или другого сельско-хозяйственнаго вопроса, важнаго въ извѣстный моментъ и теряющаго свой смыслъ и пользу по прошествіи момента, по меньшей мѣрѣ не только неудобно, но и прямо вредно въ экономическомъ отношеніи. Мы уже знаемъ, что до 1871 года никто—ни начальство, ни калмыки—не имѣлъ права славать кому либо калмыцкую землю въ долгосрочную аренду. Право это было полу-

чено только послѣ размежеванія степи на отдѣльныя дачи по числу родовъ Больше-Дербетскаго улуса и калмыки или, вѣрнѣе, привилегированное ихъ сословіе, съ начальствующими лицами во главѣ, воспользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оставивъ въ личное свое пользованіе самую незначительную часть душевого надѣла, калмыцкія родовыя общества съ лихорадочною поспѣшностью сдали въ аренду почти двѣ трети своей земли, т. е. около ста тысячъ десятинъ, благодаря чему съ первыхъ же годовъ дарованія „временныхъ правъ на пользованіе отведенной землей“, послѣдняя была расхищена подъ видомъ аренды за баснословно дешевую цѣну, начиная отъ пяти копѣекъ въ годъ за десятину. Сдавалась земля не съ торговъ, какъ бы то слѣдовало, а не тѣмъ лицамъ, кои могли бы и желали дать максимумъ арендной платы, а нойону—владѣльцу улуса и зайсангамъ и затѣмъ уже, чрезъ посредство ихъ и нерѣдко вопреки желанію родовыхъ обществъ, — разнымъ эксплуататорамъ калмыцкихъ родовыхъ богатствъ, разъ эти эксплуататоры были угодны нойону и зайсангамъ. Всѣ же другіе, не умѣвшіе втереться въ довѣріе къ нойону, устранились отъ участія въ договорахъ съ калмыками по сдачѣ послѣдними земли въ аренду, и „обществамъ“, разумѣется не гласно, прямо такъ запрещалось входить съ ними въ какія бы то ни было соглашенія. Обязаніе же власти нойоновъ было таково, что калмыки слѣпо подчинялись запрещеніямъ и, несмотря на явный для себя ущербъ, сдавали землю только тѣмъ, на кого указывалъ нойонъ. Но и эти счастливицы опять такъ пользовались крупными сравнительно съ тѣмъ, что захватывалъ въ свою пользу нойонъ. Благовиднымъ для нойона предлогомъ для захвата калмыцкой земли какъ бы „на законномъ основаніи“ послужило его право взимать съ подвластнаго ему народа въ свою пользу „албанъ“. Какъ будто бы входя въ положеніе обнищавшаго народа, не имѣющаго ни средствъ, ни возможности заработать таковыя на уплату подати, нойоны, не желая разорить калмыковъ, вмѣсто того, чтобы собирать албанъ деньгами, предложили родовымъ обще-

ствамъ дать въ замѣнъ денегъ такое количество десятинъ земли, годовая арендная плата за которое покрывала бы слѣдующій съ калмыковъ ежегодный албанъ. Положимъ, такая „сдѣлка“ можетъ быть и была бы выгодной для подвластнаго ноюву народа, если бы назначеніе арендной платы за невѣстный участокъ земли устанавливалось калмыками, а не ноювомъ, который, разумѣется, въ этомъ отношеніи не былъ себѣ врагомъ и всячески старался обездѣнить землю до невозможнаго минимума. А такъ какъ „законъ“ все таки не допускалъ никакихъ словесныхъ или письменныхъ договоровъ между калмыками и арендаторами ихъ земли, разъ эти договоры не облакались предварительно въ форму общественныхъ приговоровъ и затѣмъ въ форму контрактовъ, составляемыхъ на основаніи такихъ общественныхъ приговоровъ, утвержденныхъ главнымъ приставомъ, то ноювы и не старались обходить это требованіе закона,—напротивъ, вполне утѣренные, что всякій общественный приговоръ, радѣющій объ ихъ интересѣ, будетъ утвержденъ главнымъ приставомъ,—склоняли калмыковъ къ составленію таковыхъ, заботясь объ одномъ, чтобы срокъ аренды былъ подольше и плата подешевле. Такимъ путемъ большая часть калмыцкой „душевой“ земли очутилась въ пользованіи ноюва за текущій албанъ и „недомки прежнихъ лѣтъ“ съ платой отъ семи до шестидесяти коп. въ годъ за десятину, т. е. за самую ничтожную плату, вовсе не существовавшую въ сдѣлкахъ между сосѣдними крестьянами. Но и это еще не все. Земля отдавалась въ аренду не въ строго опредѣленномъ количествѣ десятинъ, а „приблизительно“. Въ контрактахъ мертвыхъ межъ аренднаго участка не обозначалось; какъ на границы его, указывалось на тропинки, дороги, ямы и другіе болѣе или менѣе непостоянные, измѣняющіеся межевые признака. Такое же „проблематическое“, какъ выражаются улусные „интеллигенты“, указаніе межъ вятныхъ въ аренду участковъ давало полную свободу и возможность къ „прихваткамъ“, и прихваткамъ не десятокъ и даже не сотенъ, а цѣлыхъ тысячъ десятинъ земли. Въ общемъ относительно

прихватокъ съ увѣренностью о несомнѣнности факта можно утверждать, что въ Больше-Дербетскомъ улусѣ нѣтъ ни одного аренднаго участка, наличное число десятинъ котораго не превышало бы если не вдвое, то по меньшей мѣрѣ на одну треть, условленное въ общественныхъ приговорахъ и контрактахъ платное количество ихъ. Такимъ образомъ, разложивъ общую сумму арендной платы на дѣйствительное количество десятинъ, воина пользуется арендаторъ, будь то нойонъ, или кто либо другой, получимъ, что десятина сдава не по семи и т. д. копѣекъ, а значительно дешевле. Слѣдовательно нойонъ, обративъ взысканіе слѣдующаго ему албана на землю, тѣмъ самымъ увеличилъ его по крайней мѣрѣ на одну треть, иначе говоря, вмѣсто опредѣленныхъ ему закономъ семи рублей съ копейки, взыскивалъ около десяти руб., а во многихъ случаяхъ и гораздо болѣе. Но не на однихъ только „прихваткахъ“ выигрывалъ нойонъ. Операція съ участками давала ему возможность увеличивать албанъ чуть ли не въ геометрической прогрессіи и вотъ какимъ путемъ. Не имѣя ни надобности, ни возможности лично эксплуатировать всю массу взятой подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ у калмыковъ земли, нойонъ немедленно же по заключеніи контракта переуступалъ свое арендное право нуждающимся въ землѣ овцеводамъ и скотоводамъ, причемъ всегда бралъ въ свою пользу двойную, тройную и болѣе плату противъ той, за какую земля доставалась ему отъ калмыковъ. Овцеводы сплошь и рядомъ платили ему не менѣе семидесяти коп. за десятину погодной платы или же съ незначительной надбавкой сразу выплачивали осьь деньги за осьь арендный срокъ впередъ, что, составляя значительный капиталъ, представляло также не малую выгоду. Это разъ; затѣмъ нойонъ, не желая почему либо оставлять за собой сдававшейся въ аренду земли, за отказъ отъ участія въ дѣлѣ сдачи ея получалъ такъ называемое *отскупное*, разумѣется, не десятками рублей...

Такимъ образомъ, въ первый же годъ полученія калмыками права сдавать свою землю въ аренду, благодаря безнорядочному, чисто хищническому способу захвата ея, подъ-

„законнымъ“ предлогомъ „*взятія участковъ въ аренду*“, и случилось то, что двѣ трети калмыцкой земли, какъ мы уже говорили, сразу же перешли сначала въ руки нойона, а затѣмъ, чрезъ посредство его и подъ его же вліяніемъ на „общество“, въ немногимъ по числу эксплуататорамъ, сумѣвшимъ втереться въ „фаворъ“ къ нойону и зайсангамъ. Мы говоримъ „эксплуататорамъ“ потому, что хищники калмыцкой земли, смекнувъ, въ чемъ дѣло, и опираясь на „фаворъ“, употребляли всѣ зависящія отъ нихъ темныя мѣры, чтобы захватить въ свои руки наивозможно больше земельныхъ калмыцкихъ участковъ. Усиѣвъ въ этомъ, они, за исключеніемъ пужной себѣ части земли, остальную сдавали субъ-арендаторамъ, но уже за двойную и тройную плату. Нужда же въ калмыцкой землѣ была, какъ есть и въ настоящее время, постоянная, особенно для крестьянъ—мелкихъ скотоводовъ, не могущихъ выпасывать свои гурты скота и отары овецъ на общественной крестьянской толовѣ, потому что плата за излишекъ противъ нормы взималась крестьянскими обществами по довольно высокой таксировкѣ; такъ, за овцу въ лѣто—до пятидесяти коп. и за рогатую скотину—до полутора и болѣе рублей; выпасъ же въ калмыцкой степи, даже при условіяхъ увеличенной эксплуататорами арендной платы за десятину земли, обходился все таки втрое, если не болѣе, дешевле. Такая *сравнительная* дешевизна калмыцкой земли и послужила причиной того, что калмыцкія кочевья быстро испещрились на всѣхъ „удобныхъ мѣстахъ“ многочисленными „*русскими хуторами*“, точно гнѣздами пауковъ, опутавшими своей паутиной калмыцкое населеніе; хозяева хуторовъ сдѣлались фактическими владѣльцами степи въ лучшихъ ея частяхъ, окончательно заволокли калмыковъ въ экономическомъ отношеніи и въ сильной степени повліяли на ихъ деморализацію... Общезвѣстенъ фактъ, что большинство арендаторовъ калмыцкой земли оказалось не только пристанодержателями, но и извѣстными завѣдомыми ворами и мошенниками. Даже невзыскательные въ порокамъ другихъ калмыки въ концѣ концовъ вынуждены были составлять об-

щественные приговоры о выселеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ улуса и лишенія права брать когда либо въ аренду камицкую землю. Такимъ путемъ выселены были изъ улуса крестьяне-арендаторы — Селюковъ, Ерохинъ, Шарафановъ, Мамонтовъ и другіе....

Въ то же время, какъ эксплуататоры камицкой земли богатѣли, пользуясь ею чуть не даромъ, сами камицы, попавъ въ экономическую зависимость отъ арендаторовъ своей земли, получая жалкіе гроши за массу отданныхъ въ аренду участковъ,—сразу же очутились безъ земли и тѣмъ лишились возможности „кочевать“, почему, поневолѣ, и должны были обратиться въ полуосѣдлое населеніе, прилужденное ютаться со своими кибитками и остатками скота на худшихъ мѣстахъ своихъ дачъ, ибо лучшія сданы были въ аренду. Въ связи же со всѣмъ этимъ ускоренная сдача земли въ аренду послужила началомъ и причиной быстрого обнищанія камицковъ, доведшаго ихъ до того жалкаго, нищенскаго состоянія, въ какомъ они находятся въ настоящее время. Мало этого,—расхищеніе земли (иначе мы не можемъ назвать практиковавшійся способъ раздачи ея въ аренду) создало такую путаницу въ вопросѣ о правахъ камицковъ на землю и способахъ пользованія ею, что во многихъ случаяхъ положительно нѣтъ возможности разобраться въ нихъ, пока не окончатся сроки сдѣлокъ камицкихъ обществъ съ арендаторами ихъ земли, заключенныхъ до 1892 года, т. е. до изданія закона 15 марта объ освобожденіи народа отъ обязательныхъ отношеній къ его привлеченному сословію. Къ несчастію же камицковъ много есть контрактовъ, сроки коимъ наступать не ранѣе пяти-шести лѣтъ послѣ 1892 года. Слова нѣтъ, что ограниченіе правъ камицковъ относительно пользованія землей, отведенной имъ въ 1871 году въ видѣ душевого надѣла подъ осѣдлымъ поселеніемъ, равно и значеніе статьи „Положенія 1847 года“, по коей начальству предоставлялось право отбирать отъ камицковъ землю, разъ они не пользуются ею,—потеряетъ силу, если

кочевники обрѣдятся. Но для этого нужно прійти на помощь калмыкамъ и очистить ихъ землю отъ незаконно, но явно убыточнымъ договорамъ, захватившихъ ее. Въ виду этого было бы желательной правительственной мѣрой, вызываемой самой насущной безотложной потребностью, — уяснить законность арендаторскихъ контрактовъ, правильность общественныхъ приговоровъ, на основаніи коихъ заключались контракты, устранить все фальшивое и сдѣлать калмыковъ настоящими, опирающимися на незыбкій законъ, хозяевами своей земли. Такая мѣра, положивъ конецъ прежней, дореформенной путаницѣ и устранивъ изъ улуса хпщниковъ земли, несомнѣнно могла бы дать, какъ то и ожидается народомъ, весьма полезные результаты, ибо калмыкъ, увѣренный въ томъ, что онъ есть дѣйствительный хозяинъ своей земли, которую никто не отниметъ отъ него подъ поселеніе „ороса“ и доходы изъ которой онъ будетъ извлекать непосредственно самъ для себя, въ свою личную пользу, а не въ пользу общественнаго капитала, какъ то было до 1871 года, т. е. до времени разверстки земли, — болѣе охотно взялся бы за дѣло, скорѣе научился бы пользоваться своимъ клочкомъ земли исподволь *принудилъ бы* себя прилагать въ нему и физическій трудъ, и знанія земледѣльца. Последнее случилось бы ранѣе и не довело бы калмыковъ до нищенства, если бы..., если бы при надѣленіи ихъ землей „подъ осѣдлое поселеніе“ не упущено было самое главное, о чемъ вспомнили только въ 1892 году.... *Нужно было освободить калмыковъ отъ зависимости ихъ отъ нойоновъ и зайсаноговъ или же, по меньшей мѣрѣ, фактически устранить „привилегированное сословіе“ отъ участія въ дѣлахъ сдачи калмыками своихъ земель въ аренду, ни подъ какими предлогами не допускать заглавы взысканія денежнаго албана пользованіемъ землей и категорически воспретить заключеніе арендныхъ сдѣлокъ домашнимъ путемъ.* Право же на это было, и право, точно выраженное въ положеніи 1847 г. объ управленіи калмыками, коимъ главному приставу и попечителю улуса вѣняется, между прочимъ, въ прямую обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не эксплуатировалъ калмыковъ, и не допускать невыгодныхъ

для нихъ сдѣлокъ, а дабы попечитель улуса и главный приставъ могли слѣдить за выгодами народа, тѣмъ же положеніемъ 1847 г. объяснено, что всякія сдѣлки, разъ онѣ не засвидѣтельствованы попечителемъ улуса и не санкціонированы главнымъ приставомъ, признаются недѣйствительными; иначе говоря, и попечитель улуса, рассматривающій правильность составленія общественныхъ приговоровъ (не въ смыслѣ, разумѣется, правописанія ихъ, а дѣйствительно ли они выражаютъ желанія общества, а не единичныхъ лицъ), такъ равно и главный приставъ, санкціонирующій ихъ, не только имѣли право, но и прямо закономъ обязывались отнюдь не допускать къ исполненію общественныхъ приговоровъ по сдачѣ земли въ аренду кому бы то ни было, разъ аренда можетъ приносить не пользу, а явный и притомъ значительный до невѣроятности убытокъ калмыцкому народу, и тѣмъ болѣе ни подъ какии предлоги не позволять войону брать землю въ замѣнъ албана.... Не вдаваясь въ критическую оцѣнку побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ попечителя *свидѣтельствовать правильность*, т. е. выгодность для калмыковъ ихъ общественныхъ приговоровъ, и главного пристава—*утверждать* таковыя, какъ во всемъ законныя и „влекущія за собой несомнѣнную пользу обществу“,—замѣтимъ только, что какъ попечителю улуса, такъ равно и главному приставу хорошо вѣдомо было то вліяніе, какое войонъ имѣлъ среди калмыковъ, и то безмолвное согласіе ихъ на всякое предложеніе его, даже завѣдомо невыгодное и крайне стѣснительное,—согласіе, которое они всегда изъявляли, разъ войонъ хотѣлъ чего либо достигнуть. Слѣдовательно, взявши въ руки тотъ или другой общественный приговоръ о сдачѣ земли въ аренду, особенно войону, калмыцкимъ властямъ болѣе, чѣмъ кому либо другому, совершенно безошибочно можно было судить, составленъ ли таковой подъ вліяніемъ войона или же нѣтъ, установлена ли арендная плата сообразно съ выгодами общества или же лица, заинтересованнаго въ арендѣ, и сообразно съ этимъ утверждать сдѣлки или же нѣтъ и тѣмъ дѣйствительно заботиться „о благосостояніи оскрещеннаго изъ по-

меченію народа.* Но этого не дѣлалось... Рука руку мила—обѣ
бѣлы бывали и, дабы не загрязнить ихъ, въ перчаткахъ вели
калмыковъ къ видѣнству, причѣмъ, опираясь на свои „данныя“,
смѣло, чтобы не сказать болѣе, расписывали, предъ кѣмъ нужно
было, о „малой пригодности калмыковъ къ земледѣлію и склон-
ности ихъ только къ хищничеству“..... Доказательствомъ же
того, что калмыки не смѣли „пищать“ о чемъ либо въ защиту
своихъ интересовъ, что не они устанавливали аренд-
ную плату за свою землю и что земельные участки сдавались
нойбону и другимъ не „по благому и непринужденному соизво-
ленію“, а въ силу разныхъ корыстныхъ „воздѣйствій“, не-
сомнѣнно можетъ служить тотъ рѣзкій фактъ, что какъ только
калмыки получили свободу (по закону 15 марта 1892 года) и
стали въ независимое отъ нойбона положеніе, то незамедлили
составить общественные приговоры, кои *настоятельно* и
возбудили вопросъ объ отобраніи отъ нойбона и тѣхъ лицъ,
кои онъ передалъ арендуемую имъ землю,—всѣхъ участковъ,
ранѣе отданныхъ ему въ замѣнѣ албана, и, если нойбовъ
не пожелаетъ добровольно отказаться отъ участковъ, то ото-
брать таковыя по суду.... Не будемъ касаться ни юридической,
ни нравственной стороны такого *желанія* калмыковъ, отмѣтимъ
только, какъ многозначительный фактъ, что упомянутые
нами приговоры не особенно двигались и послужили только
„дѣйствующимъ матеріаломъ для соображеній(?) главнаго пристава“.
Но намъ кажется, что и *безъ соображеній* до очевидности ясно,
что, разъ порваны „обязательныя отношенія“ къ нойбону и зай-
сангамъ и уничтожено ихъ право собирать съ калмыковъ ал-
банъ въ свою пользу, то тѣмъ самымъ *безвозвратно уничто-
жены и вся обязательства калмыковъ по уступкѣ земли нойбону
за албанъ, хотя бы срокъ контрактныхъ условій и не истекъ
по дню объявленія закона 15 марта 1892 года. Участки сдава-
лись не въ аренду, а за албанъ,—нѣтъ албана,—нѣтъ и права
пользоваться участками... О чемъ же тутъ думать и что сооб-
ражать?... Между тѣмъ... между тѣмъ нойбовъ, вопреки про-
тесту общества, продолжалъ владѣть участками и ни зроня*

не вносила за нихъ въ общественную кассу. Положивъ, переписка о послѣднемъ была затѣяна, но результаты ея пока вполне оправдываютъ собой известную малороссійскую поговорку: „поки сонце зійде—роса очі вність“..... Чѣмъ окончилась возня съ нойномъ, если только она окончилась, по поводу находящихся въ его пользованіи арендныхъ участковъ калмыцкой земли, мы не знаемъ. Вопросъ же о томъ, что дѣлать съ окончательно обнищавшими калмыками и какъ урегулировать ихъ отношенія къ арендаторамъ ихъ земли, какъ возратить расхищенную землю и лишить эксплуататоровъ возможности пользоваться ею за безцѣнокъ; какъ дать калмыкамъ то, что принадлежитъ имъ по праву и по закону и что захвачено у нихъ въ силу разныхъ давленій, какъ распутать земельный вопросъ, до невѣроятности осложнившійся вслѣдствіе разныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ и на основаніи общественныхъ приговоровъ и по „словеснымъ согласіямъ общества“, и по контрактамъ, и по векселямъ, и просто по распискамъ на ключѣ бумаги, а то и „такъ, по самоволію“ или же за отбываніе общественныхъ повинностей, какъ то: почтовой гоньбы, „писарства“ и проч. и проч.—вопросъ обо всемъ этомъ до того *намолся*, что волей неволей пришлось *de facto* приступить къ рѣшенію его. И вотъ, наконецъ, въ 1892 году, какъ первая мѣра въ этомъ направленіи, обращено было болѣе или менѣе серьезное вниманіе на весь вредъ сдачи земельныхъ участковъ безъ торговъ, а по одному только лишь соглашенію съ выборными отъ известнаго калмыцкаго родового общества. Мѣра эта, по существу самая простая и не требующая никакихъ тонкихъ канцелярскихъ и начальническихъ соображеній, сразу же дала самые блестящіе результаты. Цѣны на землю съ первыхъ же торговъ повысились не только вдвое и втрое, но гораздо значительнѣе. Такъ, вмѣсто прежнихъ семи, тридцати и пятидесяти копѣекъ за десятину, та же самая земля съ торговъ пошла отъ рубля и до двухъ слишкомъ, несмотря даже на то, что она оказалась испорченной, то есть перепашанной и крайне истощенной. Та-

кое повышение цѣнъ на землю или, вѣрнѣе, восстановление настоящей ея цѣнности, существующей въ краѣ, было достигнуто хотя и сразу, по все таки не безъ борьбы. Понятно, что нуждающимся въ калмыцкой землѣ трудно было „въ разѣ“ отвыкнуть отъ прежнихъ благодушныхъ порядковъ привзятіи участковъ въ аренду, а тѣмъ болѣе забыть прежнія цѣны, такъ прибыльна кармапу арендаторовъ. Помня прошлое и не вѣря въ похороны его, на первыхъ торгахъ всѣ „жались“ и неохотно „надбавляли“, рискуя только „молукотечками для пользы общества“. Сплотившись между собой тѣсно, и имѣя поэтому возможность не допускать къ торгамъ „не своихъ“, — хищники калмыцкой земли входили въ стачки и, сильныя своимъ карманомъ, убѣждены были, что „устоятъ на своемъ“ и установятъ не существующую въ краѣ арендную плату за землю, а такую, какая имъ желательна и какая мало бы разнилась отъ прежней. Но обстоятельства сложились такъ, что, несмотря ни на какія ходатайства, вліанія, совѣты и визиты съ задняго крыльца, дѣло упорядоченія вопроса о способахъ сдачи общественной земли въ аренду было доведено до конца; торги не утверждались до тѣхъ поръ, пока они не давали желательныхъ результатовъ. Такая настойчивость, клонившаяся въ пользу калмыковъ, а не эксплуататоровъ ихъ земли, какъ то было ранѣе, ясно показала послѣднимъ, что пришло, наконецъ, для нихъ время навсегда распрощиться съ блаженной порой, когда возможно было платить даже семь дощечекъ за десятину и прихватывать къ участкамъ „лишнимъ“ цѣлыми сотнями и болѣе десятинъ за ведро-два воды.

Нѣтъ сомнѣнія, что отмѣченное выше распоряженіе главнаго пристава о сдачѣ въ аренду участковъ земли не иначе, какъ только съ торговъ, весьма важно по своимъ послѣдствіямъ. Оно оказало несомнѣнную пользу калмыцкому народу и разъ на всегда установило желательный порядокъ въ такомъ серьезномъ экономическомъ дѣлѣ, какъ извлеченіе доходовъ изъ десятковъ тысячъ десятинъ земли. Но главный приставъ, къ сожалѣнію, не остановился на этомъ и въ дальнѣйшемъ сво-

емъ распоряженіи о порядкѣ поступления денегъ за аренду участковъ и расходованіи ихъ расширилъ свои административныя права, не имѣя на то ни юридическаго основанія, ни оправданія въ хорошихъ отъ того послѣдствіяхъ въ смыслѣ поднятія экономическаго благосостоянія калмыковъ. Настоячиво требуя взноса арендныхъ денегъ въ улусное управленіе, онъ окончательно обвинилъ народъ и заставилъ его вернуться отъ земли. Вотъ тому доказательства.

Имѣющимъ силу закона „Положеніемъ 1847 г. объ управленіи калмыцкимъ народомъ“ (на основаніи котораго главный приставъ, какъ блюститель калмыцкихъ интересовъ, установилъ правиломъ сдачу земли въ аренду только путемъ торговъ при улусномъ управленіи),—главному приставу представлено, между прочимъ, право—*наблюдать, чтобы съ калмыками никто не заключалъ невыгодныхъ и прямо убыточныхъ для народа сдѣлокъ*—и только. Изъ этого же права главного пристава отнюдь не вытекаетъ *другое право*, по которому онъ, опираясь якобы на законъ, могъ бы вмѣшиваться въ личные расчеты калмыковъ, вызываемые потребностью дна, а также и насущной, не терпящей отлагательства необходимостью сдѣлокъ съ крестьянами по поводу распашки десятины или двухъ земли, косыби сѣна, приема на выпасъ скота и овецъ,—равно не вытекаетъ и права лишать калмыковъ, помимо ихъ желанія, возможности самимъ, безъ посредниковъ, получать доходъ съ земли, составляющей ихъ душевой надѣль. Если же и есть въ „положеніи“ статья, по которой калмыки не имѣютъ права заключать долговныя обязательства въ видѣ векселей и расписокъ болѣе чѣмъ на *полтора рубля*, на заемъ же большей суммы подъ письменное обязательство должны испросить разрѣшеніе улуснаго управленія,—то статья эта, ограждая калмыковъ отъ ростовщиковъ и вообще отъ лицъ, опутывающихъ населеніе путемъ раздачи въ долгъ денегъ ли, товаровъ ли и пр.,—ничуть не имѣетъ въ виду сдѣлокъ калмыковъ съ крестьянами и иными лицами по сдачѣ земли въ аренду, ибо, во первыхъ, собственно

денежное обязательство выдать не калмыкъ арендатору, а наоборотъ, что составляетъ существенную разницу, а во вторыхъ, при введеніи въ дѣйствіе, какъ закона, „Положенія 1847 года“— калмыки не имѣли душевого надѣла и не пользовались правомъ сдавать свою землю въ аренду, слѣдовательно упомянутая нами статья о денежныхъ сдѣлкахъ калмыковъ не могла имѣть въ виду земельныхъ обязательствъ между калмыками и крестьянами, почему и не касается ихъ, и нужно быть виртуозомъ въ измышленіи натяжекъ, чтобы пользоваться ею для ограниченія правъ калмыковъ на непосредственное пользованіе доходомъ съ земли. Право сдавать землю въ аренду калмыки получили только въ 1871 году. Съ этимъ правомъ соединено было и другое, какъ прямое и неизбежное слѣдствіе перваго—именно право заключать денежные по арендѣ сдѣлки на сотни и тысячи рублей. При этомъ о статьѣ, запрещающей калмыкамъ вылавать расписки болѣе, чѣмъ на полтора рубля, не упоминается, разумѣется, въ силу практической непригодности такой статьи въ дѣлахъ по сдачѣ земли въ аренду. Отсюда ясно, что въ своемъ распоряженіи, не дозволяющемъ калмыкамъ входить съ крестьянами въ какія либо соглашенія по сдачѣ земли въ аренду, даже одной десятины и на одинъ посѣвъ,—главный приставъ не могъ опираться на упомянутую нами статью. Но главный приставъ почему то считалъ себя въ правѣ, во первыхъ, „строго“ запретить калмыкамъ непосредственно получать въ свою пользу деньги, слѣдующія имъ за сданные въ аренду участки земли и заставить арендаторовъ вносить плату въ улусное управленіе, дабы изъ этихъ денегъ составился родовой капиталъ; а во вторыхъ, лишитъ калмыковъ права входить съ крестьянами въ какія бы то ни было сдѣлки и соглашенія относительно распашки земли, сѣнокосенія и выпаса скота и овецъ, иначе говоря, воспретитъ народу совмѣстную съ крестьянами разработку земли, несмотря на то, что сами калмыки не имѣютъ ни средствъ, ни умѣнія, ни орудій для обработки ея. Оба эти запрещенія, важныя въ экономическомъ строѣ жизни калмыковъ, и при-

несли тотъ вредъ населенію, о которомъ мы выше упоминали. Для ясности же дѣла рассмотримъ каждое изъ нихъ порознь.

Получивъ въ 1871 году въ душевой надѣлъ землю, калмыки рѣшительно не имѣли возможности сами пользоваться ею и извлекать изъ нея доходъ путемъ личной обработки ея. Будучи въ строгомъ смыслѣ слова кочевниками-скотоводами, они нуждались въ землѣ не для воздѣлыванія ея, а для выпаса скота, и только съ этой стороны экономическихъ расчетовъ она и доставляла имъ доходность. Но, начиная съ семидесятыхъ годовъ, въ силу многихъ и многихъ неблагоприятныхъ условій, какъ то: участившихся чумныхъ эпизоотій, уничтоженія камышей, служившихъ естественной защитой для скота отъ зимнихъ бурановъ, стѣсненія въ свободѣ перекочевовъ, усиленія эксплуатаціи ихъ богатствъ и проч.,—скотоводство и овцеводство—эта экономическая основа быта кочевниковъ—стало такъ быстро падать и по пятамъ его такъ быстро наступило обнищаніе, что къ началу восьмидесятыхъ годовъ скотъ, лошади и овцы начали считаться уже—вмѣсто тысячъ и сотенъ головъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ кочевника—только десятками и вмѣсто десятковъ единицами. Въ настоящее же время овцы у калмыковъ сдѣлались рѣдкостью, скотоводство совершенно уничтожилось, о коневодствѣ нѣтъ и помину, верблюды же есть только у рѣдкихъ счастливицевъ. Дойдя до такого нищенскаго состоянія, не зная никакихъ ремеселъ, неспособные къ промышленнымъ занятіямъ, калмыки, дабы не умирать съ голода, повелѣніе должны были обратить свое вниманіе на землю, какъ на единственный, находящійся въ ихъ распоряженіи, источникъ доходовъ. Не имѣя же ни средствъ, ни умѣнія, ни навыка, ни склонности къ физическому труду, словомъ ничего такого, съ чѣмъ земледѣлецъ приступаетъ къ обработкѣ земли, калмыки, естественно, не могли собственными силами извлекать изъ нея средствъ къ жизни, почему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и воспользовались правомъ сдать душевого надѣла въ аренду. Такимъ

же легкимъ способомъ извлеченія доходности изъ земли они не только не поправили своего, болѣе, чѣмъ жалкаго, экономическаго положенія, но и прямо таки накиннули себѣ на шею мертвую петлю, которую постепенно и затагивали ихъ благодѣтели—арендаторы. Сдача же въ аренду земли, какъ легкой способъ добычи средствъ къ жизни, былъ очень заманчивъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря упадку и уничтоженію овцеводства и скотоводства у кочевниковъ образовалось много свободныхъ участковъ, не приносявшихъ имъ ровно никакого дохода. Чтобы имѣть таковой, калмыки, оставивъ себѣ не болѣе десяти десятинъ на душу, остальную землю, соединивъ всѣ душевые надѣлы вмѣстѣ, поспѣшили сдать въ аренду съ тѣмъ, чтобы доходами съ нея, т. е. арендной платой, покрывать неотложные обязательные расходы, какъ то: взносъ поѣзду и зайсангамъ албана, взносъ на содержаніе улуснаго управленія, родовыхъ писарей, почтовой гоньбы, на жалованье родовымъ старшинамъ, старостамъ, разсылнымъ и пр. и пр. общественныя вужды, включая въ нихъ помощь бѣднымъ, духовенству, расходы на общественныя празднества и работы по уничтоженію пруса и чумы.... Затѣмъ остатки послѣ покрытія всѣхъ упомянутыхъ расходовъ дѣлился уже между всѣми родовичами поквиточно, т. е. по числу отдѣльныхъ семействъ,—тѣмъ вполне и достигалась общественная справедливость въ распредѣленіи доходности съ земли... Слова нѣтъ, что калмыки, какъ мы уже знаемъ, крайне неумѣло, неосторожно, безъ надлежащаго опыта взялись за дѣло сдачи своей земли въ аренду, съ лихорадочною торопливостію поспѣшили развязаться съ нею, вслѣдствіе чего и случилось, какъ неизбѣжный результатъ, то, что земля оказалась расхищенной почти задаромъ, сами калмыки не получили надлежащей доходности съ нея и воспользовались самыми жалкими крупяницами, въ общемъ не смогшими не только поправить въ конецъ распатанное ихъ экономическое положеніе, но и дать даже нищенское обезпеченіе, такъ или иначе могущее избавить отъ мучительной для номада необходимости

добывать себѣ средства къ жизни путемъ затраты физическаго труда, невѣдомаго скотоводу. Но въ этомъ никакъ нельзя винить калмыковъ. По нашему мнѣнію вся тяжесть ответственности за расхватъ калмыцкихъ земель не только безъ надлежащей пользы для народа, но и прямо таки въ явный для него ущербъ,—всецѣло падаетъ на попечителей улуса и главнаго пристава. Весь смыслъ ихъ службы, какъ чиновниковъ, закономъ обязанныхъ заботиться о благосостояніи калмыцкаго народа, состоялъ и состоитъ въ томъ, чтобы они *охраняли интересы его и недопускали бы заключенія невыгодныхъ сделокъ*. Никакіе общественные приговоры безъ санкціи главнаго пристава, никакіе контракты и условія, не засвидѣтельствованныя улуснымъ управленіемъ, даже заключенныя общимъ нотаріальнымъ порядкомъ,—не имѣютъ силы законныхъ документовъ; иначе говоря, калмыцкій народъ, его интересы, земля, весь экономическій строй его жизни, по закону, находится подъ самой строгой опекой главнаго пристава и попечителя улуса. Въ этомъ и состоитъ главное и существенное назначеніе улусныхъ чиновниковъ, и этимъ они и разнятся отъ другихъ административныхъ правительственныхъ исполнителей. Слѣдовательно, въ ихъ рукахъ была полная возможность не допускать расхищенія калмыцкой земли. Слѣдуетъ это они обязаны были и закономъ, и совѣстью, вибившей имъ въ обязанность наблюдать, чтобы арендная плата за участки была по крайней мѣрѣ не менѣе существующей на земли сосѣднихъ съ улусомъ крестьянскихъ обществъ. Достигнуть же этого не представлялось никакого труда. Нужно было только заблаговременно собрать справочныя свѣдѣнія о существующихъ арендныхъ цѣнахъ на землю въ Ставропольскомъ, Новогеоргіевскомъ и Мелѣженскомъ уѣздахъ, окружающихъ Больше-Дербетскій улусъ и одинаковыхъ съ нимъ по топографическимъ и почвеннымъ условіямъ, и затѣмъ, имѣя такія свѣдѣнія, не допускать, чтобы калмыцкая земля сдавалась дешевле, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ. Вотъ и все.... и это все такъ просто и легко исполнимо, что достигнуть его

можно было бы, если позволительно такъ выразиться, чисто механическимъ путемъ, безъ всякихъ головоломныхъ о томъ соображеній, требующихъ доказательствъ за и противъ..... Нужно было только слѣдить за сдачей камыками своихъ участковъ и не утверждать ни общественныхъ о томъ приговоровъ, ни контрактовъ, если они явно вели къ ущербу камыцкихъ интересовъ и обозначены въ нихъ цѣны за десятину земли были ниже существующихъ въ окрестныхъ крестьянскихъ дачахъ.

Все это, разумѣется, такъ бы и было, если бы съ утвержденіемъ приговоровъ и заключеніемъ на основаніи ихъ контрактовъ и условій о сдачѣ земли въ аренду не связывалось кое что весьма существенное для власти имущихъ,—настолько существенное, что предъ нимъ мерки и интересы камыковъ, и ихъ нищенски-безвыходное положеніе, и долгъ службы, и статьи закона... Сами камыки не смѣли „писать“ противъ явной эксплуатаціи ихъ, не смогли твердо устоять противъ соблазновъ и тѣхъ „улучшеній“ со стороны арендаторовъ, коими сопровождалась всякая сдача имъ земли. Соблазны же эти и улучшения были таковы, что не только камыкамъ, крайне падкимъ къ спиртнымъ напиткамъ, но и болѣе устойчивымъ людямъ трудно было бы не поддаться, ибо онѣ разсчитывались на слабости народа, велись умѣло, упорно и съ соблюденіемъ полного по наружности благодушія, доброжелательства и участливаго отношенія къ нуждамъ камыковъ. Желаящіе взять у камыковъ землю въ аренду, сплотившись между собой, вели „свою политику“ такъ, что камыкамъ казалось, что не кунаки-арендаторы хотятъ навѣститься на ихъ счетъ, а напротивъ, что кунаки изъ-за дружбы и „хорошаго сердца“ хотятъ сдѣлать добро народу. Еще задолго до окончательнаго рѣшенія вопроса о сдачѣ того или другого участка земли въ аренду, намѣтившіе его будущіе арендаторы „входили въ знакомство“ съ вліятельными въ обществѣ родовичами, спавали ихъ водкой, дарили овцу или

дѣй—словомъ, всячески втирались въ довѣріе и расположеніе къ нимъ. При этомъ на первыхъ порахъ они на единомъ словомъ не проговаривались о побудительной причинѣ, заставлявшей ихъ „тануть кавитель и бражничать съ поганой тварью“. Все сводилось къ тому, что „Хорошій ужъ больно ты человекъ, Ункуръ Дорджентъ, душевный, настоящій кунакъ... Архитамхи (табакъ-водку) будемъ дѣлать вмѣстѣ... Хурда-мурда (ничего твоего) мнѣ не нужно... Такъ будемъ пріятельми-кунаками. Ты мнѣ пособка (помощь) дашь, а тебѣ.. ну и ладно будетъ!“

Улещенные такими приѣмами „почетные старикн-родовичи“ дѣлались, конечно, сторонниками своего кунака, готовыми всегда и во всемъ, по завѣту куначества, помогать ему. Кунакъ же, „расчистивъ почву“ и увѣрившись, что старикн дѣйствительно окажутъ ему „пособку“, смѣло уже „запускалъ удочку насчетъ участка земли“, не прилавав, впрочемъ, вопросу о наймѣ его большого значенія,—а „такъ—между дѣлами, молъ, отчего и не взять лишней землицы, гулящей и никому не нужной“. Разъ же вопросъ объ арендѣ „участка“ всплывалъ наружу, будущій арендаторъ его, имѣя пособниками „стариковъ“¹⁾, начиналъ, кромѣ стариковъ, систематически спавать всѣхъ, „кого пужно“, и „забивалъ водкой *горло твари*“ до тѣхъ поръ, пока не составлялся общественный приговоръ о сдачѣ ему земли въ аренду и не заключался на то контрактъ въ улусномъ управленіи. Разумѣется, не обходилось дѣло и безъ взятокъ; но главнымъ образомъ пьянствовали—и на общественныхъ сходахъ, и въ с. Ивановкѣ, гдѣ расположено улусное управленіе. Пьянство иногда сопровождалось нарочито нанятой музыкой,—всегда же было настолько обильнымъ, что уполномоченные и „горластые старикн“, т. е.

---

¹⁾ Такимъ именемъ казакки называютъ своихъ избранныхъ для участія въ общественныхъ сходахъ.

взятельные въ обществѣ калмыки настолько „промокали“ водкой, что рѣшительно находились въ положеніи невмѣяемости и дѣлали все то, что угодно было спаввающему ихъ кунаку. Кунакъ же, послѣ „заполученія“ контракта, быстро измѣнялъ свои отношенія къ „твари“, на случай же нужды и въ будущемъ изрѣдка „ублажалъ“ однихъ только власть имущихъ, остальныхъ же въ буквальному смыслѣ слова „гналъ по шеѣ“ не только изъ своего дома и хутора, но и изъ степи, взтой имъ въ аренду, травилъ собаками, душилъ нагайками и при случаѣ всячески надѣвался надъ ними.

Обо всемъ этомъ такъ подробно мы говоримъ для того, чтобы показать всю, выражаясь снисходительно, неблаговидность поступковъ лицъ, и разсматривавшихъ, и утверждавшихъ общественные приговоры калмыковъ о сдачѣ въ аренду земельныхъ участковъ. Продѣлки арендаторовъ съ калмыками, спавваніе ихъ, подкупы, словомъ,—вся недобросовѣстность кулаческихъ приемовъ и открытое безобразіе „интермедіи“ между составленіемъ общественнаго приговора и заключеніемъ контракта хорошо было вѣдомо и попечителю улуса и главному приставу, совершалось чуть ли не на глазахъ перваго и нерѣдко, если не предъ окнами улуснаго управленія, то на задворкахъ его, пока писаря писали контрактъ. Покладиста же у нихъ была совѣсть и велика любовь къ стяжанію, если они на все это смотрѣли сквозь пальцы и ничтоже сумняся, равно и невѣдая страха отвѣтственности по службѣ,—провѣряли и утверждали общественные приговоры, заключали контракты и получали явно для всѣхъ должную изду...

Если же такъ было обставлено дѣло сдачи калмыцкой земли въ аренду, то, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, кто болѣе виноватъ въ расхищеніи ея почти задаромъ—калмыки ли, или же ихъ начальство, обязанное закономъ быть блюстителемъ интересовъ народа и не допускать невыгодныхъ для него сдѣлокъ. Дѣло настолько ясно, что выяснять этотъ вопросъ послѣ всего уже сказаннаго нами—

излишне..... Остается только сказать, что отиѣченное нами распоряженіе главнаго пристава въ первой своей части, т. е. относительно порядка сдачи въ аренду калмыцкихъ земель не иначе, какъ съ торговъ, дѣйствительно принесло существенную пользу народу. Вслѣдъ за нимъ почти устранилась возможность подкуповъ и спаванія калмыковъ водкой, затѣмъ всѣ, кому нужна была земля, получили доступъ и право участія въ торгахъ. Общество калмыковъ въ своихъ приговорахъ только указываетъ, какой участокъ земли, во сколько десятинъ и на какой срокъ оно желаетъ сдать въ аренду, но не можетъ указать на лицо, которому оно предпочтительно предъ другими желало бы сдать свою землю, тогда какъ ранѣе калмыки въ своихъ приговорахъ прямо указывали, что именно такому то арендатору, а не другому кому либо, они сдаютъ свою землю въ аренду и хотя бы это лицо давало меньшую плату, чѣмъ другіе, съ нимъ все таки заключали арендный контрактъ. И если бы главный приставъ, упорядочивъ дѣло сдачи въ аренду земельныхъ участковъ, не стѣснилъ калмыковъ въ ихъ правахъ пользоваться доходностью съ земли безъ посредничества его самого и улуснаго управленія, равно и не выѣшался въ такія, сравнительно мелочныя, но для калмыковъ очень важныя, хозяйственныя дѣла, какъ, напримеръ, наемъ сосѣдямъ-крестьянамъ одной или двухъ десятинъ земли подъ пахотьбу, отдача покосныхъ пашей, впускъ на толоку крестьянскаго скота и проч...,—то онъ, т. е. главный приставъ, такимъ своимъ распоряженіемъ несомнѣнно оказалъ бы воздѣйствіе на поднятіе экономическаго благосостоянія народа. Но этому помѣшала вторая часть его распоряженія. Дѣло въ томъ, что калмыки, какъ уже упоминалось, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ, не имѣютъ ни инвентаря, необходимаго для земледѣльца, ни скота, приаровленнаго къ плугу и боронѣ, ни личнаго навыка и умѣнія заниматься хлѣбопашествомъ. Поэтому, лишившись скота, они en masse и находятся почти въ нищенскомъ состояніи, несмотря на то, что имѣютъ сравнительно большой надѣлъ

земли, именно тридцать десятинъ на душу. Не умѣя же и не имѣя средствъ лично вести сельское хозяйство, калмыки, въ силу необходимости, большую часть своей земли сдають въ аренду, остатки же, кромѣ толокни и сѣнокосовъ, въ послѣднее время начали было разрабатывать сами, но все таки при непремѣнномъ посредствѣ и участіи крестьянъ, имѣющихъ необходимыя для того званія, орудія и скотъ. Въ этомъ то послѣднемъ отношеніи главный приставъ крайне стѣснилъ калмыковъ, запретивъ имъ входить въ личныя сдѣлки съ крестьянами безъ разрѣшенія на то улуснаго управленія; въ свою очередь и улусному управленію онъ не далъ права самостоятельно дозволить калмыкамъ совершать земельныя сдѣлки съ крестьянами безъ предварительнаго „довѣренія“ о томъ до его свѣдѣнія, чѣмъ создалъ сложную и требующую значительной затраты времени процедуру для полученія народомъ права разрабатывать свою землю совмѣстно съ крестьянами на взаимныхъ условіяхъ, самостоятельно заключенныхъ другъ съ другомъ и основанныхъ на личныхъ нуждахъ и выгодахъ каждаго. Ранѣе этого распоряженія калмыки свободно и всегда съ пользой для себя входили въ соглашенія съ крестьянами относительно распашки своихъ паевъ, тѣмъ самымъ незамѣтно привыкали къ земледѣльческому труду, вскорѣволь начали было обзаводиться сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, равно и приучать свой скотъ къ плугу и боронѣ; въ послѣднее время появились уже и такіе хозяева-калмыки, что могли „спрягаться“ (къ крестьянскимъ быкамъ припрягать своихъ) съ бравшими у нихъ землю съ доли урожая, что, понятно, явилось громаднымъ шагомъ впередъ. Благодаря „спряжкамъ“ у нѣкоторыхъ, болѣе предприимчивыхъ калмыковъ завелись уже и собственные букари (двухъ- и трехъ-лемешные плуги). Но все это сбилось, перепуталось и на время остановилось въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи единственно потому, что главному приставу „пожелалось“ заставить калмыковъ, чтобы они сами занимались земледѣліемъ, лично своими трудами и средствами обрабатывали бы землю,

а не тѣмъ, якобы убыточными, способами, какой они раньше практиковали, т. е. не чрезъ посредство крестьянъ, почему и запретилъ сдавать землю послѣднимъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, кромѣ какъ по разѣ установленной таксѣ за десятину съ обязательствомъ взноса денегъ въ улусное управленіе. Всѣ нежелательныя послѣдствія отъ такого распорядженія будутъ намъ ясны, если мы познакоимся со способомъ распредѣленія калмыками между собой земельныхъ паевъ.

Нечего и говорить о томъ, что до 1871 года, т. е. до разверстки калмыцкой степи по числу душъ собственно калмыцкаго населенія Больше-Дербетскаго улуса, кочевники обща пользовались всею землею и у нихъ не было понятія о правахъ личной собственности на ту или другую часть дѣлаго. Съ 1871 года калмыки, какъ извѣстно, получили опредѣленный надѣлъ—именно по тридцати десятинамъ на душу,—причемъ земельныя дачи были раздѣлены и разграничены только между отдѣльными родами, составлявшими отдѣльную самостоятельную административную единицу. Но и послѣ такого раздѣленія степи на душевые надѣлы калмыки продолжали, какъ продолжаютъ и теперь, придерживаться прежняго обычая, совместно пользовались землею, не вступили въ права личной владѣнія всею частью душевого надѣла, но прежнему оставили землю въ общинномъ владѣніи и только въ самое послѣднее время, вынужденные необходимостью заняться земледѣіемъ, родовичи начали выдѣлять изъ общаго владѣнія паевы подъ пахоту и сѣнокосеніе. Дѣлалось это такъ. Родъ, составляющій отдѣльное общество, опредѣлялъ необходимое для своихъ общихъ потребностей количество земли, какъ то: подъ толоку, сѣнокосеніе и пахоту; остальную землю, обществомъ же, сдавалъ въ аренду, плата за которую шла на покрытіе всѣхъ общественныхъ и казенныхъ повинностей, а остатокъ дѣлился между всѣми кибитками поровну. Оставленная въ личное пользованіе земля, кромѣ толоки, дѣ-

лилась на паш опять таки поквартично, причемъ при дѣлежѣ имѣлось въ виду и качество земли; такъ, отъ собственно степной выдѣлялись лиманы, какъ мѣста, болѣе удобныя для сѣнокосенія. Благодаря этому каждая кибитка имѣла паш и въ степи, и въ лиманахъ.

Для достиженія же наибольшей справедливости въ пользованіи пашами, послѣдніе не были прежде и не являются теперь постоянными и передѣлъ ихъ совершается чрезъ каждыя три-пять лѣтъ, ибо признается, что за этотъ періодъ времени въ составахъ кибитокъ происходитъ существенное измѣненіе, образуются новыя, а часть старыхъ теряетъ право на пашъ вслѣдствіе вымиранія имущественно правоспособныхъ своихъ членовъ. Послѣ дѣла земли на пашъ въ дальнѣйшее распоряженіе или община уже не имѣшивалась. Получившій пашъ имѣлъ независимое право лично распоряжаться чѣмъ по своему, ничѣмъ не ограниченному, произволу—могъ сдать его за деньги, отдать съ доли урожая, самъ распахать и т. д. Только, разумѣется, не имѣлъ права продать.—Тѣми пашами, что въ лиманахъ, калмыки исключительно пользовались и пользуются для сѣнокосенія. Богатое скотомъ меньшинство само, своими средствами, убирало сѣно, большинство же поступало такъ: а) совершенные бѣдняки продавали русскимъ, а б) имѣющіе корову и лошаденку славали покосъ съ доли, получая въ свою пользу пятую и даже менѣе копну. Несмотря на такую дешевизну, не существующую въ окрестныхъ селахъ, калмыки все таки имѣли ту несомнѣнную выгоду, что у нихъ получался запасъ корма на зиму, корма, во время убораннаго и по хозяйски сложеннаго въ огородахъ, къ чему калмыки, предоставленные самимъ себѣ, по своей безпечности мало способны и склонны, къ тому же не имѣютъ въ своемъ распоряженіи и нужныхъ для того средствъ, такъ какъ у громаднаго большинства изъ нихъ нѣтъ ни телѣтъ, ни воловъ, ни упряжи, т. е. ничего такого, что нужно при уборкѣ сѣна; у многихъ же нѣтъ даже ни косъ, ни грабелей и не на что ихъ

купить. Отсюда ясно, что без сделок съ крестьянами и участія ихъ въ сборѣ сѣна, подавляющее большинство калмыковъ, по своей лѣнливой безпечности и по неизмѣннѣю нужныхъ орудій и перевозочныхъ средствъ, навѣрное осталось бы безъ запасовъ сѣна. Если же какая нибудь часть сѣна и была бы скошена лично калмыками, то она такъ бы и осталась въ копнахъ, слѣдовательно пропала бы и отъ дождей, и отъ потравъ скотомъ, что сплошь и рядомъ и случается. Во всемъ этомъ легко убѣдиться—стоитъ только проѣхать по покоснымъ мѣстамъ во время уборки сѣна и присмотрѣться, кто *ею занимается*, затѣмъ обратить вниманіе, что есть у калмыковъ близъ ихъ кибитокъ и внутри ихъ. На покосахъ вездѣ пришлось бы увидѣть массу работающихъ крестьянъ и только кое гдѣ спротиво мелькающихъ съ косами калмыковъ; близъ же кибитокъ и въ нихъ не увидѣли бы ни телѣги, ни арна, ни сбрун; брички и дроги встрѣтились бы у очень и очень немногихъ счастливицевъ-богачей....

Что же касается паевъ въ степной части земельныхъ дачъ, то разрабатываются они частью самими калмыками, всегда съ непремѣннымъ участіемъ крестьянъ, частью же сдаются послѣднимъ подъ распахку на извѣстныхъ условіяхъ, которыя безконечно варьируются, смотря по нуждѣ владѣльца пая и личнымъ его склонностямъ и потребностямъ. Мы уже говорили, что скотоводство собственно у калмыковъ совершенно прекратилось и давно уже перестало давать нужныя къ жизни средства. Двѣ-три коровы есть у немногихъ счастливицевъ,—большинство-же не имѣетъ болѣе одной тощей и задоенной, немало есть и такихъ *байушей* (бѣдняковъ), которые, кромѣ дыравой кибитки и кучи дѣтей, рѣшительно не имѣютъ никакой другой собственности; есть и такіе, что всю свою жизнь скитаются по чужимъ кибиткамъ и рѣшительно не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни. Въ общемъ же, для всѣхъ безусловно калмыковъ въ настоящее время земля представляетъ единственный источникъ доходовъ. Этими то

источникомъ каждый калмыкъ и пользуется, смотря по своимъ средствамъ, умѣнью и ловкости. Богѣе или менѣе зажиточные калмыки, имѣющіе пару-другую рабочихъ воловъ, не сдаютъ въ аренду своихъ пастъ, а напротивъ—къ нимъ добавляютъ еще и арендуемые у своихъ сородичей. А такъ какъ даже самый богатый калмыкъ самъ, своими силами и умѣньемъ, все таки неспособенъ обрабатывать землю, къ тому же и не имѣетъ необходимыхъ для того земледѣльческихъ орудій, то онъ, поневолѣ, входитъ въ соглашеніе съ куналомъ-крестьяниномъ и принимаетъ его въ свои пашни. Иные же нѣзжиточныхъ калмыковъ за свою землю и помощь при уборкѣ съ нея хлѣба получаютъ съ крестьянъ около половины урожая въ готовомъ зернѣ. Иногда бываетъ и такъ, что сами крестьяне своими скотомъ и орудіями, безъ всякаго участія въ работахъ со стороны калмыка, дающаго землю, вспахиваютъ ее, обмѣняютъ своимъ зерномъ и убираютъ,—но только уже одну свою условленную часть (половину, рѣдко треть), другую же часть убираетъ владѣлецъ паш. Но пользующихся такъ, сравнительно опредѣленно, своими пашнями очень мало—преобладающее большинство народа продаетъ свои паш, какъ уже сказано, на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, перечислить которыя почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что въ основѣ такихъ сдѣлокъ всегда лежитъ забота и желаніе калмыковъ получить съ крестьянина—нанимателя паш *шуръ* (хлѣбное зерно) и *адманъ* (готовый хлѣбъ), безъ котораго существованіе бывшихъ вочевниковъ-скотоводовъ, въ особенности зимой, сдѣлалось уже невозможнымъ. Лѣтомъ калмыки еще кое какъ могутъ пропитываться *арьяномъ* (проквашенное молоко) и чаемъ съ молокомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ бараниной; зимой же, когда удои коровъ прекращаются, единственную повседневную пищу калмыковъ представляетъ, кромѣ чая, *будана*, т. е. мука, свареная въ водѣ и приправленная сбереженнымъ на зиму молокомъ (въ сушеномъ и квашеномъ видѣ), если таковое есть. Безъ этого *будана*, какъ русскій безъ хлѣба, калмыкъ не можетъ—да и нечѣмъ было бы—

жить. Такъ вотъ, чтобы имѣть по возможности всегда муку для будана, а иногда полакомиться и „пышками“ (хлѣбныя лепешки), калмыкъ и сдаетъ свой пай „знакомому“, т. е. крестьянину — приятелю, за известное количество гура (муки), что и составляетъ плату за пользование землей. Кроме того, имѣя такого „знакомаго—арендатора“, калмыкъ надолго сдаетъ ему частинки своими посѣщеніями, самъ „отъѣдается“ у него и иногда не уходитъ домой безъ куска адмыа т. е. печеного хлѣба. Въ такихъ отношеніяхъ къ „знакомому“ несомнѣнно есть много выгодъ для безпечнаго, не умѣющаго дѣлать сбереженія и вообще лѣниваго калмыка. Если же вспомнимъ, что онъ рѣшительно не въ силахъ самъ, своими средствами, вспахивать землю, что у него нѣтъ мѣста для храненія зерна на случай, если бы у него таковое было; если мы узнаемъ, что калмыкъ не отличается бережливостію, то и согласимся, что онъ, зная себя и свои наклонности, умудренный опытомъ, лучше, въ смыслѣ извлеченія наибольшаго пользы изъ своего пая, не сможетъ—да и нельзя—эксплуатировать его и не сумѣетъ иначе устроить свои хозяйственно-продовольственные дѣла—до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ распахивать землю и не изыщетъ необходимыхъ въ тому средствъ. Безъ средствъ же и безъ посторонней помощи, въ чемъ бы таковая ни выразилась—въ участіи ли крестьянъ въ совмѣстномъ съ калмыками трудѣ по обработкѣ земли, или же въ снабженіи ихъ рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями—калмыки, въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, рѣшительно не могутъ сами обрабатывать своихъ земельныхъ пашей.

Это вопросъ будущаго, вопросъ очень важный и, по нашему мнѣнію, наилучшимъ способомъ обремененный самими калмыками, практикующими своеобразную систему сдачи своихъ пашей крестьянамъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ. Мы нисколько не преувеличили, сказавъ, что калмыки, сдавая такъ свои пай крестьянамъ, извлекаютъ изъ нихъ наибольшую большую для себя пользу. Перевести на деньги все то коли-

чество гуира и эдыка, какое калмыкъ получить по условію и выманить, и выпросить, и съѣсть, почти невозможно. Сами же крестьяне говорятъ, и не безъ основанія на то, что имъ гораздо дешевле обошлось бы то же количество земли, если бы они взяли его прямо за деньги и не выплачивали за него *фунтами и юртками муки и пирогами* (печенымъ хлѣбомъ) въ продолженіе осени и зимы. Въ общей экономіи крестьянскаго хозяйства фунты муки и пироги почти незамѣтны, не ложатся бременемъ на его бюджетъ и крестьянину кажется, что онъ „дешево держитъ землю“. Въ дѣйствительности же, если бы этимъ фунтамъ и пирогамъ подвести итогъ, то стоимость ихъ навѣрное превышала бы нормальную стоимость того количества земли, за которое дается калмыку хлѣбъ, а не деньги. Все дѣло въ томъ, что крестьянинъ *не деньгами платитъ за землю и не сразу „кушемъ отсыпаетъ“ условленное количество муки, а выдаетъ ее въ продолженіе долгаго, сравнительно, времени и малыми, незамѣтными частями*; калмыкъ же все таки обезпечивается мукой, т. е. необходимой повседневной пищей, не подвергаетъ себя случайностямъ и соблазнамъ сбыть кажущійся излишекъ запаса. Получая же деньги за землю, онъ, врагъ бережливости, немедля промоталъ или же пропилъ бы ихъ, что сплошь и рядомъ и случается съ тѣми калмыками, которые рискуютъ продавать свои пай за деньги.

Слова нѣтъ, что при такомъ способѣ раздѣлыванія своей земли и извлеченія изъ нея доходности калмыки являются какими то паразитами, экономически неспособными и поставившими себя въ полную матеріальную зависимость отъ своихъ знакомцевъ—крестьянъ; понятно, что такая легкая, сравнительно, возможность прокармливанія себя и своего семейства не возбуждаетъ и не можетъ возбудить энергію, инициативу и духъ предпріимчивости въ дѣлѣ занятія сельскимъ хозяйствомъ и, если не убиваетъ, то во многихъ случаяхъ усиливаетъ охоту къ физическому труду, вслѣдствіе чего необходимо изыскать средства и способы помочь калмыкамъ выйти изъ такого зависимаго отъ чужого труда поло-

женія, приохотить ихъ къ самостоятельному земледѣльческому труду и отвлечь ихъ отъ мертвящаго вліянія „знакомцевъ“, къ которымъ они, по собственному выраженію ихъ, „доже присосались“ и безъ которыхъ считаютъ себя „промащими людьми“. Если же мы и сказали, что сами калмыки лучше своихъ опекуновъ нашли средство пользоваться своими пахотными паями и при данныхъ условіяхъ извлекаютъ изъ нихъ наибольшую для себя пользу, то сказали такъ потому, что официальное рѣшеніе этого же вопроса, выразившееся въ распоряженіи главнаго пристава: сдавать даже земельные пая не иначе, какъ за деньги и съ разрѣшенія начальства, причемъ деньги должны вноситься въ улусное управленіе,— рѣшительно не выдерживаетъ никакой, даже снисходительной, критики,—и, какъ практически несостоятельное, не могло не оказать вредныхъ въ экономическомъ отношеніи послѣдствій, перепутало всѣ сношенія калмыковъ съ крестьянами и поставило первыхъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ самыя тяжелыя экономическія условія. Затѣмъ несомнѣннымъ результатомъ этого распоряженія явилась и рассказанная уже нами возмутительная исторія столкновенія калмыковъ Икитуктунова рода съ попечителемъ улуса Г., считавшимъ себя въ правѣ, опираясь на распоряженіе главнаго пристава, призвать казачью команду и вооруженной силой отнимать у калмыковъ и ихъ арендатора принадлежащіе первымъ деньги за ихъ собственную землю, несмотря на то, что имъ очевидно были нужны деньги на покупку хлѣба и корма для скота; и тѣ глухія, едва не разразившіяся крайне нежелательнымъ инцидентомъ волненія среди крестьянъ и калмыковъ, какія были весной 1893 года по поводу фактическаго запрещенія: а) калмыкамъ—сдавать подъ распашку свои пая безъ взноса получаемыхъ за нихъ денегъ въ улусное управленіе и б) крестьянамъ—распахивать эти пая, хотя бы расчетъ за нихъ и поконченъ былъ съ калмыками. Чтобы не быть голословнымъ, скажу нѣсколько подробнѣе о послѣднемъ фактѣ.

Не обращавшій вниманія на послѣдствія своего распоряженія главный приставъ настоятельно потребовалъ, чтобы больше-дербетская улусная администрація „строго и неуклонно“ слѣдила за тѣмъ, чтобы крестьяне ни подъ какими предлогами не распахивали бы калмыцкой земли безъ предварительнаго взноса за нее арендной платы, помимо калмыковъ, прямо въ улусное управленіе по разѣ установленной таксѣ,—именно за „мягкую“ землю 1 р. 20 к. съ десятины, залежь 2 р. и цѣлину 4 р. тоже за десятину. При этомъ велѣно было не обращать ровно никакого вниманія на ранѣ существовавшія сдѣлки калмыковъ съ крестьянами; всѣ расчеты и обязательства, заключенныя между ними, сочтены были незаконными (?) и крестьяне, уплатившіе уже за землю деньгами или хлѣбомъ, должны были вновь платить по таксѣ, если желали пользоваться ранѣ оплаченной землей. Словомъ, калмыки совершенно лишились права самостоятельно распоряжаться своими пахотными и сѣвными пашнями, а крестьяне потеряли возможность пользоваться нанятою у нихъ землей, потеряли также деньги и хлѣбъ, уплаченный за нее. Въ общемъ же были нарушены и уничтожены тысячи сдѣлокъ крестьянъ съ калмыками. Понятно, что крестьяне и калмыки заволновались, протестовали,—но изъ ихъ протеста ничего не вышло. Калмыки заручно смирились, крестьяне же свои протори и убытки выместили на хозяевахъ паевъ, брали съ нихъ, что возможно, и были ихъ при каждой встрѣчѣ съ ними въ селахъ, тѣмъ и вынудили такъ или иначе рассчитаться за взятые деньги и хлѣбъ. При этомъ, естественно, развилась масса нелегальныхъ продѣлокъ, имѣвшихъ цѣлью какъ нибудь обойти распоряженіе главнаго пристава и дать своимъ знакомымъ крестьянамъ возможность безнаказанно распахивать землю. Но, несмотря на послѣднее, все таки большинство калмыковъ осталось и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ возможности по прежнему получать отъ знакомцевъ даромъ гунръ и эдмивъ. Слѣдовательно, главный приставъ, лишивъ калмыковъ права

самостоятельно распоряжаться своими паями, тѣмъ самымъ не только поставилъ ихъ въ экономически безвыходное положеніе, но и натолкнулъ народъ на путь изысканія всѣхъ возможных нелегальныхъ способовъ пользованія своими паями непосредственно въ свою пользу, иначе говоря—невольно заставилъ ихъ плутовать для добыванія средствъ къ существованію. Вмѣстѣ съ этимъ, главный приставъ, не предвидя того, своимъ, повидимому охраняющимъ интересы каминокъ, распоряженіемъ положительно разорилъ ихъ. Такъ, въ томъ же 1893 году была необычайно суровая зима. Съ двадцатыхъ чиселъ декабря мѣсяца 1892 года и до половины января слѣдующаго года непрерывно свирѣпствовалъ сильнѣйшій снѣжный буранъ, благодаря которому скотъ не имѣлъ возможности пользоваться подножнымъ кормомъ, не только въ періодъ бурана, но и послѣ него, почти до середины февраля мѣсяца, такъ какъ степь занесена была толстымъ слоемъ снѣга и стояли сильныя, необычныя холода. Страдая же и отъ холода, и отъ бескормицы, скотъ массами пропадалъ. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это официально засвидѣтельствованный фактъ, что въ теченіе упомянутаго нами времени свирѣпствованія снѣжнаго бурана, у населенія ставропольской губерніи, находящагося въ вѣдѣніи главнаго пристава, отъ голода и холода *мало одинъ миллионъ десятин одна тысяча сто восемьдесятъ семь воловъ разнаго скота и лошадей*; въ томъ числѣ, собственно у каминокъ Больше-Дербетскаго улуса, бѣднѣйшихъ скотомъ, *мало тысяча пятьсотъ пятьдесятъ одна голова*. При нищенствѣ народа это ужасныя цифры! Между тѣмъ, если бы камины не лишены были права непосредственнаго полученія доходности со своихъ павей и тѣмъ не былъ бы подорванъ ихъ кредитъ у крестьянъ, бѣдствіе не имѣло бы такихъ страшно разорительныхъ послѣдствій. Въ 1891 году въ каминой степи былъ отличный урожай, никто не скосилъ ни былинки травы, посѣвы также пропали и, тѣмъ не менѣе, камицкій скотъ не падалъ съ голоду. Положимъ, въ томъ году каминамъ видана была ограда изъ общественнаго капитала по одному рублю на голову

скота. Но не эта ссуда спасла скотъ отъ послѣдствій голодовки. И безъ объясненій понятно, что на одинъ рубль въ теченіе зимы невозможно прокормить даже овцу, тѣмъ болѣе во время голодовки, когда сажень соломы продавалась за двадцать и болѣе рублей, сажень же сѣна за семьдесятъ и даже восемьдесятъ рублей. Спасла же скотъ не ссуда, а помощь крестьянъ сосѣднихъ селъ, въ которыя калмыками угнанъ былъ скотъ и гдѣ онъ прозимовалъ вмѣстѣ съ крестьянскими. За зимовку же скота калмыки разсчитались съ крестьянами не деньгами, что невозможно было для первыхъ, а уступкой имъ части своихъ покосовъ и пахотныхъ пасевъ, что и было выгодно какъ для той, такъ и для другой стороны, и крестьяне безъ ущерба для калмыковъ сохранили единственное ихъ достояніе—скотъ. Въ 1893 году калмыки не могли такъ счастливо отдѣлаться отъ бѣды, ибо, въ силу запрещенія сдавать свои паша крестьянамъ, они потеряли всякій кредитъ у послѣднихъ. Крестьяне, зная, что ихъ сдѣлки съ калмыками не признаются начальствомъ, не вѣрили въ долгъ послѣднимъ и требовали съ нихъ за сѣно и солому наличныя деньги, которыхъ бѣднякамъ рѣшительно негдѣ было взять. Изъ своихъ родовыхъ суммъ, хранящихся въ улусномъ управленіи?... Странно объ этомъ и говорить. Кормъ и пріютъ для скота нуженъ былъ сейчасъ же, въ моментъ застигнувшей бѣды, слѣдовательно сейчасъ же нужны были и деньги для пріобрѣтенія корма. Получить же деньги изъ улуснаго управленія можно только по выполненіи тяжелыхъ въ данномъ случаѣ и медлительныхъ канцелярскихъ проволочекъ и формальностей. Нужно: 1) испросить разрѣшеніе главнаго пристава на право созыва общественной сходки, 2) выждать требуемаго закономъ двѣ недѣли, когда, получивъ разрѣшеніе, можно созвать сходъ и составить общественный приговоръ объ отпускѣ денегъ, 3) отослать приговоръ на просмотръ улуснаго управленія и утвержденіе главнаго пристава, 4) получить предписаніе о выдачѣ денегъ, 5) взять ихъ изъ казначейства и 6) раздать всѣмъ нуждающимся подъ ихъ расписки—короче говоря, на выполненіе всѣхъ этихъ необхо-

димыхъ формальностей затрачивается самое нужное время и калмыки свои собственныя деньги, крайне необходимы въ извѣстный моментъ, получаютъ тогда, когда нужда въ нихъ проходитъ и бѣдствіе, обрушившись всей силой своей тяжести на находящійся подъ опекой народъ, успѣваетъ причинить ничѣмъ непоправимый вредъ. То же самое, что со скотомъ, случалось и съ людьми во время повальныхъ заболѣваній калмыковъ оспой, брюшнымъ тифомъ и др. болѣзнями, что и было въ томъ же 1893 году... И нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни невѣроятнаго, въ томъ, что калмыки, благодаря лишенію ихъ права пользоваться доходами съ земли безъ посредства главнаго пристава и улуснаго управленія, еще болѣе обѣднѣли, потеряли возможность пользоваться помощью отъ крестьянъ и, дабы имѣть хлѣбъ, одежду, средства на свадьбы, похороны и т. п. должны были продавать послѣднюю коровенку. Нужды ихъ, зачастую совершенно не предусмотрѣнны, не могли и не могутъ ждать поры, когда путемъ официальныхъ разрѣшеній соблаговолятъ выдать деньги для покрѣтїя ихъ; по минованіи же нужды, понятно, что я помощь не въ помощь. Да наконецъ не за всякой нуждой удобно бываетъ обращаться къ начальству; нужны, напримѣръ, деньги на покупку водки для сватовства, свадьбы и при другихъ случаяхъ; какъ на водку просить денегъ? И калмыкъ не рѣшится просить ихъ, да и начальство не дастъ... Такихъ же случаевъ, неудобныхъ для обнаруживанія предъ начальствомъ, (ибо она могутъ показаться ему и малозначащими, и ненужными, и вредными, почему и „не подлежащими удовлетворенію“) въ жизни народа, по требованію его обычаевъ, встрѣчается масса. Случаи же эти, вопреки взгляду начальства, неустрашимы и тѣсно связаны со строемъ его быта... Слова нѣтъ, что желательное образованіе общественныхъ родовыхъ капиталовъ. Противъ важнаго значенія послѣднихъ въ экономическомъ быту народа не можетъ быть вѣчи. Но образовывать такой капиталъ, думается, вполне возможно, не прибѣгая для того къ такимъ неудобнымъ для

калмыковъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, лишеніе ихъ права непосредственно пользоваться арендными деньгами со своей земли. Земли много; большая половина ея сдается въ аренду по общественнымъ приговорамъ. Разъ же у главнаго пристава есть легальное право вмѣшиваться въ денежные расчеты калмыковъ и распредѣлять ихъ доходы по своему усмотрѣнію, то и пусть бы онъ опредѣлялъ: 1) сколько нужно удерживать изъ общей арендной суммы для взноса въ казначейство на покрытіе похозяйственнаго албана (подати) и на удовлетвореніе другихъ, закономъ требуемыхъ, общественныхъ расходовъ и 2) какой процентъ изъ той же суммы вносить въ улусное управленіе для образованія родовыхъ капиталовъ; а затѣмъ остальные деньги предоставлялъ бы въ свободное и непосредственное распоряженіе родовыхъ обществъ, безъ всякаго вмѣшательства въ дѣло расходованія ихъ со стороны официальныхъ лицъ, развѣ только обязавъ послѣднихъ слѣдить, чтобы деньги не утаивались должностными лицами и дѣлились бы между всѣми родовичами поровну. Что же касается вмѣшательства главнаго пристава и чиновниковъ улуснаго управленія въ дѣла калмыковъ по соглашенію ихъ съ крестьянами относительно разработки паевой земли, равно и сдачи ея въ аренду, то такое вмѣшательство, какъ о томъ говорятъ факты, безспорно вредно отражается въ нищенской жизни калмыковъ, портитъ ихъ отношенія къ сосѣдямъ-крестьянамъ, обезличиваетъ народъ, убиваетъ въ немъ духъ предприимчивости, низводитъ свободный и здоровый народъ на степень какихъ то богадельщиковъ, вынужденныхъ, дабы имѣть личныя средства, или попрошайничать, или же разными темными путями не допускать, чтобы ихъ деньги попадали въ улусное управленіе. О послѣднемъ калмыки, не скрываясь, заявляли на общественныхъ сходкахъ, вполне справедливо доказывая, что, если главный приставъ не отмѣнитъ своего распоряженія, то нужда заставитъ ихъ „находить обходы“, такъ или иначе вступать хотя и въ убыточные, но крайне необходимыя, сделки съ крестьянами, дабы имѣть „свободныя деньги“, обойтись безъ

которыхъ нѣтъ возможности. Понятно, что у нихъ слово не расходилось съ дѣломъ; намъ по прежнему сдавались въ аренду, но уже *майкомъ*. Крестьяне же, пользуясь случаемъ, подъ видомъ вычета за рискъ, сильно понизили плату за землю. Пишущему эти строки доподлинно извѣстно множество случаевъ нарушенія распоряженія главнаго пристава. Желаніе народа и экономическіе его интересы не могутъ подчиниться гнетущимъ ихъ канцелярскимъ требованіямъ, особенно, если эти требованія нарушаютъ всѣ жизненные устои, въ замѣнъ чего, кромѣ пугъ, ничего не дается. Замѣвающимъ калмыками вѣроятно хотѣлось устроить какую то официальную коммуны съ безответными членами ея—калмыками-хозяевами земли, доходность съ которой и составляла бы бюджетъ коммуны. Но тогда слѣдовало бы устроить такъ, чтобы въ управленіи коммуны было все необходимое для удовлетворенія насущныхъ нуждъ калмыковъ, равно было бы и мѣсто для приюта бедомныхъ бѣдняковъ, сиротъ и калѣкъ. Разъ же ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало лишать калмыковъ права полученія доходовъ съ земли (особенно съ пашевъ и за выпасъ скота) прямо въ руки безъ посредничества улуснаго управленія; за послѣднимъ должно оставаться только право надзора, т. е. именно то, что возложено на него закономъ, а не главнымъ приставомъ. Иначе—должно было случиться то, что случилось, т. е. калмыки, дабы имѣть у себя лично средства, научились плутовать; а такъ какъ, благодаря плутовскому способу сдачи земли въ аренду, цѣнность ея понизилась, то калмыки, дабы пополнить недочеты, поневолѣ должны были продавать послѣдній свой скотъ. Затѣмъ, что будетъ дальше—не трудно угадать... Во всякомъ же случаѣ не слѣдуетъ держать народъ въ заблужденіи... Одно изъ двухъ: или же признать калмыковъ неспособными распоряжаться землею, извлекать изъ нея доходы и самостоятельно расходовать деньги—и тогда лишитъ ихъ надежды на пріобрѣтеніе независимыхъ правъ на землю,

или же, что гораздо справедливѣе,—оставивъ вредный и ошибочный взглядъ на имущественную неправоподобность калмыковъ, закрѣпить за ними землю, дать имъ полную свободу распоряжаться своими пашнями, не выискиваться въ расчетъ съ крестьянами и не давать изъ милости, что слѣдуетъ дано по праву. Совершенно ошибочно думать и утверждать, какъ то дѣлаютъ оффиціозы, что калмыки будто бы не понимаютъ своихъ выгодъ и по прежнему продолжаютъ заключать невыгодныя для себя сдѣлки. Нужда и ихъ научила уже ясно калачи. Масса извѣстныхъ намъ сдѣлокъ калмыковъ съ крестьянами даетъ право утверждать, что калмыки отлично понимаютъ и соблюдаютъ свои выгоды, предусматриваютъ всѣ случайности и умѣло гарантируютъ безспорность полученія выговореннаго, причемъ не упускаютъ случая даромъ или же навѣрняка дешевле воспользоваться и званіями крестьянина, и его скотомъ, и сельскохозяйственными орудіями. А это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что если бы у калмыковъ были средства, необходимыя для обработки земли, то недолгъ они сами по себѣ, безъ чиновничьяго выискиательства, взялись бы за плугъ. Но тутъ то и случилось то, чего не слѣдовало бы допускать,—именно не слѣдовало 1) колебать увѣренность въ неварушимости правъ на землю и 2) лишать права получать въ свои руки доходъ съ пашотныхъ и покосныхъ пашей. Въ замѣнъ же послѣдняго лишенія калмыкамъ ничего не дано, ибо нельзя же считать въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно серьезной поддержкой для калмыковъ покушку имъ по два и по три плуга на цѣльнй родъ, считающій въ своемъ составѣ отъ семи до пяти сотъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Это было не поддержкой, а забавой. Иначе мы и не можемъ назвать приобрѣтеніе въ 1893 году для каждаго родового общества по два плуга, не можемъ назвать потому, что сами по себѣ плуги бесполезны. Чтобы они могли приносить пользу, нужно много кое чего добавить къ нимъ—это разъ; а во вторыхъ, развѣ можно установить справедливый, хотя сколько нибудь, способъ пользованія ими со стороны населенія въ сто и

четыреста отдѣльныхъ хозяйствъ? Затѣмъ нужна животная рабочая сила,—быки же, несмотря на просьбы калмыковъ, не были куплены... Не принесла эти плуги пользы также и дѣлу заведенія общественныхъ запасекъ, опять таки по той простой и вполне понятной причинѣ, что не было приобретено общественныхъ быковъ или лошадей, а безъ нихъ страна и попытка уравнивать участіе всѣхъ калмыковъ въ трудѣ обработки земли для посѣва общественнаго хлѣба, если не перевести это участіе на деньги. Но тогда не проще ли и не справедливѣе ли было бы заплатить за распапку земли, посѣвъ и уборку *общественнаго хлѣба*, взыскать деньги съ калмыковъ и считать, что произведена общественная запашка: *въ такомъ то родѣ столько то десятинъ, а въ такомъ то столько то?*... Въ дѣйствительности такъ оно и есть, съ тою только незначительной поправкой, что израсходованныя на такую запашку деньги взыскиваются—*не чинами улуснаго управленія, а какъ будто бы секретно отъ нихъ—родовыми старшинами*. Разумѣется, послѣднее ни для кого не секретъ, но... всѣ молчатъ, ибо кому то для чего то нужно, чтобы у калмыковъ была общественная запашка, а какъ она производится, это не попадаетъ на страницы отчетовъ о ней...

И такъ, резюмируя сказанное нами въ этой главѣ, еще разъ подтвердимъ, что, если желательно, чтобы калмыки сдѣлались земледѣльцами и тѣмъ вышли бы изъ своего крайне нищенскаго положенія, то, по нашему убѣжденію, основанному на фактахъ, необходимо: во первыхъ и главнымъ образомъ объявить имъ, что *отведенная имъ подъ осыдае послеміе земля составляетъ ихъ неотъемлемую собственность, которою каждый изъ нихъ самостоятельно можетъ распоряжаться на правахъ общиннаго владѣнія и доходы имѣть право получать прямо въ свои руки, и не изъ рукъ такихъ чиновниковъ, какъ главный приставъ и др.; предоставить калмыкамъ право лично входить въ соглашенія съ крестьянами относительно обработки пахотныхъ и покосныхъ пашей и не влѣчиваться въ ихъ счеты и расчеты, развѣ они не нарушаютъ*

общезаконныхъ требованій и договаривающіяся стороны не желаютъ обращаться къ посредничеству улуснаго управленія. Во вторыхъ—прійти на помощь калмыкамъ отпускомъ изъ же „общественнаго калмыцкаго капитала“, коего болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей, необходимыхъ средствъ на приобретение сельскохозяйственнаго инвентаря и животной рабочей силы и слѣдить за тѣмъ, чтобы приобретенное не растрачивалось; но отнюдь не стѣснять свободы пользования и орудіями, и быками или лошадью, ибо самъ народъ всегда справедливое канцелярій сумѣетъ урегулировать способы пользования ими. Выполнить все это легко, такъ какъ средства къ тому есть болѣе чѣмъ достаточны. Иначе же калмыки, безъ особенно счастливой какой либо случайности, не смогутъ выбиться изъ распутия, не избавятся отъ нищеты, не приохотятся къ земледѣльческому труду, а напротивъ, окончательно обнищаютъ и Больше-Дербетскій улусъ обратится въ гнѣздо всяческихъ преступленій, сдѣлается расадникомъ преступяковъ и извой для окружающаго его населенія. Вглядываясь въ „просвѣтительную“ дѣятельность заправилъ Больше-Дербетскаго улуса, въ ихъ способы „насажденія земледѣльческой культуры среди калмыковъ и поднятія экономическаго положенія народа“—невольно припоминаешь справедливое замѣчаніе М. Е. Салтыкова, сказавшаго, что „человѣкъ науки прежде всего требуетъ азбуки, потомъ склады, четырехъ правилъ арифметики, таблицы умноженія и т. д. Ташкентецъ же во всемъ этомъ видитъ неумѣстную придрку и прямо говоритъ, что останавливаться на подобныхъ мелочахъ—значитъ спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Онъ создалъ особый родъ просвѣтительной дѣятельности—просвѣщенія безазбучнаго, которое не обогащаетъ просвѣщаемого знаніями, не даетъ ему болѣе удобныхъ просвѣтительныхъ формъ, а только снабжаетъ невѣстнымъ запахомъ“. Не сравнивая „калмыцкой администраціи“ съ „господами ташкентцами“, мы только скажемъ, что представители ея, „просвѣщая“ кал-

миковъ, начинаютъ не съ словъ... и, вопреки поговорокѣ, думаютъ, что „съ тая-тая выйдеть корабль“, почему и „ломають“ все по своему и вѣрятъ въ животворящую силу предписаній и призывовъ...

—*—*—*—

...тский
...и Государства
...болгарский
...Караганской библиотеки

2) Третья часть... программы для со-
бора... 1897. Цена 40 коп.
3) О древних... 1871—1873
гг. В. Верного, В. Г. Тивенца и др. Цена 10 коп.
4) Сборник... рукописей, относящихся к
Казанской губернии... Архив Ма-
гистратуры... И. О. Толя
5) Описание... очерки). Н. А. Ри-
26) ... Археология, этнография и
Историческая Казань... Том I, 1878, выпуски 1—3, по 20к.
Том II, 1878, выпуск 4—5, по 20к.
Том III, 1884, вып. 1—2, по 1 руб. 30 коп.
Том IV, 1885, вып. 1—2, по 1 руб. 30 коп.
Том V, 1884, вып. 1—2, по 1 руб.
Том VI, 1889, вып. 1—2, по 1 руб. 25 коп.
Том VII, 1889, вып. 1—2, по 1 руб. 25 коп.
Том VIII, 1890, вып. 1—2, по 1 руб. 25 коп.
Том IX, 1891, вып. 1—2, по 1 руб. 25 коп.
Том X, 1892, вып. 1—6, по 1 руб.
Том XI, 1893, вып. 1—6, по 1 руб.
Том XII, 1894—1895, вып. 1—6, по 1 руб.
Том XIII, 1895—1896, вып. 1—2 по 1 руб., 3, 4 и 5 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. 25 коп.
Том XIV, 1897—1898, вып. 1—4 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. 25 коп.
Томы I и II, а равно и 3-й вып. VI-го тома, Общество принимает обратно в обмен на другие

Описание... 1878—1897 годы по 1 руб.
... по плану его издания состоят: а)
... б) ... в) ... д) ...

... Архив Ист. и Этн. (Ка-
... пересылков,
... при каждой

№ 1039, в. 625.

Этнографический институт Будущее...
в конце января, а с февраля...
мал, июль, сентябрь и октябрь)

Содержание книжки № 1039, в. 625

- 1) Оригинальные и переводные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии;
- 2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней и Южной Сибири);
- 3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России, каковы: оригиналы документов, акты, произведения народного творчества, описания древних языков и диалектов, русские говоры, записки из периодических изданий Восточной России;
- 4) Хроника извостей о путях Восточной России, о находках раскопках, об экспедициях археологических, этнографических, антропологических и этнографических, о прочитанных в заседаниях русских ученых общества в Бердске, книги, статьи, вышедшие из Восточной России;
- 5) Программы по специальным вопросам археологии, истории и этнографии Восточной России, отсюда вытекающие программы;
- 6) Библиография: обзор книг и статей, вышедших в общерусских и иностранных периодических изданиях, вышедших в археологии, истории и этнографии Восточной России.

В «Известиях» принимают участие: проф. Д. В. Ананьев, проф. А. И. Александров, И. В. Аничков (Амур-Ата), проф. А. С. Архангельский, о. Н. А. Архангельский, Г. Александров, Ш. Т. Александров, В. А. Богородицкий, В. Л. Борисов, проф. Е. Ф. Булье, К. В. Вильямс (Уфа), В. Н. Витеский, А. О. Гейкер (Гельсингфорс), А. А. Давыдов, М. Е. Егоров, И. А. Иванов, проф. Н. Ф. Катанов, С. П. Келдров (Саратов), акад. В. В. Лышев, В. К. Мадянский, о. Е. А. Мелов, Н. М. Мартынов (Амурская), проф. Ф. Г. Митенко, В. А. Мошков (Варшава), еписк. Никандр (Смоленск), Н. Н. Пантусов (Вятка), Н. М. Петровский, П. А. Поволяев, Г. Н. Полянин (С.-Петербург), проф. П. Н. Смирнов, О. А. Теплоухов (Чернь), В. М. Терехин (Чернь), Ш. Шукенберг, И. Н. Юркин, проф. Н. Н. Сиверс и др.

Статьи, присланные для помещения в «Известиях», принимаются в случае надобности, изменения и сохранения.

Цена годовому изданию 5 руб., разовая плата за выписку 1 руб. Желание внести в редакцию сумму 5 руб. в год, выписку при подписке в 2 раза дешевле.

Действительные члены Общества, имеющие право на получение 5 р., получают издание бесплатно.

Подписки принимаются только в наличную форму. Объявления в журнале, истории и этнографии, в «Известиях» принимаются по отдельным договорам.

Полный список членов Общества, а также список членов редакционной коллегии, вышедших в свет, можно получить в редакции.

Вопросы, касающиеся издания, можно задавать в редакцию.